

СОДЕРЖАНИЕ I ТОМА:

ПРЕДИСЛОВИЕ Н. С. ТИМАШЕВА	7
ОТ АВТОРА	13
Гла ва I. ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ СТРАНЫ	21
„ II. НАСЕЛЕНИЕ	55
„ III. ЛИКВИДАЦИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ	116
„ IV. РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	135
„ V. ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛХОЗНОГО ХОЗЯЙСТВА	235
„ VI. СОЗДАНИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	316

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Народное хозяйство СССР» проф. С. Н. Прокоповича — ценный вклад в сокровищницу русской экономической науки, посвященный судьбам русского народного хозяйства со времени октябрьского переворота до наших дней. История разворачивается однако перед читателем не в обычном хронологическом порядке, период за периодом, а по предметам. После двух вступительных глав, предлагающих сведения о природных условиях русского хозяйства, т. е. о климате, почве, минеральных и иных богатствах, и о населении, которое дает хозяйству самое существование и пользуется его плодами, идут главы, в которых последовательно рассматриваются сельское хозяйство, промышленность (со включением условий труда), пути сообщения, торговля внутренняя и внешняя, денежное обращение, финансы и народный доход. Нет особой главы о путях сообщения, но сведения о них читатель найдет в главе о промышленности.

Трудов по истории русской экономики за годы большевизма вышло немало, преимущественно на иностранных языках. Но никто не может считаться более призванным дать твердо обоснованный труд по этому предмету, нежели проф. Прокопович. Ко времени революции 1917 года он уже был автором ряда видных трудов, главными из коих являются: «Рабочее движение на Западе» (1899 г.), «К критике Маркса» (1901 г.), «Кооперативное движение в России» (1903 г., 2-е из-

дание 1913 г.), «Бюджеты петербургских рабочих» (1909 г.), «Аграрный кризис и мероприятия правительства» (1913 г.); вскоре после революции вышел чрезвычайно ценный «Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900-1913 гг.»

По своим научным взглядам, С. Н. Прокопович примкнул к марксистам-ревизионистам, полагавшим, что социализм продолжает дело либерализма, и что путь к прогрессу идет не через страдание, а через повышение экономического, политического и социального уровня масс. Политически примыкавший к меньшевикам-оборонцам и бывший одно время министром народного продовольствия при Временном Правительстве, С. Н. Прокопович не мог принять ни коммунистического насилия над внутренней логикой хозяйственного развития, ни ленинского пораженчества. Но когда в тяжкий 1921 г., грозивший русскому народу вымиранием от голода, советское правительство обратилось за помощью к общественности, он не счел себя в праве отказаться. История общественного комитета того времени хорошо известна. Вместе с другими его членами С. Н. Прокопович был арестован и в 1922 г. выслан из России в составе группы трехсот, включавшей цвет русской интеллигенции, не пошедшей по пути прислуживания большевикам.

С. Н. Прокопович обосновался в Праге. Чехословацкое правительство отличило в нем деятеля, который по своей научной подготовке и по идейной установке мог выполнить трудную задачу бесстрастного изучения русской действительности, которая тогда менялась с калейдоскопической быстротой. Его Экономический Кабинет и его бюллетени, выпускавшиеся сначала в mimeографированном, а потом в печатном виде, останутся непреложным свидетельством силы русской экономической науки до ее подавления большевиками. В Кабинете изучалась огромная литература,

доставлявшаяся прямо из России; она подвергалась тщательному анализу, для отсеивания действительно ценных, т. е. показательных фактов, а затем обработке небольшим, но тесно сплоченным штатом специалистов по отдельным отраслям экономики и соприкасающихся отделов общественной жизни, в частности права. Результаты этой работы опубликовывались в бюллетенях, тогда как более сложные вопросы трактовались в издававшемся С. Н. Прокоповичем «Экономическом Сборнике», коего вышло 12 томов.

Как рассказывает автор в своих вступительных замечаниях, работа эта была насильственно оборвана с захватом Чехии немцами. Вскоре, благодаря его неутомимой энергии, она возобновилась в Женеве, где бюллетени стали появляться на английском языке — но не надолго; преувеличенно щепетильное по части нейтралитета швейцарское правительство и этой фазе работы положило конец. Но от дела своей жизни автор не отказался. Он продолжал изучать экономическую сторону советской жизни по всем доступным материалам и печатать статьи по отдельным вопросам в общей и специальной прессе, русской и иностранной. В 1944 г. он выпустил, на немецком языке, книгу на тему ныне предлагаемой читателям; в ней он систематически изложил то, что узнал за долгие годы неустанного и пристального наблюдения за русской хозяйственной действительностью. Но работу он продолжал и дальше, и в настоящем своем труде предлагает обзор русской экономической истории вплоть до завершения четвертой пятилетки, т. е. до конца 1950 г. Как известно, за военные и послевоенные годы советская власть сделала секретными почти все экономические данные и стала не столько искажать статистику, сколько делать ее неудобопонятной. Как правильно полагает проф. С. Н. Прокопович, это делает советскую действительность непознаваемой. Все в экономической жизни между собой тесно связано, и по

отрывочным данным о некоторых ее частях можно воссоздать довольно полную и надежную картину целого. Но для этого нужно подлинно владеть предметом, т. е. знать все, по нему непосредственно известное, и обладать даром сочетания разрозненных обрывков в связное целое. Обоими свойствами автор обладает в полной мере, и потому так ценен его труд, несмотря на возможность сомнений и несогласий с ним по отдельным пунктам.

Главным мотивом труда С. Н. Прокоповича, выгодно отличающим его от многих трудов на ту же тему, является отчетливое сознание двойственной природы русской действительности со времени октябрьского переворота. Есть в ней элемент, который можно уподобить непрерывному потоку экономических и других фактов, познаваемому на протяжении тысячетлетней русской истории. Этот поток может быть временно запружен или направлен в искусственное русло, но всегда сохраняет склонность вернуться к основному направлению. Но есть в нем элемент и человеческого произвола, каким в данном случае является коммунистическое задание, основанное на извращении и вульгаризации эволюционной, в сущности, идеи марксизма. Только в порядке насилия могло быть такое произвольное задание навязано русскому народу; и потому советское хозяйство в основе является насильническим; отсюда принудительная коллективизация сельского хозяйства, рабский труд в трудовых лагерях, и, как показывает С. Н. Прокопович, в сущности и планирование в его советской форме. Эта последняя мысль развита автором крайне интересно, на почве теоретического экскурса в область планирования вообще. Другой ценный и интересный экскурс посвящен истории заработной платы и рабочих бюджетов до революции 1917 г. В этой части своего труда автор возвращается к основным темам своей научной работы до революции.

Труд проф. Прокоповича отнюдь не легкое чтение. Извилины русского экономического пути прослежены в нем детально на основе обильных фактов, преимущественно статистических. Но тут следует отметить счастливую особенность труда. Тогда как многие статистики и экономисты статистической школы склонны приводить цифры ради цифр, предлагая огромные таблицы, в которых профан немедленно теряется, С. Н. Прокопович умеет отбирать именно то, что в данном месте нужно для обоснования того или иного утверждения. Нет в его труде никаких статистических ухищрений, вроде исчисления коэффициентов корреляции, коими любят щеголять многие из числа современных статистиков и социологов, часто прикрывая этими ухищрениями бедность мысли.

В заключение читатель может спросить — а нужно ли в данное время точное знание многих подробностей, вводимых автором в его труд? Ответ должен быть — да, нужно. И нужно это потому, что никакую действительность нельзя подлинно понять в отрыве от исторического потока, на поверхности которого она явилась. Прошлое продолжает жить в настоящем. Русское историческое прошлое определило многие стороны того, что стало известно под именем коммунистического хозяйства. И то недавнее прошлое, каким являются более ранние его фазы, и то настоящее, познать которое помогает проф. С. Н. Прокопович, отразятся в русском будущем. Это не значит, что будущая Россия будет обязана преклониться перед фактами, созданными большевистским насилием, но посчитаться с ними, признать их, как всякую иную данность, ей придется. И потому тот, кто не считает, что Россия погибла, тот, кто ждет России освобожденной от коммунистического ига, не отложит в сторону труд проф. С. Н. Прокоповича. Будет ли он размышлять о грядущих судьбах русского сельского

хозяйства, или промышленности, или какой-либо иной отрасли хозяйственной деятельности, он не сможет строить планов просто на основании того, что он считает наилучшим. Всякий план будущего преобразования должен исходить от знания и понимания настоящего и прошлого. Вот почему столь ценно дело жизни проф. Прокоповича, воплощенное в труде, лежащем перед читателем. Только тот, кто, вместе с автором, будет владеть знанием о прошлом, сможет внести ценную лепту в дело подготовки лучшего будущего.

С этой мыслью пусть и подойдет читатель терпеливый, а может быть и нетерпеливый, к тому кладезю проверенных и систематизированных знаний, каким являются два тома «Народного хозяйства СССР» проф. С. Н. Прокоповича.

Н. С. Тимашев

ОТ АВТОРА

Эта книга является плодом работы нескольких десятилетий. После революции 1917 г. мы, — моя жена и я, — решили остаться в Советской России, чтобы собственными глазами видеть начавшийся в ней процесс социальной революции. Мы оставались в ней пять лет. Когда начался голод 1921-1922 гг., при участии общественных и политических деятелей дореволюционного времени и периода Временного Правительства мы организовали Комитет помощи голодающим. Первой его задачей было прорвать иностранную блокаду, отрезавшую Россию от всего мира, и просить у стран Западной Европы и Америки помощи ее голодающему населению. Призыв Комитета был услышан. Америка щедро пришла на помощь и ее продовольственная организация (American Relief Administration) спасла миллионы русских людей от голодной смерти. Но самый Комитет после нескольких месяцев работы был закрыт советской властью; мы были арестованы, посажены в тюрьму, затем сосланы на Север и, наконец, изгнаны из пределов СССР. Поселившись в гостеприимной Чехословакии покойного президента Масарика, я организовал Институт по изучению народного хозяйства СССР, регулярно издававший в 1928-1938 гг. «Бюллетени Экономического Кабинета проф. С. Н. Прокоповича». Оккупация Чехословакии Гитлером вынудила нас переселиться в Швейцарию, в Женеву, в которой я издавал, с помощью Фонда Карнеги, "Quarterly Bulletins of Soviet-Russian Economics". После начала войны Германии с Россией я вынужден был прекратить издание этих

бюллетеней. Издание было запрещено швейцарским правительством, строго державшимся нейтралитета в разгоревшейся войне, за напечатание в них статьи о причинах войны между Германией и Россией. Возобновить свою работу по изучению народного хозяйства Советской России я мог только в 1944 г., когда Europa Verlag д-ра Эмиля Опрехта издал мою книгу "Russlands Volkswirtschaft unter den Sowjets" и небольшую брошюру "Die natürlichen Hilfsquellen der UdSSR"; затем в 1948 г. в том же издательстве вышла моя брошюра "Der vierte Fünfjahrplan der Sowjetunion 1946–1950". В 1949 г. я написал для Russian Research Center при Гарвардском университете работу о «Реальной заработной плате промышленных рабочих в Советской России», извлечение из которой, с разрешения Russian Research Center, также помещено в настоящей работе.

В настоящей работе я попытался, на основании всех вышеперечисленных собранных мною и опубликованных материалов, дать как общее описание структуры и функционирования народного хозяйства Советской России в его основных отраслях, их возникновения, развития и современного состояния, так и анализ причинных связей и зависимостей между частями этой коллективной совокупности. Основным источником наших сведений о народном хозяйстве Союза ССР является статистика; до последнего времени статистические данные, публикуемые советскими статистическими учреждениями, не подвергались политической корректуре и не заключали в себе прямой лжи. Если та или другая цифра была невыгодна советской власти, она попросту не опубликовывалась, или в методе учета отрасли народного хозяйства в административном порядке производились такие изменения, которые давали нужную для власти цифру. Само собою разумеется, что положительная оценка советской статистики не распространяется на харак-

тер ее использования в политической литературе, ведущей политическую пропаганду; в ней с первых лет советской власти мы встречаем совершенно фантастические преувеличения и искажения действительности. По окончании войны 1941-1945 гг. наша осведомленность о состоянии и процессах развития народного хозяйства СССР осталась по существу в рамках военного времени; президиум Верховного Совета издал 9 июня 1947 г. указ об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну. Указ запрещал разглашение сведений не только военного, но и экономического и научного характера. В частности, указ этот запрещал разглашение следующих сведений:

1. Признанных Советом министров СССР подлежащими сохранению втайне сведений о промышленности в целом и отдельных ее отраслях, сельском хозяйстве, торговле и путях сообщения.

2. О состоянии валютных фондов, сведений о текущем расчетном балансе и оперативно-финансовых планах СССР; сведений о месте и порядке хранения и перевозок драгоценных металлов государственного фонда, валютных ценностей и денежных знаков.

3. Планов и плановых предположений, касающихся ввоза и вывоза отдельных товаров; состояния экспортных фондов отдельных товаров.

4. О геологических запасах и добыче цветных и редких металлов и земель.

5. Об открытиях, изобретениях, технических усовершенствованиях, исследовательских и экспериментальных работах во всех областях науки, техники и народного хозяйства не-военного характера до окончательного их завершения и разрешения на их опубликование.

6. Сведений, касающихся переговоров, сношений и соглашений СССР с иностранными государствами, а равно всяких иных мероприятий в области внешней политики и внешней торговли, не содержащихся в официально опубликованных данных.

7. Других сведений, которые будут признаны Советом министров СССР не подлежащими разглашению.

Разглашение этих сведений, поскольку оно не может быть квалифицировано как измена родине или шпионаж, карается заключением в исправительно-трудовом лагере на следующие сроки:

разглашение частными лицами — заключением на срок от 5 до 10 лет;

разглашение государственными служащими — заключением на срок 8-10 лет;

передача за границу изобретений, открытий и технических усовершенствований — заключением на срок 10-15 лет.

Очевидно, после издания этого указа, объективное научное изучение народного хозяйства СССР, вскрывающее как положительные, так и отрицательные его стороны, является преступлением. Во всяком случае, опубликование его результатов грозит научному работнику заключением в лагере принудительных работ на много лет.

Поэтому, наши сведения о современном состоянии народного хозяйства Союза ССР очень скудны. Главным их источником являются сообщения Центрального статистического Управления при Совете министров СССР, печатаемые каждые три месяца, и два журнала: «Плановое хозяйство», 6 книжек в год, издаваемое Госуд. плановой Комиссией, и «Вопросы экономики», 12 книжек в год, издаваемые Институтом экономики при Академии Наук СССР. Статистические сведения печатаются в этих изданиях или в форме

процентных отношений, причем абсолютная величина исходного года остается неопубликованной, или в форме каких-то статистических шарад, далеко не всегда поддающихся разгадыванию. Это засекречивание сведений о советском народном хозяйстве несомненно тяжело отразилось на нашем знании и понимании происходящих в нем после войны процессов развития; однако, оно было бессильно окончательно закрыть пути к познанию советской действительности. Ведь народное хозяйство представляет собою общественную, коллективную совокупность, все части которой находятся между собой в той или другой коррелятивной связи. Поэтому, за отсутствием прямых сведений о той или другой его отрасли, которая засекречена советской властью, мы можем иметь косвенные о ней сведения, получаемые путем тщательного изучения связей и зависимостей между засекреченной отраслью народного хозяйства и теми его отраслями, которые не были засекречены. Так, например, о количестве населения в стране мы можем получить довольно верное представление по числу избирателей в Верховный Совет и числу учеников в народной школе (при всеобщем обязательном обучении). О величине народного дохода мы можем судить по величине валовой продукции сельского хозяйства и промышленности. Конечно, такие исчисления народнохозяйственных величин не могут быть точными; они имеют лишь приблизительный характер. Но, при действии закона 9 июня 1947 г., мы только с помощью этих приблизительных величин можем познать основные процессы развития в народном хозяйстве СССР, так тщательно от нас скрывааемые советской властью.

В Советской России экономическая политика правительства в гораздо больших размерах влияет на строение и развитие народного хозяйства, чем в странах капиталистических и до-капиталистических; однако, и в ней влияние политической власти отнюдь не

беспредельно: оно ограничивается причинными закономерностями и связями в развитии различных отраслей народного хозяйства, определяющими меру успеха или банкротства правительственных указов и распоряжений. Члены советского правительства откровенно признают, что они учатся на своих ошибках; но его экономические мероприятия могут быть неисполнимы только в том случае, если в народном хозяйстве наряду с экономической политикой правительства действует еще какая-то другая, более мощная сила. Обнаружение наличия этой другой силы, формы и меры ее влияния как на отдельные части народного хозяйства СССР, так и на всю его совокупность в целом, должно быть первою основною задачей научного изучения советского народного хозяйства.

В своих работах я всегда положительно оценивал те мероприятия советской власти, которые содействовали подъему народного хозяйства России, до основания разрушенного в своих старых формах войной и революцией. Каждое правительство оказалось бы в труднейшем положении среди этой разрухи и среди населения огромной страны, ураганом революции сорванного со своих прежних мест и утратившего трудовую дисциплину. Только крестьяне продолжали цепко держаться за свой участок земли и кормить своим трудом все население. Для восстановления народного хозяйства власти нужен был общий план, соответствующий уровню хозяйственного развития и нуждам страны. Советские экономисты и политики тотчас же по заключении мира с Германией и окончании гражданской войны с Белым движением этим созданием общего плана и занялись. Однако, историческое задание завершения революции и восстановления народного хозяйства страны было искажено двойственным характером советской власти. Революция отдала политическую власть над Россией в руки коммунистической партии с идеологией, выработанной в подполье

и чуждой экономическому и культурному состоянию страны. Сочетание задач национального правительства с особыми социально-политическими целями коммунистической партии привело к созданию такого плана развития народного хозяйства, политической организации и духовной культуры, который мог быть осуществлен лишь методами насилия и подавления всякой свободы хозяйственной деятельности и социально-политической мысли. Гуманитарные идеалы революционеров, ведших борьбу против абсолютной монархии, после революции 1917 г. все более и более отступали на задний план. Сопротивление народа проведению чуждых ему коммунистических мероприятий вело каждый раз к усилению методов насилия, практикуемых властью. Эта внутренняя борьба вылилась в политическую диктатуру коммунистической партии и завела хозяйство страны, ее политическую и духовную жизнь в тупик. Анализ противоречий между создаваемыми коммунистической властью планами и народной жизнью читатель также найдет в предлагаемой работе.

ГЛАВА I.

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ СТРАНЫ

Природные ресурсы каждой страны, оказывающие такое большое влияние на экономическое и культурное развитие ее населения, могут быть разделены на следующие три основные группы:

1. Ресурсы сельскохозяйственные, определяющие природные условия развития сельскохозяйственного растениеводства и животноводства. Основной отраслью сельского хозяйства является растениеводство, эксплуатация дикой растительности (естественных лесов, лугов, пастбищ) и возделывание сельскохозяйственных растений; животноводство предполагает наличие растительных кормов и, следовательно, зависит от развития растениеводства. Растительность каждого участка земной поверхности определяется его климатом, средней температурой года и вегетационного периода и количеством выпадающих осадков. Климат оказывает определяющее влияние и на почву каждого участка земной поверхности, и на покрывающую его растительность.

2. Ресурсы минеральные и энергетические, — залежи металлов и руд, горючих материалов, нефти, каменного угля, лигнита и торфа, и естественные источники энергии, главным образом речные воды; сила движения ветра в современном мировом хозяйстве играет совершенно ничтожную роль.

3. Естественные пути сообщения внутри страны и с соседними странами, — наличие высоких горных хребтов, трудно переходимых; судоходных рек, облегчающих передвижение людей и товаров; морских берегов и гаваней, облегчающих сношения с соседними странами.

Уже это простое перечисление основных природных ресурсов каждой страны, имеющих народно-хозяйственное значение, показывает большую сложность интересующей нас проблемы. Чрезвычайные размеры Советской России, занимающей шестую часть земной суши, еще более усиливают эту сложность. Чтобы не потонуть в деталях, мы ограничимся обзором тех из природных ресурсов СССР, которые имеют в настоящее время, при современном состоянии мирового и русского хозяйства, определяющее влияние на народное хозяйство СССР и его экономическую политику.

Климат России является для земледелия одним из самых худших на всем земном шаре; природа дала ей совершенно недостаточное количество в одних частях ее — тепла, в других — осадков. В Северо-Восточной Сибири, около Верхоянска, помещается полюс холода, на котором температура зимою падает до -70° ; в Голодной степи в Средней Азии количество годовых осадков падает до 75 миллиметров. Холод на Северо-Востоке и Севере, недостаток осадков в Средней Азии и вокруг северной половины Каспийского моря в чрезвычайной мере ограничивают сельскохозяйственную производительность страны.

Самым ярким выразителем холодного климата России является вечная мерзлота, т. е. никогда не растаивающий слой льда в земле, покрытый сверху слоем оттаивающей летом почвы. Причиной образования вечной мерзлоты являются сильные холода зимою при очень тонком снеговом покрове, не защищающим почву от промерзания на большую глубину.

Так например, в Якутской области холода зимой достигают -40° и -50° , снега же выпадает очень мало, количество осадков зимою составляет от 3 до 10 миллиметров в месяц. Территория, занятая вечной мерзлотой, тянется по всему берегу Ледовитого океана, начиная с северной части Кольского полуострова, и спускается по правому берегу р. Енисея до границы Монголии; ее южная граница проходит несколько севернее г. Мезени к г. Березову на Оби и к устью Нижней Тунгузки на Енисее; отсюда она круто поворачивает к югу по правому берегу Енисея на расстоянии приблизительно 100 километров от реки до границы Монголии, заходит в ее пределы, около Благовещенска на Амуре возвращается в пределы СССР, затем опять входит в его пределы около Хабаровска и направляется отсюда на Северо-восток, к Камчатке. Толща вечной мерзлоты колеблется от одного метра у южных и западных пределов занятой ею территории, до 400 метров на побережье Северного Ледовитого Океана и северо-востока Сибири. Островки вечной мерзлоты встречаются также на высоких горах Кавказа и Памира. На южной и западной границах занятой ею территории встречаются площади талого грунта, все более увеличивающиеся в размерах по направлению к югу и западу. Общая площадь ее занимает примерно 10 милл. квадратных километров, т. е. 47% территории СССР. Летом занятая ею площадь оттаивает на песках на глубину 1,5-2,0 метров, на торфяниках только на 35-40 сантиметров. Вечная мерзлота на сухих, не покрытых торфом почвах, оттаивающих летом на 1,5-2,0 метра, не мешает росту деревьев, у которых, как например, у даурской лиственницы, корни расположены горизонтально у поверхности почвы; продвижение же торфяников на юг, в зону лесов, сильно уменьшающих глубину оттаивающего летом слоя почвы, убивает древесную растительность и ведет к расширению площади, занятой безлесной тундрой.

Недостаток осадков в Средней Азии и на берегах Каспийского моря привел к образованию пустынь, с количеством осадков от 70 до 200 мм., и полупустынь, с количеством осадков от 160 до 250 мм. Пустыни и полупустыни занимают в России 3 милл. кв. километров.

С запада на восток мы можем разделить всю территорию СССР на три части: 1) Европейскую Россию и Закавказье; 2) Западную Сибирь до нижнего течения р. Енисея и от Туруханска к югу до западной границы вечной мерзлоты, и Среднюю Азию; 3) Восточную Сибирь и Дальний Восток, почти сплошь, за исключением районов Благовещенска и Хабаровска на Амуре, Уссурийского края, Сахалина и Камчатки, покрытые вечной мерзлотой. Народнохозяйственное значение этих трех частей союза СССР видно из след. таблицы (в старых границах 1939 г.)*):

(См. таблицу на стр. 25)

*) Без территории островов в Ледовитом океане; эту территорию мы учли только в последнем столбце, для всего Союза ССР; все статистические данные взяты из советских источников.

(К стр. 24)

	Европ. Россия и Закавказье*)	Зап. Сибирь и Ср. Азия	Вост. Сибирь и Д. Восток	Союз ССР.**)
Территория (кв. кил.)	5.072.000	6.747.000	9.081.000	21.175.200
Население (человек)	137.264.000	26.743.100	6.460.100	170.467.200
— на 1 кв. километр (человек)	27,1	4,1	0,7	8,05
Сельское население (человек)	90.977.500	19.932.500	3.647.300	114.557.300
— на 1 кв. километр (человек)	17,9	3,0	0,4	5,4
Посевная площадь (гектаров)	110.880.500	22.879.900	3.182.700	136.943.100
— в % от территории	21,9	3,4	0,4	6,5
На 100 человек сел. насе- ления (гектаров)	121,9	114,6	67,3	119,5
Рогатого скота (голов)	37.833.000	10.870.500	2.217.400	50.920.900
— на 100 человек сел. на- селения (голов)	41,6	54,5	60,8	44,5
— на 100 дес. посева (голов)	34,1	47,5	69,7	37,2
Городское население (человек)	46.286.500	6.810.600	2.812.800	55.909.900
— в % от всего населения	33,7	25,5	43,5	32,8
— на 1 кв. километр (человек)	9,1	1,0	0,3	2,7

*) Включая зауральские округа Свердловской и Челябинской области, принадлежащие к Западной Сибири.

**) Вся территория СССР, с островами Ледовитого океана; цифра официальная.

Таблица эта очень наглядно обнаруживает действие неблагоприятных климатических условий на население и его хозяйственную деятельность. В Средней Азии недостаток осадков, в Восточной Сибири холод и вечная мерзлота мешают труду человека. Поэтому с запада на восток падает и плотность населения, как сельского, так и городского, и доля территории, занятая посевами. Заслуживает внимания, что процент городского населения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке выше, чем в Европейской России; климат востока СССР столь мало благоприятен для занятия сельским хозяйством, что почти половина его населения занята промышленностью и разными промыслами. Высокий процент городского населения в Сибири и Средней Азии показывает, что Россия не следует колониальной политике западно-европейских стран, у которых «колонии» питают «метрополию» сельскохозяйственными продуктами и сырыми материалами, а «метрополия» снабжает колонии фабричными изделиями. В структуре сельского хозяйства обращает на себя внимание вдвое большее количество рогатого скота на гектар посева на Востоке, чем на Западе; это преобладание на Востоке скотоводства над полеводством также является результатом неблагоприятных климатических условий.

Другие северные страны, страдающие от недостатка тепла, также обладают ничтожным количеством населения на кв. километр и слабым развитием сельского хозяйства:

Финляндия Швеция Норвегия Канада

Население на 1 кв. километр:

Все население	9,6	14,1	9,0	1,2
Сельское население*)	7,8	9,2	6,5	0,5

*) Цифры приблизительные, вычисленные на основании данных об относительных размерах сельского населения по переписям 1930 и 1935 гг.

Финляндия Швеция Норвегия Канада

Посевные площади:

В % от всей территории	6,1	7,8	2,6	2,5
На 100 чел. сельского населения	78,6	84,1	39,5	450,1

Рогатый скот:

На 100 чел. сельского населения	65,3	73,1	66,9	163,3
На 100 дес. посева	83,1	87,0	169,5	36,3

С севера на юг Россия делится на ряд гео-ботанических зон. Русские ученые установили, что в Европейской России характер растительности каждой зоны определяется высотой средней температуры июля месяца. Так, проф. П. И. Броунов*) нашел, что с южной границей тундры почти совпадает июльская изотерма 10° ; к южной границе лесов и северной границе чернозема весьма близко проходит июльская изотерма $20\frac{1}{2}^{\circ}$; южная граница лесостепи проходит приблизительно по изотерме $22\frac{1}{2}^{\circ}$, степей черноземных и каштановых — по изотерме 24° . Южнее и восточнее июльской изотермы 24° расположены солонцевато-глинистые полупустыни побережья Каспийского моря; юго-восточнее изотермы 30° в Закаспийской области начинаются пустыни. С этими июльскими изотермами более или менее совпадают и летние изогиеты; так к изотерме $20\frac{1}{2}^{\circ}$ весьма близко подходит линия летних осадков в 200 миллиметров; к изотерме $22\frac{1}{2}^{\circ}$ — летняя изогиета 150 мм; к изотерме 24° — изогиета 70 мм.; к изотерме 30° — летняя изогиета 15 мм., и годовая изогиета 110 мм. Кроме того, годовая изогиета 500 мм. отделяет югозападный угол лесной

*) К вопросу о географических районах Европейской России, в сборнике: Современные вопросы русского сельского хозяйства. К 50-летию юбилею И. А. Стебута. Петербург, 1904, стр. 38-43.

зоны, в котором преобладают крупно-лиственные породы деревьев, как то: дуб, вяз, клен, липа, от всей основной лесной зоны, тайги, в которой преобладают хвойные породы: ель, пихта, сосна, лиственница, сибирский кедр.

Само собой разумеется, что границы между гео-ботаническими зонами представляют собою не линии, а широкие полосы переходного характера, разделяющие типичные растительные массивы. На территории России различаются следующие типичные растительные или ландшафтные зоны*):

Тундра, представляющая собой равнину, совершенно лишенную леса; в южной ее части встречаются карликовые ивы и березы. Температура июля на ней ниже 10° ; количество годовых осадков в Европейской России и Западной Сибири достигает 200 мм. и даже 250 мм., восточнее р. Лены падает до 100 мм. Вегетационный период длится только 6-8 недель. Низкие места тундры заняты болотами, покрытыми мхами, многолетними травами, брусникой; возвышенности из камня и щебня покрыты ягелями, вереском, карликовой ивой и березой.

Тайга представляет собою огромный хвойный лес, занимающий весь север Европейской и Азиатской России, прерываемый только моховыми болотами на водоразделах и лугами и болотами по берегам рек. Температура в июле в северной части тайги достигает 10° , а в южной $20\frac{1}{2}^{\circ}$; количество осадков в западной части, до Енисея, составляет от 400-500 мм., восточнее Енисея 150-350 мм. Основную массу таежного леса составляют ель, сосна, пихта, лиственница, кедр; из

*) L. Berg, *Les régions naturelles de l'URSS*, Paris 1941; Экономическая география СССР, под ред. Бальзак, Васютина и Фейгина, том I, Москва 1940, стр. 38-66; Wl. Poletika, *Klima und Landwirtschaft Russlands, Berichte über Landwirtschaft*, 1929, Berlin.

лиственных пород преобладают ива, береза, осина, ольха.

В зоне крупнолиственных лесов, напротив, преобладают крупнолиственные породы: дуб, граб, вяз, клен, липа, ясень; второе место занимают ель и сосна, береза, осина и ольха. Температура июля достигает $18-20\frac{1}{2}^{\circ}$, количество осадков 500-600 мм. Эта растительная зона представляет собою продолжение центрально-европейской растительной зоны в границах Европейской России. Она представляет собою клин, образуемый линиями Петербург – Новая Ладога – Ярославль – Нижний Новгород, и Житомир – Киев – Калуга – Нижний (Горький).

В полосе лесостепи степи чередуются с лесными рощами. Средняя температура июля $20\frac{1}{2}-22\frac{1}{2}^{\circ}$, количество годовых осадков 300-450 мм. В европейской части лесостепи преобладают те же породы, которые образуют леса зоны крупнолиственных лесов; в Западной Сибири лесные рощи состоят главным образом из березы и осины.

Степь лишена лесов; лесные рощи встречаются в ней только в оврагах и долинах рек. Июльская температура составляет $22\frac{1}{2}-24^{\circ}$, количество осадков колеблется от 200-350 мм., на западе их больше, на востоке меньше. В северных частях степного пространства преобладают черноземы, в южных каштановые земли; преобладающими растениями являются ковыль и полынь. Степи за Волгою и по правому ее берегу периодически страдают от засухи и суховеев, сухих, горячих ветров из средне-азиатских пустынь.

Полупустыни имеют июльскую температуру $24-30^{\circ}$, количество осадков 160-250 мм. Преобладающим растением является полынь. Если в степях трава покрывает сплошь всю площадь, то в полупустынях она растет кустами, разделенными голыми пространствами. В почве полупустынь содержится много солей, выступающих на поверхность в форме солончаков.

В пустынях июльская температура более 26° , осадки достигают только 70-200 мм. В начале весны, в период дождей, большие пространства пустынь покрываются богатой травяной растительностью, которая вся засыхает уже к середине весны; в течение всего остального года они представляют собою голые пески, в одних местах, где на глубине 1-3 метров есть пресная подпочвенная вода, покрытые редкими зарослями саксаула (*Haloxylon ammodendron*) и других ксерофитов, обладающих чрезвычайно длинными корнями для поисков подпочвенной воды, в других — покрытые барханами, песчаными дюнами, передвигаемыми ветром с одного места на другое.

Сверх этих семи основных растительных зон мы имеем в России еще два небольших района с субтропическим климатом и горные растительные зоны. Субтропическим климатом обладает район г. Батуми на восточном побережье Черного моря и Ленкоранская низменность на западном берегу Каспийского моря. В обоих этих районах не бывает морозов и количество осадков чрезвычайно велико, в Батуми достигает 2500 мм. в год. В лесах растут каштанolistный дуб, железное дерево, самшит; деревья и кустарники обвиты лианами. Растут эвкалипт, лимонные, апельсиновые и чайные деревья и кустарники.

На горах, расположенных, за исключением Урала, на южной и восточной окраине России, по мере подъема вверх температура понижается и пояса растительности более теплого климата сменяются поясами холодного климата, кончая хвойными лесами таежного типа и безлесными площадями перед вечными снегами, называемыми гольцами (альпами), во многих отношениях схожими с сухими арктическими тундрами.

По приблизительному измерению величины растительных зон, произведенному по картам этих зон, из-

данным перед войною *), они имеют следующие размеры (в тысячах кв. километров):

	Евр. Россия и Закавказье	Зап. Сибирь и Ср. Азия	Вост. Сибирь и Д. Восток	Союз ССР.
Тундра	224	346	1.638	2.208
Тайга: сев. часть	1.233	803	2.095	4.131
южная часть	437	509	1.192	2.138
Крупнолиств. лес	763	—	310	1.073
Лесостепь	928	788	166	1.882
Степь	772	618	24	1.414
Полупустыни	278	825	—	1.103
Пустыни	—	1.893	—	1.893
Горы	212	722	3.656	4.590
Всего	4.847	6.504	9.081	20.432

Острова Ледовитого океана, принадлежащие к зоне тундр, в подсчет включены не были. Чтобы определить сельскохозяйственное значение этих зон, мы можем воспользоваться двумя показателями: 1) количеством в них сельского населения на один квадрат. километр территории и 2) количеством гектаров посева в процентах от всей площади и на 100 человек сельского населения. Так как статистические сведения о населении и посевных площадях публикуются по административным единицам, республикам, краям и областям, не совпадающим с границами растительных зон, то для сельскохозяйственной характеристики этих зон мы могли воспользоваться данными только о тех административных единицах, которые целиком помещаются в той или другой зоне; поэтому наше исчисление не может претендовать на полную точность:

*) Большой советский атлас мира, том I, Москва 1937, карты 31, 90, 112, 121, 122.

	площадь, включенная в учет (кв. килом.)		сельское насел., число душ		посев		число га на 100 чел.
	на 1 кв. килом.	все	на 1 кв. килом.	весь	% площади		
Тундра	726.800	44,200	0,06	—	—	—	—
тайга	1.623.300	7.798.100	4,8	7.822.600	4,8	100,3	
крупнолиств. лес	463.100	15.284.300	33,0	13.347.600	28,8	87,3	
лесостепь	503.000	10.435.000	20,7	16.048.100	31,9	153,8	
степь	1.029.900	18.653.000	18,1	32.555.900	31,6	174,5	
полупустыни и пустыни	895.500	5.860.700	6,5	3.466.800	3,9	59,2	
Горы	560.400	8.809.200	15,7	5.111.700	9,1	58,0	

Как показывает эта таблица, почти вся земледельческая производительность Союза ССР сосредоточена в трех растительных зонах: крупнолиственных лесов, лесостепей и степей.

На территории Европейской России и Закавказья эти три вполне пригодные для земледелия зоны занимают 2.463.000 кв. километров, или 50,8%; на территории Западной Сибири и Туркестана 1.406.000 кв. кил., или 21,6%; на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока — только 500.000 кв. кил., или 5,5%. Вся территория этих трех зон уже освоена и обрабатывается русскими и туземными крестьянами. В других зонах сельское хозяйство или требует крупных мелиоративных работ, стоящих больших затрат труда и капитала, или обеспечивает населению очень низкий уровень жизни. Земледелие возможно не только в тайге, но даже и на тундре. Г. И. Танфильев рассказывает, что во время его поездки в 1892 г. в Тиминскую тундру он видел у Мезени, на тундре, поля ячменя; кроме ячменя, около Мезени родится картофель, редька, редиска, лук, свекла и укроп. На реке Пеше, впадающей в Чешскую губу Ледовитого океана, ячмень часто вымерзает; всегда удаются редька, лук, брюква и репа, часто — картофель. Около Пустозерска на Печоре ячмень родится не каждый год; сеют картофель, редьку, лук и репу*). Поэтому, обитатели тундры живут не земледелием, а рыболовством, птицеводством, охотой на зверей и оленеводством; пищей для оленей служит олений мох (*Cladonia rangiferina*), в больших количествах растущий на сухих пространствах тундры, и травянистая растительность, покрывающая ее низины. В тайге население селится, как и в тундре, только по берегам рек и озер, и живет главным образом рыболовством, охотой, рубкой

*) Г. Танфильев: Пределы лесов в полярной России, Одесса, 1911, стр. 175, 186, 212.

и сплавом леса. В Якутске можно возделывать яровую пшеницу и рожь, ячмень, овес, дыни и арбузы. Но в северной части тайги земледелие мало продуктивно; поэтому население больше занимается скотоводством. В южной части тайги хлеба хорошо созревают, и земледелие, наряду с скотоводством, становится постоянной отраслью крестьянского хозяйства. В этой части тайги оседает часть переселенцев из лесных зон Европейской России; но трудность раскорчевки полей из-под девственного таежного леса столь велика, что заселение южной тайги очень медленно подвигается вперед. Если на севере развитию земледелия мешает холод, то на юге ему препятствует недостаток осадков. В полупустынях не-поливное земледелие в некоторых местах возможно, но дает очень низкие урожаи, 3-4 центнера с гектара; поэтому население здесь, как и в тайге, занимается по преимуществу скотоводством. Земледелие в полупустынях и пустынях может кормить земледельца только на поливных землях. Для климатического размещения земледелия и скотоводства характерны следующие данные о количестве голов рогатого скота, приходящихся на 100 гектаров посева в разных растительных зонах:

4 области и автоном. республики Крайнего Севера	106,2
6 областей и республик подмосковных и белорусских	53,0
8 областей и авт. респ. Средней Волги	18,7
7 республик Кавказа и Закавказья	143,2

В черноземной лесостепной полосе сельские хозяйства содержат минимальное количество скота, необходимое для удовлетворения личных потребностей семьи крестьянина. В крупнолистной лесной зоне, на бедных подзолах и песках, содержание большого количества скота необходимо для земледелия (навозное скотоводство); вблизи городов скот разводится также для продажи молока. На Крайнем Севере и на Кав-

казе, где земледелие малопродуктивно, скот является основной отраслью сельского хозяйства.

Кроме общих гео-ботанических условий, определяющих растительные зоны и влияющих на земледелие, на состав возделываемых растений влияет также требование со стороны некоторых из них особой комбинации климатических и почвенных условий, встречающейся только на определенном участке той или другой гео-ботанической зоны. Такие участки, дающие оптимальные результаты возделывания того или другого культурного растения, носят название агро-ботанических зон. Лен дает особенно тонкое и длинное волокно в Псковской, Вологодской, Тверской и Смоленской областях. Сахарная свекла дает наибольшие урожаи в западной части лесостепной полосы, от Житомира до Харькова. Посевы подсолнуха широко распространены в Воронежской, Саратовской и Кубанской областях. Хлопчатник является ведущей культурой Узбекской и Туркменской республик.

Так как зимний перерыв в полевых работах длится в южных степях до 4 месяцев, в лесостепи до 6 месяцев, в тайге в Европейской России до 8 месяцев, а в Сибири даже до 9 месяцев, то сельское население в лесных областях СССР вынуждено, чтобы использовать свою рабочую силу, в широких размерах заниматься различными промыслами, отхожими в города и на фабрики, и местными, кустарными, притом в том большем количестве, чем длиннее зимний перерыв в полевых работах.

Неблагоприятные климатические условия, — холод на севере и северо-востоке, недостаток осадков в Закаспийской области и Средней Азии, — является причиной того, что в 1926 г. посевная площадь Союза ССР составляла только 5,3% всей его территории, а в 1938 г. — 6,5%. Незначительные размеры тех зон, на которых население может с успехом заниматься земледелием, порождает то парадоксальное явление,

что при плотности населения в 6,6 человек на квадратный километр в 1914 г. Россия страдала в дореволюционное время от малоземелья и аграрного пере-населения. Большинство русских крестьян вкладывало в свое сельское хозяйство только часть своего рабочего года. Только зажиточные крестьяне могли работать на своем хозяйстве 263 дня в году, как фабричные рабочие; большинство крестьян работало только 200, 100 или даже 50 дней. Это вынужденное безделие и безработица в крестьянской среде порожились малоземельем, недостаточностью количества земли в крестьянских хозяйствах. Частичная безработица была органически свойственна русскому крестьянскому хозяйству, она была неотделима от него и являлась главной причиной его низкой производительности. Так как запас свободных земель, годных для занятия под посевы без больших мелиоративных работ, был почти исчерпан в России уже до революции 1917 года, то после нее, несмотря на все усилия крестьян и советской власти, посевная площадь дала лишь незначительный прирост, едва поспевавший за ростом населения:

	1914*)	1922	1927	1938
Все население (мил. человек)	139,3	131,7	147,0	170,5
Сельское население (мил. чел.)	114,6	110,5	120,7	114,6
—, занимающ. сельским хозяйством (мил. чел.)	97,3	105,7	114,8	90,8**)
Посевная площадь: вся (мил. гектаров)	105,0	77,7	112,4	136,9
— на человека, заним. сельским хоз. (гектаров)	1,08	0,74	0,98	1,51
— на человека всего населения гектаров	0,75	0,59	0,76	0,80

*) На территории СССР.

***) Цифра приблизительная; семья рабочих в советских хозяйствах и на машино-тракторных станциях принята в среднем в 3 человека.

За эти годы произошло значительное перемещение земледелия на юг, в степи, безводные полупустыни и пустыни и южные горы. По всему СССР мы предполагаем следующими данными о росте сбора хлебов:

	1914*)	1922	1927	.1938
площадь посева зерновых хлебов (гектаров)	94.400.000	66.200.000	93.700.000	102.400.000
— на человека (гектаров)	0,68	0,50	0,64	0,60
валовой сбор хлебов (центнеров)	801.000.000	563.000.000	728.100.000	854.900.000 **)
— с гектара (центнеров)	8,5	8,5	7,8	8,3
чистый сбор хлебов (центнеров)	679.200.000	477.600.000	607.200.000	722.900.000 ***)
— на человека (центнеров)	4,9	3,6	4,1	4,2

Как видим, несмотря на все мероприятия советской власти в области сельского хозяйства, посевная площадь зерновых хлебов на человека в 1938 г. была ниже площади 1914 г., урожай был также ниже; поэтому и чистый сбор хлебов на человека был ниже довоенного. Между тем, рост городского населения с 17,7% в 1914 г. до 32,8% в 1939 г. вызвал значительное изменение в составе пищевых продуктов, потребляемых населением, требующее соответствующего увеличения площади обрабатываемой земли. Городские жители потребляют гораздо больше животных продуктов, чем крестьяне. Но для производства нужны

*) На территории СССР.

***) С поправкой на неучтенные потери 10% при уборке.

***) Высев принят равным 1,29 центнера на гектар.

для питания человека европейской культуры около 3.000 калорий в день, в год по одним данным несколько более миллиона калорий, по другим 1,4 мил. калорий, в животных продуктах требуется гораздо бóльшая земельная площадь, чем для производства того же количества калорий в растительных продуктах. С гектара обрабатываемой площади в различных сельскохозяйственных продуктах может быть получено следующее количество калорий (в миллионах)*):

	США, 1917	США, 1934	Германия, 1937
сахар	—	12,4	16,5
картофель	4,7	4,6	9,0
кукуруза	7,7	4,4	—
пшеница	4,4	—	4,5
бобы	2,8	—	4,0
молоко	1,8	0,9	1,8
свинина	1,7	1,1	1,4
масло	0,9	—	0,8
яйца	0,3	—	0,5
говядина	0,3	0,3	0,4

Животные пищевые продукты, легче перевариваемые и усваиваемые человеком, требуют для производства в них одного и того же количества калорий в несколько раз большего количества земельной площади, чем пищевые продукты растительного происхож-

*) М. О. Cooper and W. J. Spillman, Human Food from an acre of Staple Farm Products. U. S. Department of Agriculture, Farmer's Bulletin 877, Washington 1917; Reserven in der Ernährungswirtschaft, Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung, Teil A., 1936/37, SS. 318-322; E. Wagemann, Wirtschaftliche Strategie, 1937, SS. 257-259; Internationale Konferenz für Agrarwissenschaft, 1934, Vorträge und Verhandlungen über die Weltagrarkrise: O. E. Backer, Bevölkerungsbewegung und Landwirtschaft in Vereinigten Staaten.

дения. Поэтому, значительный рост городского населения в пореволюционной России требовал, для его продовольствия, значительного расширения посевных площадей. Этого роста посевов, как мы показали, не произошло. Потребность выросшего городского населения в нужных ему пищевых продуктах была удовлетворена за счет прекращения экспорта сельскохозяйственных продуктов. При дальнейшем росте количества промышленного и городского населения Союз ССР, за отсутствием в нем свободных земель для распашки, неизбежно должен будет превратиться в страну, импортирующую продукты сельского хозяйства, прежде всего из Балканских стран, Синцзяна и Внешней Монголии.

При такой ограниченности территории, годной для земледелия, задача дальнейшего развития сельского хозяйства и роста его производительности является одной из насущнейших в Союзе ССР. Развитие сельского хозяйства возможно в России в двух направлениях: 1) интенсификации хозяйства на уже обрабатываемых землях; 2) освоения, путем дорого стоящих мелиоративных работ, таежных, полупустынных и пустынных земель.

Как бы ни были благоприятны природные данные страны, население ее, пока оно находится в первобытном состоянии и живет собиранием готовых даров природы, ведет самое жалкое существование. Лишь развитие трудоспособности, предприимчивости, технических знаний, орудий производства, путей сообщения и правового порядка увеличивает постепенно количество материальных благ, получаемых населением с оккупированной им территории; прогресс народного хозяйства является следствием исторического развития материальной и духовной культуры. Культурно-исторические условия оказывают определяющее влияние на динамику как народного хозяйства в целом, так и сельского хозяйства в частности;

прогресс сельского хозяйства выражается в росте производительности как каждого гектара земли, так и каждого работника, трудящегося на ее обработке.

Многие русские экономисты XIX века, изучавшие динамику русского сельского хозяйства, держались ошибочного взгляда, что рост и развитие его производительности определяется ростом плотности населения. В своих рассуждениях по этому вопросу они делали три ошибки. Во-первых, они считали рост населения на занимаемой им территории первичным фактором, независимым от состояния и динамики народного хозяйства страны; во-вторых, они считали достаточным для роста продукции сельского хозяйства единицы площади рост потребности в его продуктах, вне всякой зависимости от роста культуры и техники; в-третьих, они игнорировали исторические случаи крайнего понижения уровня жизни населения, размножившегося вне соответствия росту его производительных сил. Рост населения далеко не является постоянным и неизменным; сильно варьирует и его рождаемость, и его смертность, причем смертность является тем более высокой, чем ниже благосостояние населения. Если, несмотря на рост смертности, население растет быстрее производительности сельского хозяйства, часть его или уходит в отхожие промыслы и переселение на вольные, еще никем не освоенные земли, или в города и на фабрики, или начинает заниматься кустарными промыслами, или, наконец, вымирает с голоду. Рост потребности в сельскохозяйственных продуктах, как следствие роста населения, далеко не всегда сопровождается ростом производительности сельского хозяйства. Для прогресса сельского хозяйства необходим рост предприимчивости населения, его агрономических знаний, сельскохозяйственных опытных станций, принадлежащих ему орудий производства и общей культуры. Если этих условий нет налицо, производительность сельского хозяйства не будет

расти, как бы ни была велика потребность размножающегося населения в сельскохозяйственных продуктах. Тогда наступает аграрная перенаселенность страны, в XIX веке приведшая к эмиграции из Европы за океан 50 миллионов человек. Как русская крепостная деревня нечерноземной полосы, так и пореформенная, после отмены крепостного права, деревня нечерноземной и лесостепенной полосы также сильно страдали от аграрного перенаселения, приведшего к аграрным бунтам 1905-1906 гг. и аграрной революции 1917-1918 годов.

Процесс прогрессивного развития сельского хозяйства лучше всего изучен европейскими и отчасти русскими агрономами в зоне крупнолиственных лесов, составляющих так называемый европейский сельскохозяйственный клин. Основной задачей сельского хозяйства в этой зоне, обладающей для земледелия достаточным количеством тепла и осадков, является поддержание и усиление плодородия почвы, лесных подзолов, песков и суглинков, заключающих в себе недостаточное количество питательных веществ, азота, фосфора и калийных солей. Для обеспечения и прогрессивного роста плодородия почвы применяются различные приемы в следующей последовательности:

1. На самой низшей ступени, при редком населении, плодородие почвы восстанавливается оставлением истощенной снятыми урожаями земли в покое на несколько лет под залежью, зарастающей в одних случаях травянистой растительностью (переложная система), в других древесной.

2. При росте плотности населения и уменьшении земельного пространства плодородие почвы восстанавливается с помощью обработки почвы в пару, без его удобрения или с удобрением навозом, получаемым от небольшого количества рабочего и пользовательного скота в хозяйстве, содержимого за счет принадлежа-

щих хозяйству лугов и выгонов; скотоводство при этой системе не приносит дохода.

3. На следующей ступени развития сельского хозяйства нужные для удобрения полей травы и корма производятся не только на лугах и выгонах, но и на полях (зеленое удобрение, возделывание бобовых растений, кормовых трав и корнеплодов); скотоводство становится доходной отраслью хозяйства и полностью оплачивает расходуемые на него корма (продуктивное скотоводство).

4. Еще более интенсивной является подгородная система земледелия, широко пользующаяся покупкой минеральных удобрений и продающая на сторону значительные количества производимых в хозяйстве сена и соломы; скот содержится в стойлах не только зимой, но и летом.

Какие результаты дает применение выработанных агрономической наукой и практикой приемов увеличения плодородия почвы в зоне широколиственных лесов — введение плодосмена, посева кормовых растений на полях, продуктивного скотоводства и минеральных удобрений, — можно видеть из сравнения урожаев пшеницы в европейских странах с ее урожаями в европейском клину Союза ССР (в центнерах с гектара) в 1938 году:

СССР:		Германия	27,4
Московская промышл. область	10,9*)	Франция	19,4
Белорусская республика	7,5*)	Великобритания	25,6

При интенсивной системе земледелия урожаи пшеницы в Центральной и Западной Европе увеличиваются в 2 $\frac{1}{2}$ -3 раза по сравнению с ее урожаями

*) Урожаи в 1937 г. в коллективных хозяйствах; потери при уборке приняты равными 20% урожая на корню, в поле. «Колхозы во второй сталинской пятилетке», Москва 1939, стр. 82-86, 89-90.

при экстенсивном русском земледелии в той же растительной зоне.

На богатых лесостепных и степных черноземах задача сокращения и роста плодородия почвы отпадает; некоторое значение она приобрела только на истощенных в течение 200-летней эксплуатации черноземах лесостепной полосы; паровой клин на черноземах служит главным образом для борьбы с сорными травами. Замечено также, что хорошие результаты дает удобрение истощенного чернозема фосфоритами. Главной задачей сельского хозяина на черноземах является борьба с недостатком осадков, с засухой, сохранение в почве для нужд возделываемых растений каждого даже небольшого количества влаги. Этой задаче служит борьба с оврагами, иссушающими почву; меры по задержанию выпадающего зимою снега на полях, в больших количествах сносимого зимними ветрами в овраги; задержание воды от тающего весной снега; черный пар, задерживающий испарение летом накопленной весной в почве влаги.

Очевидно, вследствие различных основных задач, сельский хозяин на плодородном черноземе должен совершенно иначе организовывать свое хозяйство, чем сельский хозяин на бедных лесных подзолах. Прежде всего, его хозяйство гораздо меньше нуждается в скоте, чем хозяйство в крупнолиственной полосе; как мы видели выше, на Средней Волге на 100 гектаров посева приходится почти в три раза менее голов рогатого скота, чем в подмосковных и белорусских хозяйствах. Системы полеводства также рассматриваются хозяином на черноземе с совершенно иной точки зрения.

К сожалению, сельские хозяева и агрономы до сих пор не научились успешно бороться с недостатком осадков. В этом отношении очень показательное сравнение урожаев пшеницы (в центнерах с гектара) в

1938 г. в странах, обладающих степями и черноземными и каштановыми почвами:

СССР:		Канада	9,3
Украина	12,1*)	Соед. Штаты С. А.	9,0
Средняя и Нижняя Волга	8,5*)	Аргентина	11,8
Западная Сибирь	10,6*)	Британская Индия	7,6
Балканские страны**)	14,2	Австралия	6,9

Дальше на юг, в полупустынях, беспололивное земледелие не может кормить сельского хозяина; он живет скотоводством, носящим, по характеру растительности, кочевой характер: когда травяной покров высыхает на низких пастбищах, скот перекочевывает в горы. Еще недавно скот в казахских и киргизских сухих степях содержался круглый год на подножном корму. Теперь казахи и киргизы начали заготавливать на зимние месяцы, когда снег покрывает степи, стога сена. В горах Кавказа скотоводство также решительно преобладает над земледелием. В пустынях можно вести сельское хозяйство только на поливных землях; основной задачей этого хозяйства является прокладка арыков, содержание их и получение воды.

На севере, напротив, главным врагом сельского хозяйства является холод. Из-за частого несозревания зерновых хлебов в северной тайге главную роль в таежном хозяйстве играет скотоводство. Мы видели, что на Крайнем Севере на гектар посева приходится почти в 6 раз более рогатого скота, чем на Средней Волге. В тундре единственной формой сельского хозяйства является кочевое оленеводство.

Таким образом, различие климатических условий в разных гео-ботанических зонах приводит к тому, что не только статика, но и динамика сельского хозяйства во всех этих зонах носит совершенно иной

*) Урожай 1937 г. в колхозах; см. предыдущее примечание.

***) Румыния, Болгария, Югославия, Венгрия.

характер, чем в зоне крупнолиственных лесов. Рост производительности сельского хозяйства в каждой из этих зон будет идти своим особым путем, потому что в каждой зоне сельскому хозяину придется бороться с особыми климатическими условиями и, в этих целях, применять разные системы хозяйства, то есть разные способы связывания в целостное хозяйство, управляемое на началах хозяйственного расчета, всю совокупность составляющих его элементов, — земельные угодья, залежь и пар, посев кормовых растений на пахоте, скот, удобрение навозом и минеральными туками, орудия и машины, воду в оросительных каналах и т. д. Чтобы помочь населению в разрешении его хозяйственных задач, русским агрономам придется делать большую и трудную, но плодотворную исследовательскую работу.

Пионерами в этой работе являются сельскохозяйственные опытные станции. Продвижение земледелия на север достигается прежде всего выводом зимостойких сортов культивируемых растений. Особенно много в этом направлении сделал Мичурин выведением сортов фруктовых деревьев, кустарников и винограда, переносящих очень низкие температуры зимою; первое место среди них занимает северная груша, полученная от скрещивания обыкновенной груши с рябиной. Сюда же относится выращивание стелющихся фруктовых деревьев, покрывающихся зимою снегом. В полупустынях и пустынях юга главное значение имеют работы по их орошению, например, в долине р. Вахш. В песках Приаральской равнины было обнаружено, что некоторые районы богаты грунтовыми водами на глубине 80-90 сантиметров. На таких участках в настоящее время сооружаются колодцы с ветряными двигателями, дающими воду на полив овощных и бахчевых культур. В других местах копаются траншеи до 3 метров шириною, глубиною в два метра, которые засыпаются затем на 50-60 сантиметров верхним

слоем почвы, богатой питательными веществами. Постоянное естественное увлажнение этих траншей грунтовой водой обеспечивает посаженные в них растения необходимой влагой на протяжении всего периода вегетации. В них сеются или сажаются овощи, плодовые кусты и деревья: яблони, груши, сливы, кусты смородины, а также тополь, ива, тамариск. Картофель в этих траншеях дает 700 центнеров с гектара, свекла и морковь 500, капуста 700, помидоры 1500 центнеров*).

Далее на север и на запад большое значение имеют работы по задержанию снега на полях, таяние которого увеличивает весной количество влаги в почве. Советские агрономы работают также над выведением засухоустойчивых сортов культурных растений. Акад. Лысенко предложил способ летней посадки картофеля, дающий хорошие урожаи на черноземе, тогда как весенняя посадка картофеля на юге дает очень плохие по качеству и количеству урожаи. Особое место в этой работе агрономов занимает расширение в Грузии чайных плантаций, давших в 1945 г. 12 тысяч тонн сухого чая, и цитрусовых плантаций, с которых в 1945 г. было собрано 420 мил. штук апельсинов, мандаринов и лимонов. Особая экспедиция, подвергнувшая изучению до 1.000 видов растений, сок которых включает в себе каучук, открыла три богатых каучуком растения умеренного климата: кок-сагыз, крым-сагыз и тау-сагыз; под посевами кок-сагыза было занято в 1938 г. более 25.000 гектаров.

Но и рост производительности сельского хозяйства в трех земледельческих зонах, и его распространение на юг, север и восток идут очень медленно, медленнее роста населения. Главным препятствием, мешающим его развитию на сухом юго-востоке и холодном севере и северо-востоке является дороговизна ме-

*) Известия, 29 июня 1948 г.

лиоративных работ, сильно повышающих себестоимость сельскохозяйственных продуктов и ограничивающих их сбыт местным рынком. В этом отношении большую помощь развитию сельского хозяйства за границами трех земледельческих зон может оказать рост горного дела в тайге, полупустынях и пустынях. Например, разработка угольных и графитовых залежей по Енисею и его притокам, угля на Воркуте, медной руды на озере Балхаш создает большие скопления промышленного населения, которое готово будет платить высокие цены за молоко и молочные продукты, овощи и фрукты. В этих зонах, поэтому, не промышленность будет развиваться вслед за сельским хозяйством, а наоборот, сельское хозяйство будет идти за развитием промышленности.

Россия на протяжении всей своей истории страдала от бедности ископаемыми восточно-европейской равнины. Население этой равнины имело в своем распоряжении только глину, дерево, лыко, кожи, шерсть, лен и пеньку. Дерево было его главным подделочным материалом; до конца XIX века баржи, плававшие по русским рекам, строились из одного дерева, без гвоздей. В доме и хозяйстве русского крестьянина количество металлических изделий, железа и меди, было крайне ничтожным. Еще в XVII веке из металлов в России добывалось только железо, — ремесленным способом в мелких кузницах из болотных и озерных руд северо-западной ее части и заводским способом под Тулою, Каширой и Липецком. Лишь при Петре Великом, в начале XVIII в., были построены первые железные и медные заводы на Урале; затем была организована добыча серебро-свинцовых руд на Алтае и в Забайкалье. В середине XIX в. началась добыча каменного угля в Донецком бассейне, потом нефти в Баку; была создана в 1880-х гг. текстильная промышленность под Москвою; в 1890-х гг. министр Витте создал железную промышленность на юге России. На-

селение жило главным образом сельским хозяйством; вследствие неразвитости промышленности уровень жизни населения был крайне низок и оно сильно страдало от аграрного перенаселения. Лишь после революции 1917 г. началось широкое развитие горной промышленности, добычи железа, марганца, меди, свинца, цинка и других металлов. До революции даже недра России были плохо изучены; до 1917 г. геологическими разведками было охвачено только 2,2 мил. кв. километров, немного более 10% территории страны; после революции геологическими экспедициями было обследовано к 1929 году уже 3,8 мил. кв. кил., к 1940 г. — 13,9 мил. кв. кил., к 1945 г. — 15,4 мил. кв. кил., 72,8% всей поверхности Советского Союза*).

Несмотря на эти колоссальные размеры геолого-разведочных работ, ими учтены запасы некоторых из очень важных металлов в очень скромных размерах. Так например, железо, играющее главную роль в современном нар. хозяйстве, найдено в больших количествах только в форме железных кварцитов в Курской области, 203,7 миллиардов тонн, и в районе Кривого Рога, 51,3 миллиарда тонн. В Курской области эти кварциты залегают на глубине 200-600 метров. Кварциты эти пока в разработку не поступили. Других железных руд учтено только 11.455 мил. тонн; главное значение, по их расположению недалеко от каменноугольных бассейнов, имеют следующие залежи (мил. тонн):

на Украине (Кривой Рог)	1.454
на Урале (горы Магнитная, Высокая, Благодать)	2.371
в Крыму (Керчская руда)	2.722
на Алтае (Тельбас, Горная Шория)	145
около Иркутска (Ангари-Илимское месторождение)	966

Марганцевая руда найдена в очень большом количестве, ее запасы достигают 785 мил. тонн; главное

*) Большая советская энциклопедия, Москва 1948, стр. 243.

значение имеют месторождения около Никополя, 522 мил. тонн, и Чиатур на Кавказе, 175 мил. тонн.

Медные руды обнаружены разведками в ограниченных количествах. Промышленное значение имеют следующие месторождения:

Уральское, от верховьев р. Туры до истоков р. Миаса.

Около озера Балхаш, Коунрадское и Джезказганское.

Закавказское, Алавердинское и Зангезурское.

Ташкентское.

Самые богатые залежи свинца обнаружены на Кавказе, около Владикавказа (в Северной Осетии) и на Алтае, около Риддера. Есть залежи свинца около Ташкента, Чимкента и Альма-Аты; затем около Читы и на Дальнем Востоке (Тетюхе).

Цинк обычно сопутствует свинцу. Богатые залежи олова найдены в северо-восточной части Якутской области; менее значительные залежи расположены около Риддера и Читы. Никель найден на Мурмане, в Мончегорской тундре, на Урале и в Норильске, на берегу озера Пясино, на правом берегу низовьев Енисея.

Урал и Сибирь очень богаты золотом. Самые крупные золотые россыпи обнаружены на Урале, Алтае, Енисейских горах, притоках Лены — Витиме, Вилюе и Алдане, притоке Амура Зее. Залежи платины известны на Урале и в Норильске.

Гораздо богаче Союз ССР минеральным топливом, нефтью, каменным и бурым углем, торфом. Залежи нефти учтены в количестве 4.679 мил. тонн. Главное значение, конечно, имеют кавказские месторождения нефти, Баку, Грозный и Майкоп. Геологические разведки последнего десятилетия обнаружили наличие больших залежей нефти на западном Предуралье, Ухте, Краснокамске, Чусовских городках, Ишимбаеве, Таймузе, Бугуруслане, Сызрани. Это «второе

Баку» пока все в будущем. Есть нефть на северном берегу Каспийского моря, у устья р. Эмбы; на восток от Каспия в горах Небитдага и далее в Туркестане: в Ферганской долине, Бухаре, на верховьях р. Амударьи. Наконец, есть нефтяные месторождения на Сахалине и Камчатке.

Особенно богата Россия каменным и бурым углем; их запасы исчислены в 1.654.400 мил. тонн. По добыче на первом месте стоит Донецкий каменноугольный бассейн с залежами угля в 90.000 мил. тонн; на втором — Кузнецкий бассейн, с 450.000 мил. тонн; на третьем — Караганда с 53.000 мил. тонн. На Урале разрабатываются Кизеловские, Богословские, Егоршинские угли; на севере Урала расположен Печорский каменноугольный бассейн, в котором уголь добывается в Воркуте, соединенном железной дорогой с Котласом. На Кавказе уголь добывается в Ткварчелах и Тквибулях, запас 20 мил. тонн. В Сибири на первом месте стоит Тунгусский бассейн, по р. Енисею и его правым притокам, с запасом в 440.000 мил. тонн; затем Ленско-Виллюйский, с запасом бурых углей 246.000 мил. тонн; Канский бассейн 62.000 мил. тонн, Черемховский около Иркутска 80.000 мил. тонн. Есть уголь на Амуре по р. Бурее, на Дальнем Востоке около Владивостока, на Сахалине и Камчатке, в Средней Азии, в Ферганской долине и Киргизской республике. Однако, размещение залежей угля настолько расходится с размещением залежей железной руды, что советской власти пришлось связать кузнецкие угли с удаленными от них на 2.225 километров рудами Магнитной горы в одно металлургическое предприятие; железные руды горы Магнитной завозятся в Кузнецк на Алтае, а угли Кузнецка в Магнитогорск. Надобно ожидать, что в недалеком будущем плавка чугуна на Алтае будет происходить на рудах Тельбеса и Горной Шории, а в Магнитогорске — на углях Караганды.

Запасы торфа в лесной зоне СССР колоссальны.

Значительное количество электростанций, построенных в последнее время, работает не на угле, каменном и буром, а на торфе. Мощность действующих электростанций достигла в 1937 г. 8.177 тысяч киловатт. Общая мощность гидроэлектрических станций, работающих на воде, равняется 1.170 тысяч киловатт (14,6% всей мощности). Запас гидроэнергии в СССР исчисляется в 280 миллионов киловатт. На первом месте стоит Днепровская гидро-электрическая станция с мощностью в 558 тысяч киловатт. В третью пятилетку (1938-1942 гг.) проектировалось построить несколько больших гидроэлектростанций на Волге и ее притоках: две плотины в Куйбышеве (Самара) мощностью в 3.400 тысяч киловатт, Угличскую и Рыбинскую, Калужскую на Оке, Верхне-Камскую на Каме у Соликамска; впоследствии предполагалась еще постройка плотин у Нижнего, Камышина и Перми.

Для народнохозяйственного значения ископаемых большое значение имеет то, в какой гео-ботанической зоне они расположены. В зонах земледельческих их разработка и эксплуатация находят на месте рабочие силы, основные продовольственные продукты и пути сообщения. Напротив, в тайге и тундре, полупустынях и пустынях, их разработка требует привоза рабочих, продовольственных продуктов и других предметов личного потребления для них, постройки жилищ и прокладки путей сообщения. При обзоре залежей ископаемых мы видели, что значительное количество их помещается в зонах, мало пригодных или совсем не пригодных для земледелия. Таковы залежи меди и других цветных металлов у озера Балхаш, олова в Якутской области, никеля на Мурмане и в Норильске, около озера Пясино, золота по притокам р. Лены, нефти на Ухте, в горах Небитдага, на верховьях р. Аму-Дарьи, угля в Воркуте, на правых притоках Енисея, по рр. Лене и Вилюю, нефти и угля на Сахалине и Камчатке. Во всех этих местах, богатых

месторождениями ископаемых, как и во многих других, в которых геологические разведки установят наличие ценных залежей, первыми оседлыми насельниками будут не земледельцы, а горно-промышленные рабочие; занятие сельским хозяйством будет не предшествовать, а следовать за развитием горного дела; его задачей будет обслуживание населения промышленных центров в этих негостеприимных зонах свежими овощами, ягодами, фруктами, молоком. В то же время развитие горной промышленности потребует также прокладки искусственных путей сообщения, шоссе и железных дорог, и развития речного судоходства. Колонизация северной части тайги, некоторых участков тундры, полупустынь и пустынь должна поэтому идти совершенно иным путем, чем колонизация степей, лесостепи, южной части тайги и речных долин в полупустынях и пустынях. В России этот способ колонизации вольных земель, по гео-ботанической структуре ее территории, должен иметь особенно большое значение.

Для развития народного хозяйства большое положительное значение имеет отсутствие высоких горных хребтов на всей восточной европейско-азиатской равнине, охватывающей Европейскую Россию, Северный Кавказ, Западную Сибирь до р. Енисея и Среднюю Азию, за одним лишь исключением Уральских гор, имеющих удобные перевалы и большие реки, служащие вместе со своими притоками удобными путями сообщения по этой равнине. К несчастью, Волга с Окою и Камою впадает в Каспийское море, не имеющее соединения с мировыми водными путями; Северная Двина, Печора, Обь с Иртышем, Енисей и Лена впадают в Ледовитый океан, плавание по которому возможно с большими затруднениями только в течение 2-х месяцев в году. Поэтому, реки СССР служат главным образом только для внутренних сношений, и мало способствуют развитию международных сноше-

ний и торговли. Общая длина судоходных рек равняется 90,6 тысяч километров; в Европейской России реки замерзают на 4-6 месяцев, в Азиатской на 5-7 месяцев. Кроме речных путей, почти на всей территории СССР, за исключением его южных окраин, большое народнохозяйственное значение до постройки железных дорог имел дешевый санный путь в течение многих зимних месяцев. По свидетельству Шторха, «длинная и суровая зима, свойственная большей части России, хотя и мешает развитию народнохозяйственной деятельности в других отношениях, приносит ей выгоду обладания в течение четырех или пяти месяцев в году превосходными дорогами, превосходящими лучшие шоссе, которые могли бы быть построены. Удобства, которые представляет санный путь для перевозки товаров, далеко превышают те представления, которые имеют о нем в других странах. При хорошем зимнем пути лошадь может везти вдвое больше клади, чем летом по самому лучшему пути; кроме того, перевозка требует гораздо меньше времени, ее инвентарь проще, дешевле и меньше поддается порче; наконец, дороги зимою короче, чем летом, потому что возчики сами прокладывают их в самых коротких направлениях, через болота, реки и озера. Учитывая все эти обстоятельства, торговцы откладывают до зимы перевозку на большие расстояния всех тех товаров, доставка которых не носит спешного характера. Выгоды санного пути столь велики, что в большинстве губерний на Севере Европы он сокращает издержки перевозки, по сравнению с летним гужевым транспортом, на две трети» *). Дешевый санный путь имел очень большое влияние на число и размещение городов в России XVI-XVIII вв., как центров торговли. Территории, ими обслуживаемые, вместо радиуса в

*) Н. Storch, Cours d'économie politique, Paris 1923, vol. I, pp. 187-188.

10-20 километров, который они имели в Западной и Центральной Европе, имели в России радиус в 300 и более километров*).

Таковы основные данные о тех природных ресурсах, которыми обладает Союз ССР. Мы находим в нем наряду с плодородными зонами черноземных степей и лесостепей бесплодные зоны тундр и среднеазиатских пустынь; наряду с лишенными ископаемых Белоруссией и центральной Подмосковною областью богатые минералами Урал, Кавказ, восточный Казахстан и Алтай. Пока население России жило одним сельским хозяйством, она была бедна и была на положении колонии промышленных стран Европы, бравших ее сырье и снабжавших ее фабрикатами. После революции она принялась за создание своей собственной промышленности, которая должна дать ей материальный достаток и обеспечить ее международную экономическую и политическую независимость.

*) Н. Рожков, Исторические и социологические очерки, часть I, Москва 1906, стр. 141.

ГЛАВА II

НАСЕЛЕНИЕ

Основной производительной силой народа являются работники физического и умственного труда, обладающие физической силой, технической выучкой, необходимыми для их работы знаниями и умственным развитием. Количество этих трудоспособных лиц в каждой стране зависит прежде всего от количества живущего на ее территории населения.

По официальным данным, население на территории Союза советских социалистических республик росло следующим образом (в мил. человек): *)

	сельское население	городское население	все население	% городского населения
1900, 1 янв.	95,5	14,1	109,6	12,8
1914, 1 янв.	114,6	24,7	139,3	17,7
1917, 1 янв.	113,9	27,8	141,7	19,6
1920, 28 авг.	114,2	20,1	134,3**)	15,0

*) Статист. справочник СССР за 1928 г. Москва, 1929; Естественное движение населения СССР за 1926 г. Москва, 1929; СССР за 15 лет, Москва 1932; Социалистическое строительство Союза ССР, 1939; Большая Советская Энциклопедия, 1948 г.; Frank Lorimer, The population of the Soviet Union: History and Prospects, Geneva 1946.

***) За годы революции и в результате войны 1920 г. с Польшей, Россия утратила свои западные окраины, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, западную часть Белоруссии, Польшу, Бессарабию и Карсский пашалык; население на этих территориях в 1914 г. исчислялось в 35,9 мил. человек.

	сельское население	городское население	все население	% городского населения
1922, 1 авг.	110,5	21,2	131,7	16,2
1926, 17 дек.	120,7	26,3	147,0	17,9
1929, 1 янв.	126,7	27,6	154,3	17,9
1933, 1 янв.	126,0	39,7	165,7	24,0
1939, 17 янв.	114,6	55,9	170,5	32,8

Как показывает эта таблица, рост сельского и городского населения на территории СССР в 1900-1939 гг. шел не равномерно, а с большими отклонениями вверх и вниз. Мы попытаемся установить, какие причины вызвали эти отклонения, какое влияние на движение населения и его размещение оказали война 1914-1918 гг., революция 1917 г., коммунистическая политика, неурожай и голод 1921-22 г., новая экономическая политика, коллективизация крестьянских хозяйств, первые пятилетние планы развития народного хозяйства СССР и война 1941-1945 гг.

В первые годы XX века, до войны 1914-1918 гг., население на территории будущего Союза ССР росло чрезвычайно сильно, около 2,1 мил. человек в год, сильно росли и города. В годы войны рост населения продолжался, однако, в значительно меньших размерах; городское население росло очень быстро, в сельском населении наблюдался некоторый упадок; очевидно, под влиянием условий военного времени шло значительное перемещение сельского населения в города. В период гражданской войны и коммунистической политики 1918-1920 гг. происходил значительный упадок населения, притом исключительно в городах; количество сельского населения оставалось неизменным. Напротив, в голодный 1921-22 год значительно сократилось количество сельского населения, количество же городского населения несколько увеличилось; сельские жители бежали из голодающей деревни и города. В период новой экономической по-

литики, в значительной мере раскрепостившей экономическую самостоятельность населения, мы находим колоссальный рост всего населения, 3,5 мил. человек в год, как в сельских местностях, так и в городах, причем количество городского населения увеличивалось быстрее сельского. Рост населения в несколько пониженных размерах, около 3 мил. человек в год, продолжался и в годы первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, 1928-1932, причем весь прирост населения приходится на долю городов, количество же сельского населения остается почти неизменным. В годы второго пятилетнего плана, 1933-37, мы находим средний годовой прирост населения уже в сильно сниженных размерах, около 800 тысяч человек в год, при сильном сокращении сельского населения почти на 2 мил. человек в год, и росте городского населения на 2,7 мил. человек в год. В итоге всех этих разнообразных и сложных демографических процессов количество всего населения за 25 лет, 1914-1939, увеличилось на 31,2 мил. человек, причем весь этот прирост населения приходится на долю городского населения, выросшего с 24,7 м. ч. до 55,9 м. ч., при неизменном количестве сельского населения, равном 114,6 м. ч.; процент городского населения повысился с 17,7% в 1914 г. до 32,8% в 1939 г.

За весь период 1914-1940 гг. систематическая регистрация рождений, смертей, естественного прироста и других динамических явлений в населении или не велась, или ее результаты опубликованы не были. По характеру имеющихся в нашем распоряжении статистических данных мы разделили весь этот период на три части: 1914-1923 гг., 1924-1932 гг. и 1933-1940 гг. За 1918-1923 гг. данные о движении населения, за исключением столиц, совершенно отсутствуют вследствие неорганизованности и ненадежности работы отделов записи актов гражданского состояния (загсов), на которые советскою властью была возложена обя-

занность регистрации этих данных. Книги для записи актов гражданского состояния после октябрьской революции были введены декретом 20 декабря 1917 г., но в 1918-20 гг. они не могли быть введены за отсутствием в стране бумаги; даже советские газеты печатались в это время на оберточной бумаге. Затем записи эти начали налаживаться, но медленно; в городах европейской части СССР они были повсеместно введены только к началу 1923 г., в сельских местностях еще позже — в 1924 г. Более или менее полными статистическими данными мы располагаем только для 1926 г. и сокращенными, но имеющими большую познавательную ценность, за остальные годы периода 1924-1932 гг. С 1933 г. печатание статистических данных о движении населения было прекращено уже не за отсутствием бумаги, а по политическим соображениям: в 1932 и 1933 гг. вся черноземная Россия пережила тяжелый голод со всеми его демографическими последствиями, порожденный принудительной коллективизацией крестьянских хозяйств и обложением их чрезвычайно высоким натуральным налогом; когда наступила эта катастрофа, печатание сведений о рождаемости, смертности и других динамических явлениях было прекращено и за период 1933-1939 гг., сверх переписи 1939 г., мы располагаем только очень скудными и отрывочными статистическими данными, трудно поддающимися систематизации.

1914-1923 гг. были очень бурным периодом, охватывающим годы участия России в мировой войне, годы гражданской войны и коммунистической политики и голод 1921-1922 г. За эти десять лет население России пережило много горя и бедствий. И все бедствия, переживавшиеся народом, тотчас отражались на его численности и его динамике, всегда и всюду являющейся одним из надежнейших показателей характера изменений в экономических условиях

его жизни. За годы мировой войны в боях погибло 775.400 человек; еще больше умерло от болезней; много было взято в плен. Количество населения все же росло. Затем наступил мир, возврат военнопленных, гражданская война, попытка насадить коммунистический строй хозяйства, — за 2½ года количество населения в стране, несмотря на несколько миллионов возвратившихся военнопленных, сократилось с 142,6 м. чел. на 1 января 1918 г. до 134,3 мил. чел. на конец августа 1920 г., т. е. на 8,3 мил. человек. Потери сражавшихся гражданских армий составляют, вероятно, не более трети этого количества. Красная армия за годы гражданской войны и войны с Польшей потеряла из своего состава:

	боевые потери	санитарные потери
1918 г.	8.292	5.127
1919	131.396	150.324
1920	300.059	212.580
1921	171.185	194.758
1922	20.826	18.277
всего	631.758	581.066

Затем пришел неурожай и голод 1921 г. По данным Центрального Статистического Управления, в результате голода 1921-1922 гг. страна потеряла от роста смертности и уменьшения числа рождений 5.053.000 человек *).

В период мировой войны быстро росли города. Рост военной промышленности увеличил их население на 2,4 миллиона человек. Зато следующий период коммунистической политики привел к уменьшению их населения на 7,7 мил.; процент городского населения

*) Бюллетень Центр. Статистического Управления, № 72, стр. 91.

в стране упал с 21,4 до 15,4. Рост коммунистической системы хозяйства действовал уничтожающе на промышленность, города и городской пролетариат, активно ее насаждавший. Сельское население от коммунистической системы экономической политики пострадало значительно меньше. Особенно тяжело период коммунистической политики отразился на населении столиц, особо чувствительных к явлениям экономического распада и разложения. Среднее годовое количество населения в них претерпело в 1914-1923 гг. следующие изменения:

	МОСКВА		ПЕТЕРБУРГ	
	население в тыс. человек	в индексах	население в тыс. человек	в индексах
1914	1.754,9	—	2.217,5	—
1915	1.846,2	—	2.314,5	—
1916	1.940,2	100	2.415,7	100
1917	1.852,4	95,5	2.300,0	95,2
1918	1.684,8	86,8	1.469,0	60,8
1919	1.415,6	73,0	900,0	37,3
1920	1.120,0	57,7	740,0	30,6
1921	1.176,6	67,0	830,0	37,4
1922	1.380,7	78,7	960,0	43,3
1923	1.574,4	89,7	1.093,0	49,3

В годы гражданской войны и коммунистической политики Москва потеряла 42,3% своего населения, Петербург — 69,4%. Петербург стал мертвым городом, с разваливающимися, лишенными ремонта домами. Меньше пострадали провинциальные города, притом тем меньше, чем менее значителен был город. Движение населения в городах европейской части Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР) в 1917-1920 гг., в зависи-

мости от величины городов, дает следующий процент убыли населения: *)

	перепись 1917 г.	перепись 1920 г.	убыль населения в % %
Столицы	4001,3	1654,5	—58,2
Города более 50.000 жит.	2829,5	2186,1	—29,7
” от 10—50.000 ”	1825,1	1523,0	—16,6
” менее 10.000 ”	859,2	780,0	— 9,3
Все перепис. гор. насел.	9515,1	6163,6	—35,2

Больше всего от октябрьской революции пострадали большие города, бывшие главными очагами коммунистического движения. С 1921 г. городское население начало опять расти, процент городского населения в стране начал увеличиваться и достиг в 1932 г., как мы видели, дореволюционного уровня.

В течение всех этих лет точная запись рождений и смертей велась только в Москве и Петербурге. По ним мы можем вычислить также приблизительную величину механического прироста или убыли населения (на 1000 душ наличного населения). Начнем с Москвы **).

	рождений	смертей	ест. прирост или убыль	механ. прирост или убыль
1914	31,0	23,2	7,8	51,4
1915	26,9	24,0	2,9	40,9
1916	22,9	23,0	— 0,1	50,0
1917	19,6	23,7	— 4,1	— 143,2

*) Население городов Европ. части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 гг. — Бюллетени Центр. Статист. Управления, № 77, 1923 г., стр. 12, 13 и 16.

**.) Статист. справочник г. Москвы и Московской губ. 1927 г., стр. 12-13; Москва и Московская обл. 1926-29 гг., стр. 4-5; Московская область, статистический справочник 1931 г.

	рождений	смертей	ест. прирост или убыль	механ. прирост или убыль
1918	14,8	29,9	— 15,1	— 21,9
1919	17,3	45,4	— 28,1	— 414,3
1920	21,4	36,3	— 14,9	91,0
1921	30,7	25,5	5,2	103,9
1922	25,6	29,0	— 3,4	206,2
1923	31,0	14,4	16,6	54,1

Таблица эта показывает, что число рождений в Москве на 1000 душ населения начало падать в первый же год войны, и вернулось к довоенному уровню только в 1921 г., да в голодный 1922 год некоторое падение. В годы войны смертность росла не только за счет постоянного населения города, но и за счет раненых, находившихся в госпиталях, беженцев и др. Она резко поднялась в период коммунистической политики, 1918-1920 гг., и в голодный 1921-22 г., с 1923 г. она сразу падает и останавливается на уровне приблизительно 54% от ее довоенной высоты. В результате этих изменений в величине рождаемости и смертности мы имеем в годы мировой войны сначала снижение естественного прироста населения в Москве, затем его незначительную убыль; в годы коммунистической политики естественная убыль населения достигает 14,9-28,1 человек на 1000; голодный год также дает незначительную убыль. В 1923 г. естественный прирост дает вдвое более высокую цифру, чем до войны, и держится на этой высоте несколько лет. Что касается механического движения населения, вселений в Москву и выселений из нее, то в годы войны население Москвы росло в силу преобладания вселений над выселениями; в год революции, 1917, все пришлое население ушло из Москвы; в годы коммунистической политики население бежало из Москвы — в одном 1919 г. оно уменьшилось почти на 40%. В этом году население Москвы разучилось смеяться. Но

жизнь быстро залечивает раны. Уже в 1920 г., несмотря на продолжение коммунистической политики, вселения превысили выселения, и с тех пор население Москвы продолжало быстро расти вследствие сильного притока населения извне. Механический прирост населения в несколько раз превышал его естественный прирост.

Аналогичную картину представляет и движение населения Петербурга (Ленинграда).*)

	рождений	смертей	ест. прирост	механ. прирост
1914	25,0	21,5	3,5	68,7
1915	22,5	22,8	— 0,3	15,0
1916	19,1	23,2	— 4,1	74,0
1917	18,7	22,9	— 4,2	— 248,0
1918	17,3	46,7	— 29,4	— 540,4
1919	13,7	77,1	— 63,4	— 292,2
1920	21,8	50,6	— 28,8	49,2
1921	34,4	31,0	3,4	143,6
1922	25,3	28,8	— 3,5	147,3
1923	29,2	16,0	13,2	97,5

Как показывает эта таблица, динамические процессы в населении Петербурга шли совершенно параллельно аналогичным процессам в населении Москвы. Значительным отклонением является величина смертности и естественной убыли населения в годы коммунистической политики: в Москве они равнялись в 1918-1920 гг. в среднем в год 37,2 и 19,4 человек на тысячу, в Петербурге 58,1 и 40,5. Голод в Петербурге в этот период был еще более ужасен, чем в Москве. Поэтому и бегство населения из Петербурга было еще более стремительным. Механическая убыль его на 1000 душ наличного населения составляла

*) Статистический справочник по г. Ленинграду и Ленинградской обл., 1932, стр. 16-17.

	в Москве	в Петербурге
в 1917 г.	143,2	248,9
1918 г.	21,9	540,4
1919 г.	414,3	292,2

Конечно, процесс разложения народно-хозяйственной жизни должен был особенно сильно действовать на население столиц.

О динамических процессах во всем населении страны мы имеем некоторые сведения только в «Трудах комиссии по обследованию санитарных последствий войны». Комиссия эта собрала за 1915-1917 гг. сведения о браках, родившихся и умерших по следующему числу губерний:

	браки	родившиеся	умершие
1915 г.	27	41	41
1916 г.	10	18	14
1917 г.	6	7	6

По собранным этой комиссией данным, принимая цифры 1913 г. за 100, мы получим следующие коэффициенты числа родившихся, умерших и естественного прироста населения за эти годы *):

	родившихся		умерших		естеств. прироста	
	14 губ.	6 губ.	14 губ.	6 губ.	14 губ.	6 губ.
1914 г.	100,9	103,3	96,9	93,5	108,4	115,6
1915	87,0	89,5	90,8	86,6	80,0	93,0
1916	68,2	68,2	85,5	82,7	35,9	51,0
1917	—	42,7	—	76,8	—	— 0,1

*) Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1923, таблица на стр. 204-208.

Параллелизм данных по 14 и 6 губерниям за 1914-16 гг. позволяет считать показательными и данные за 1917 г. по 6 губерниям. Табличка показывает, что в годы войны рождаемость в стране упала значительно больше, чем в столицах. По 13 губерниям в распоряжении комиссии были следующие данные о рождаемости среди городского и сельского населения*):

	городское население	сельское население
1913 г.	100	100
1915	95	86
1916	83	67

Таким образом, больше всего упала рождаемость в сельских местностях, затем в городском населении и менее всего в столицах. Причина понятна: в городах и особенно в столицах было много мобилизованных 20-40 лет, работавших на нужды войны и не отправленных следовательно на фронт.

Одновременно с падением рождаемости шло и уменьшение смертности, но в меньших размерах, причем, по дополнительным данным по 13 губерниям, в городах смертность возросла, а в сельских местностях упала**):

	городское население	сельское население
1913	100	100
1914	100	95
1915	116	89
1916	119	82

В городах рост смертности в значительной мере вызывался эвакуацией раненых и больных с фронта.

*) Труды комиссии, стр. 112.

**) Труды комиссии, стр. 115.

В итоге естественный прирост населения, падая в течение всех лет войны, к 1917 г. спустился до нуля.

Главной причиной падения рождаемости в годы войны является уменьшение числа браков. Статистическими данными о числе браков и разводов мы располагаем только по Москве*) и Петербургу**):

	МОСКВА			ПЕТЕРБУРГ		
	браки	разв.	прир. браков	браки	разв.	прир. бр.
1911-13	5,9	—	5,9	6,4	—	6,4
1914	5,5	—	5,5	6,0	—	6,0
1915	4,1	—	4,1	5,0	—	5,0
1916	3,9	—	3,9	4,7	—	4,7
1917	5,4	—	5,4	8,9	—	8,9
1918	7,5	2,1	5,4	14,4	—	14,4
1919	17,4	3,4	14,0	19,5	—	19,5
1920	19,1	3,7	15,4	27,7	1,9	25,8
1921	16,9	5,1	11,8	20,9	2,4	18,5
1922	15,3	3,5	11,8	14,9	2,3	12,6
1923	16,1	3,8	12,3	14,9	3,4	11,5

С начала мировой войны число заключаемых браков начало падать; много женихов было мобилизовано. По окончании войны число браков сразу увеличилось в 2-3 раза. В Петербурге этот рост брачующихся начался еще в 1917 г. и в 1920 г. достиг, несмотря на крайне тяжелые хозяйственные условия, чудовищной цифры 27,7 браков на 1000 душ населения. В Москве заметный подъем начался только в 1918 г. и достиг максимума в том же 1920 г. — 19,1 браков. Таблица наша показывает, что состояние народного хозяйства было в эти годы настолько второстепенным фактором в деле брачности, что наибольшее

*) Статистический справочник г. Москвы и Московской губ. 1927 г., стр. 12-13.

***) Статистический справочник по Ленинградской области 1928 г., стр. 26.

число браков падает именно на годы разложения народного хозяйства (1918-1920) и голода (1921-22). Затем число браков начало постепенно падать, хотя и в замедленном темпе под влиянием быстрого роста числа разводов.

Мы располагаем также данными о брачности по нескольким губерниям, опубликованными комиссией по обследованию санитарных последствий войны. Принимая число браков в 1913 г. за 100, мы имеем в этих губерниях следующее движение их числа:

	10 губ.	6 губ.
1915	37,1	36,8
1916	37,9	34,4
1917	—	48,7

Таким образом, в стране брачность упала гораздо сильнее, чем в столицах. Судя по движению числа рождений, брачность особенно сильно упала в годы войны в сельском населении — за уходом женихов в окопы. В 1917 г. начался рост числа браков и в провинции.

Подводя итоги всем собранным нами данным, мы приходим к выводу, что недобор в приросте населения в годы войны вызван был главным образом сильно пониженной рождаемостью и лишь отчасти ростом смертности в эти годы; убыль населения в годы коммунистической политики и голода — пониженной рождаемостью и повышенной смертностью. Значительное расхождение в движении всего населения в голодные 1921-22 гг. с цифрами по Москве и Петербургу объясняется вероятно тем, что основным очагом голода были юго-восточные губернии.

Таковы те данные, которыми мы располагаем о динамических процессах в населении Европейской части СССР в 1914-1923 гг. Из них мы можем сделать только тот общий вывод, что изменения в численно-

сти населения, его рождаемости и смертности, находились в прямой зависимости прежде всего от состояния и производительности народного хозяйства; затем для высоты рождаемости большое значение имело отсутствие из своих семей в годы мировой войны мужчин 20-40 лет.

В противоположность предыдущему периоду, период 1924-1932 гг., годы новой экономической политики и первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, были временем хозяйственного благополучия и очень высокого годового прироста населения. Уже в 1923 г. обнаружались первые признаки восстановления производительных сил страны. Население увеличилось с 137,4 мил. человек на 1 января 1924 г. до 165,7 мил. человек на 1 января 1933 г., в среднем на 3,5 мил. человек в год. Этот годовой прирост значительно выше даже процента прироста населения в довоенные 1900-1914 гг.; росло и сельское, и городское население; процент городского населения увеличился с 15,5% до 17,9%.

Мы располагаем следующими основными данными о росте населения в этот период на 1 января каждого года, в тысячах человек *):

	сельское население	городское население	все население	годовой прирост	отход из селений в города
1924	116.017	21.391	137.408	—	—
1927	121.706	25.322	147.028	3.399	472
1928	124.131,3	26.295,5	150.427	3.769	1.062
1929	126.477,2	27.718,6	154.196	3.248	1.392
1930	128.023,3	29.420,6	157.444	2.986	2.633
1931	128.574,5	31.855,8	160.430	2.736	4.100
1932	127.543	35.623,1	163.166	2.515	2.719
1933	127.329,5	38.351,7	165.681	—	—

*) СССР за 15 лет, 1932 г., стр. 211-212; Социалистическое строительство СССР, 1936 г., стр. 545. В графу отхода населения из сельских поселений в города включено и население сел и станиц, перечисленных в города.

Из этих данных следует, что естественный и механический годовой прирост (или убыль) сельского, городского и всего населения равнялся:

	сельское население естеств. прирост	население отход в города	городское население естеств. прирост	население приток из деревень	все насел. естеств. прирост
1927	2897,3	— 472,0	501,5	472,0	3398,8
1928	3407,9	—1062,0	361,1	1062,0	3769,0
1929	2938,1	—1392,0	310,0	1392,0	3248,1
1930	3184,2	—2633,0	—197,8	2633,0	2986,4
1931	3068,5	—4100,0	—332,7	4100,0	2735,8
1932	2505,5	—2719,0	9,6	2719,0	2515,1

и в промиллях:

1927	23,8	—3,9	19,8	18,6	23,1
1928	27,2	—8,5	13,7	37,9	25,1
1929	23,1	—10,9	10,9	48,7	21,1
1930	24,8	—20,5	—6,5	85,9	19,0
1931	24,0	—32,0	—9,9	121,5	17,1
1932	19,7	—21,3	0,3	73,5	15,4

Одной из самых характерных особенностей как этого, так и последующего периода 1933-1940 гг. является существование чрезвычайно мощного притока населения из сельскохозяйственных местностей в города, в некоторые годы, напр. 1931 и 1932, превышающего по своим размерам весь годовой прирост населения по Союзу. Существование этого крупного демографического явления делает необходимым разделение фактического прироста сельского и городского населения на прирост естественный и прирост (или убыль) механический.

Сельское население все эти годы продолжало сохранять свой высокий естественный прирост за исключением последнего, 1932 года, в котором мы находим значительное его снижение. В городском населении, напротив, естественный прирост за эти годы сильно

упал, уступив место убыли населения. С 19,8 на 1.000 человек в 1927 г. он снизился до 13,7 в 1928 г. и 10,9 в 1929 г. В 1930 и 1931 гг. мы имели уже не естественный прирост городского населения, а его убыль на 6,5 и 9,9 на тысячу. В эти годы весь рост населения в городах происходил за счет притока пришлых из сельских местностей. Уже в 1933 г. на заседаниях Центрального Исполнительного Комитета указывалось, что в последние годы «города растут чрезмерно. Снабжение городов, снабжение новостроек и обеспечение больших промышленных центров всеми необходимыми продуктами становится делом сложным и трудным... Передвижение огромных масс населения сильно затрудняет снабжение населения, загружает невероятно города, создает невыносимые жилищные условия... В это самое время из деревни бегут в города многочисленные противники колхозов» *). Главным источником роста фабричного пролетариата за эти годы были крестьяне-единоличники, разоряемые и изгоняемые из деревни политикой коллективизации.

Приток в города пришлого населения в размере 73,5 на тысячу в среднем за пять лет несомненно должен был оказать значительное влияние на средние цифры рождаемости и смертности. В этом пришлом населении, бежавшем из деревни и пережившем много тяжелого, смертность должна была быть значительно выше, чем у постоянного городского населения, рождаемость же значительно ниже. Мы считаем поэтому, что полученные нами цифры естественного прироста городского населения являются по отношению к постоянному городскому населению в какой-то мере преуменьшенными. Возможно, что в постоянном населении городов, — без пришлых из деревень, — в 1930 и 1931 гг. была не убыль населения, а только

*) «Известия», 1933 г., 2 февраля.

отсутствие прироста. Но, во всяком случае, это падение естественного прироста городского населения не может быть приписано целиком низкой рождаемости и высокой смертности в группе вселившихся в города пришлых из сельских местностей.

Таким образом, в годы первого пятилетнего плана, по сравнению с предыдущим периодом, главное значение имели следующие изменения в динамике населения:

1) чрезвычайное усиление процесса миграции населения из сельских местностей в города;

2) значительный упадок, отчасти под влиянием этой миграции, естественного прироста городского населения;

3) упадок естественного прироста сельского населения в последний год пятилетки, 1932 г.; и

4) систематическое, из года в год, снижение естественного прироста всего населения.

Естественный прирост населения определяется отношением между числом родившихся и числом умерших. По данным Центрального Статистического Управления, число родившихся, умерших и естественный прирост по Европейской части и всему Союзу СССР составляли на тысячу душ населения *):

Европейская часть Союза СССР:

	число рождений	число смертей	естеств. прирост
1911–13 гг.	45,5	28,6	16,9
1924	42,9	22,0	20,9
1925	44,2	22,9	21,3
1926	43,5	19,9	23,6
1927	42,7	21,0	21,7
1928	42,1	18,1	24,0

*) Естественное движение населения Союза ССР в 1923–25 гг., стр. XXI; Естественное движение населения СССР в 1926 г., стр. 38–39; Статистический справочник СССР за 1928 г., стр. 74; СССР за 15 лет, 1932 г., стр. 218.

Весь Союз ССР:

	число рождений	число смертей	естеств. прирост
1926	44,0	20,3	23,7
1930	39,2	20,4	18,8

В противоположность тому упадку естественного прироста населения, который произошел после окончания войны 1914-1918 гг. в странах Западной и Центральной Европы, в Союзе ССР мы находим не падение, а увеличение этого прироста, притом очень значительное, с 16,9 на тысячу до 24,0. Это чрезвычайное увеличение естественного прироста населения в период новой экономической политики было произведено не ростом числа рождений, а сильным уменьшением смертности населения. Рождаемость в эти годы также несколько упала, с 45,5 на тысячу до 42,1; но смертность сократилась в несколько раз больше; с 28,6 на тысячу до 18,1.

О рождаемости, смертности и естественном приросте населения в поселениях разного типа мы имеем сведения только за 1926 г. для Европейской части Союза ССР (на 1000 душ)*):

	родившихся	умерших	естеств. прирост
Столицы	28,9	14,0	14,9
Города более 50 тыс. жителей	31,6	16,9	14,7
Города менее 50 тыс. жителей	37,5	17,4	20,1
Все городское население	33,9	16,6	17,3
Сельское население	45,6	20,7	24,9
Все население	43,5	19,9	23,6

*) Естеств. движение населения СССР в 1926 г., Москва 1929, стр. 36-39. В 1927 г. естеств. прирост городского населения был 15,3, сельского 23,8. Статистический справочник СССР за 1928 г., стр. 76-77.

Чем крупнее города, тем менее в них рождений на 1000 душ населения; в сельском населении количество рождений на целую треть выше, чем в городах. Такая же разница наблюдается в СССР и в коэффициентах смертности и прироста населения. Мы показали выше, что в 1927-1932 гг. в городском населении естественный прирост был не только ниже, чем в сельском, но и непрерывно и быстро падал. О динамике рождаемости и смертности мы имеем статистические данные, к сожалению, только по Москве и Ленинграду (Петербургу):

	МОСКВА			ЛЕНИНГРАД		
	рожде- ний	смер- тей	естеств. прирост	рожде- ний	смер- тей	естеств. прирост
1924	30,9	16,1	14,8	25,9	16,1	9,8
1925	31,7	13,7	18,0	27,8	14,6	13,2
1926	29,7	13,6	16,1	27,8	14,4	13,4
1927	25,7	13,6	12,1	24,7	16,0	8,7
1928	22,7	12,6	10,1	22,6	14,4	8,2
1929	21,7	12,9	8,8	22,0	15,0	7,0
1930	—	—	—	21,2	14,9	6,3
1931	—	—	—	20,7	15,5	5,2

Причинами этого падения в городском населении как рождаемости, так и естественного прироста были как экономические условия жизни, — тяжелые жилищные условия, недостаток и дороговизна продовольственных продуктов, понижение реального уровня заработной платы, — так и, главным образом, морального: разложение семьи. Показателем этого разложения является чрезвычайно высокое в городах, особенно Москве и Петербурге, число разводов, сводившее брак к кратковременному сожительству, при котором дети являются только обузой. Статистические сведения о числе разводов мы имеем только по европейской части Союза и только за 1924-1927 гг. (на 1000 жителей):

	браков	разводов
1911-13	8,2	—
1924	11,4	1,3
1925	10,0	1,5
1926	11,0	1,6
1927	10,3	2,7

До революции число разводов в России было настолько незначительным, что оно даже не подвергалось статистическому учету. Разводы стали массовым явлением лишь после Октябрьской революции, после издания декрета, по которому «брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов, или хотя бы одного из них». В разных социально-демографических группах населения коэффициенты брачности и разводов достигли различной высоты. В 1926 и 1927 гг. для европейской части Союза они были следующие:

	1926		1927	
	браков	разводов	браков	разводов
Столицы	13,1	5,0	—	—
Города более 50 тыс. жителей	13,1	3,0	—	—
„ менее „ „ „	11,1	2,1	—	—
Все городское население	12,1	2,9	12,5	5,8
Сельское население	10,7	1,4	9,9	2,0
Все население	11,0	1,6	10,4	2,7

Мы располагаем еще следующими сведениями о числе разводов по Москве и Петербургу (Ленинграду) *):

*) Статистический справочник г. Москвы и Московской губ. 1927 г., стр. 12-13; Статистический справочник по Ленинградской области 1928 г., стр. 26; Москва и Московская область, статистический справочник, 1931.

	МОСКВА		ЛЕНИНГРАД	
	браков	разводов	браков	разводов
1924	14,9	4,5	12,4	3,2
1925	13,6	5,6	13,2	3,1
1926	12,7	6,0	13,6	3,6
1927	12,6	9,3	15,0	9,8
1928	12,7	9,6	16,5	—
1929	12,9	10,1	16,2	—

Разложение семьи в больших городах несомненно является одной из главных причин падения естественного прироста городского населения в годы первого и второго пятилетних планов. Разводы — это городская болезнь. И социальный вред их в СССР заключается также в том, что они мешают процессу урбанизации населения. Снижая естественный прирост населения, они приводят к тому, что в городском населении усиливается вес и значение пришлых из деревни, выросших и воспитавшихся не в условиях городской жизни, а в деревне, на крестьянском дворе, и принесших с собою в город деревенскую психику. Высокая текучесть рабочих, падение производительности их труда, несмотря на оборудование фабрик новейшими машинами, низкая квалифицированность и интенсивность их труда, — все эти отрицательные явления находятся в теснейшей связи с тем, что большинство рабочих крупной промышленности выросло не в городе и около фабрик, а в деревне.

Наиболее крупным и устойчивым демографическим результатом революции 1917 г. является падение смертности. Она падала и в дореволюционной России, но не так быстро, как в десятилетие 1917-1926 гг. Так, по русским таблицам смертности, смертность (на 1000 человек) и продолжительность жизни населения мужского пола в Европейской России (православное население) и на территории Европейской части СССР

(все вероисповедания) равнялась *):

		смертность до 1-го года	от 1-10 л.	продолжитель- ность жизни
Европ. Россия:				
	1874-1883 г.	327,23	208,84	26,31
	1896-1897 г.	303,03	183,73	30,07
	1907-1910 г.	275,60	170,33	31,90
Европ. часть СССР:				
Население все	1896-1897 г.	294,18	183,77	31,43
„	1926-1927 г.	233,7	127,0	41,93
„	1938-1940 г.	198,9	70,7	46,7
„ 36 городов				
	1896-1897 г.	326,24	172,12	27,62
„ „	1926-1927 г.	176,76	113,48	41,43

Продолжительность жизни за годы революции увеличилась на 14,8 года, с 31,9 до 46,7. Детская смертность упала с 275,6 (на 1000 человек) до 198,9, причем особенно значительно она снизилась в городском населении. На ее уровень сильное влияние оказали организация врачебной помощи в стране после перехода к политике восстановления народного хозяйства и административного управления, распространение в населении основных сведений по гигиене и

*) С. А. Новосельский и В. В. Паевский, Смертность и продолжительность жизни населения СССР в 1926-27 гг. Таблица смертности. Москва-Ленинград 1930, стр. 2-3, 108-9, 112-3, 118-20, 124-5, 128-129, 132-33; Frank Lorimer, The Population of the Soviet Union: History and Prospects, Geneva 1946, pp. 124-125.

Средняя продолжительность жизни равнялась:

	1926-7 г.	1938-40 г.
мужчин	41,9	46,7
женщин	46,8	50,2
обоих полов	44,4	48,4

санитарии, введение социального страхования рабочих в конце 1921 года, отпуска работниц и служащих на 6-8 недель после родов, перерывы в работе для кормления грудью ребенка, устройство детских яслей и других учреждений по охране материнства и младенчества. Большое значение имел также рост материальной и духовной культуры, который произошел в годы войны и революции и в городском, и в сельском населении.

Что касается экономических условий, способствовавших сокращению смертности, то для сельского населения главное значение имело улучшение жилищных условий. За годы революции, когда рубка леса была вольной, деревня сильно обстроилась. В городах тоже произошло улучшение жилищных условий благодаря переселению рабочих из коечно-каморочных квартир в квартиры имущего класса. Но еще больше изменилась вся совокупность материальных условий жизни фабрично-заводских рабочих, как о том свидетельствует происшедшая за годы революции глубокая перемена в строении рабочей семьи. Если до революции среди рабочих преобладал одинокий бессемейный, — таких в Европейской России было 74,5% всего числа наемных рабочих в промышленности, а в Петербурге даже 92,3%, — если такой рабочий был женат и имел детей, то его семья жила в деревне, на крестьянском хозяйстве, так как на свой заработок прокормить семью рабочий не мог, — то после революции русский рабочий получил возможность содержать свою семью и вести семейный образ жизни.

Понижение общей смертности на 25% является очень ценным демографическим результатом русской революции. Это крупный шаг вперед по пути приближения к западно-европейской продолжительности жизни.

Только не следует преувеличивать размеры этого культурного достижения. Сравнение основных динамических процессов в населении Европейской части Союза ССР в 1926 г. с такими же процессами в 1930-1931 гг. в других странах дает нам следующую любопытную таблицу:

	Европ. СССР	Германия	Франция	Англия и Шотландия	Соед. Штаты С. Америки
Браков на 1000 душ населения	10,8	8,0	7,8	7,6	9,2
Разводов на 100 браков	14,8	7,8	6,0	1,2	16,3
Прирост браков на 1000 душ населения	9,2	7,4	7,3	7,5	7,5
Рождений на 1000 душ населения	43,6	16,0	17,4	16,3	18,9
Смертей на 1000 душ насел.	20,0	11,2	16,3	12,5	11,3
Естественного прироста	23,6	4,7	1,2	3,8	7,6
% детской смертности	174	83	76	68	67
Продолжительность жизни	41,9	57,4*)	54,1**)	57,3**)	55,3†)

Смертность в Союзе как детская, так и общая, все еще очень высока по сравнению с другими странами; поэтому и продолжительность жизни гораздо ниже.

*) За 1924-26 гг.

***) За 1921 г.

†) Одних мужчин в белом населении 28 штатов.

Для периода 1933-1940 гг., лет второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР и первых лет третьего пятилетнего плана, мы располагаем только очень скудными публикациями результатов переписи населения 1939 г. и отрывочными сообщениями в журналах и газетах о числе родившихся и умерших и некоторых других демографических явлениях.

Основное значение для нас имеет следующая таблица о размерах естественного и механического прироста населения в 1926-1939 гг. (в миллионах человек):

	сельское население	городское население	все население
Население по переписи			
1926 г.	120,7	26,3	147,0
Естественный прирост	18,2	5,3	23,5
Перешло из сел в города	-18,5	18,5	—
Население сел, преобразованных в города	- 5,8	5,8	—
Население по переписи			
1939 г.	114,6	55,9	170,5

Так как естественный прирост и переселения в города за 1927-1932 гг. нам известны и приведены выше, то мы можем вычислить обе эти величины и для периода 1933-38 гг.

	сельское население		городское население		все население
	естеств. прирост	эмиграция и перечисления	естеств. прирост	эмиграция и перечисления	
За 1927-1938 гг.	18,2	--24,3	5,3	24,3	23,5
За 1927-1932 гг.	18,0	--12,4	0,7	12,4	18,7
За 1933-1938 гг.	0,2	--11,9	4,6	11,9	4,8

Следовательно, в 1933-1938 гг. основные динамические процессы в сельском и городском населении СССР имели следующие размеры *):

	сельское население	городское население	все население
Население на 1 янв. 1933 г.	126,0	39,7	165,7
Естественный прирост населения	0,2	4,6	4,8
Перешло и перечислено в города	-11,9	11,9	—
Население на 17 января 1939 г.	114,6	55,9	170,5

Уже эти скудные данные обнаруживают глубокое различие между динамикой населения в два последовательные шестилетние периода, 1927-1932 и 1933-1938 гг.

	1927-1932 гг.	1933-1938 гг.
Прирост всего населения	18,7	4,8
Ест. прирост сельск. населения	18,0	0,2
„ „ городского „	0,7	4,6
Переход и перечисления сельск. населения в города	12,4	11,9
Рост сельского населения	5,6	-11,7
Рост городского населения	13,1	16,5

Как видим, во второе шестилетие, по сравнению с первым, прирост всего населения сократился почти в 4 раза, естественный прирост сельского населения прекратился совершенно, а так как уход сельского

*) В этой таблице, в данных о движении сельского и городского населения, есть неувязка в 0,3 мил. чел. Мы не знаем, какая из цитируемых нами цифр советской статистики является неточной и порождает эту неувязку.

населения в города вместе с перечислением сельских жителей в городские продолжался приблизительно в прежних размерах, то вместо роста его на 5,6 мил. человек мы получили его убыль на 11,7 мил. человек; в городах, напротив, естественный прирост населения увеличился в $6\frac{1}{2}$ раза, и население городов выросло на 3,4 мил. человек больше, чем в первый шестилетний период. Очевидно Советская Россия еще не вступила в период спокойного демографического развития.

Советская власть вовсе не хотела сокращения сельского населения в годы второго пятилетнего плана и такого быстрого роста населения городского. Оба эти демографические явления явились нежелательными и непредвиденными результатами ее народнохозяйственной плановой политики. Сопоставление проектов роста населения по обоим пятилетним планам с его действительным ростом дает следующую таблицу (в мил. человек и процентах):

	сельское население		городское население		все население	
	план	исп.	план	исп.	план	исп.
Первый 5-летний план						
На начало периода	123,4	125,9	27,9	27,4	151,3	153,3
На его конец	134,5	127,3	34,7	38,4	169,2	165,7
Прирост в мил. челов.	11,1	1,4	6,8	11,0	17,9	12,4
„ в процентах	9,0%	1,1%	24,4%	40,2%	11,8%	8,1%
Второй 5-летний план						
На начало периода	126,0	127,3	39,7	38,4	165,7	165,7
На его конец	134,6	113,8*)	46,1	53,2*)	180,7	167,0*)
Прирост в мил. чел.	8,6	—13,5	6,4	14,8	15,0	1,3
„ в процентах	6,8%	—10,6%	16,1%	38,5%	9,1%	0,8%

*) Цифры приблизительные.

По первому плану, прирост всего населения проектировался в размере 11,8%, по второму 9,1%. Исполнение дало прирост в размере 8,1% и 0,8%. При таких результатах демографического планирования, советская власть вполне разумно воздержалась от планирования роста населения в третьем пятилетнем плане.

Перепись 1939 г. дала нам также очень ценные сведения о социальной структуре населения Союзу ССР. За исключением населения крайних северных территорий Союза, оно распределяется следующим образом по социальным группам *):

Рабочие города и села	54.566.300
Служащие „ „	29.738.500
Колхозники	75.616.400
Крестьяне-единоличники	3.018.000
Кустари кооперированные	3.888.400
Кустари не-кооперированные	1.396.200
Нетрудящиеся	60.000
Не указавшие обществен. группы	1.235.300
Всего	169.519.100

К сожалению, Центральное Управление народно-хозяйственного учета не нашло нужным опубликовать данные о социальной структуре населения отдельно по городу и по селу. Поэтому нам приходится довольствоваться приблизительными данными, чтобы составить представление о строении общества Советского Союза, хотя бы в самых общих, основных чертах.

На крайнем севере, данные о населении которого не были опубликованы, городская жизнь развита очень слабо. Мы можем без большой ошибки при-

***) «Известия» и «Правда» от 29 апреля 1940 г.

нять, что отсутствующие в итогах 948.057 человек принадлежат все к сельскому населению. Городское население Союза, 55,9 мил. человек, почти все состоит из рабочих и служащих. Следовательно, сельское население Союза состоит из следующих социальных групп:

Население крайнего севера	0,9 мил. человек		
Рабочих и служащих	28,4	„	„
Крестьяне: колхозники	78,6	„	„
„ единоличники	3,0	„	„
Кустари: кооперированные	3,9	„	„
„ одиночки	1,4	„	„
Неуказанные занятия	1,3	„	„
Всего	114,6	„	„

Центральную группу сельского населения составляют крестьяне. Группа эта за годы коллективизации крестьянских хозяйств чрезвычайно сократилась в своих размерах:

	1927	1932	1939
Крестьяне	114,9	117,2	78,6
Другие сельские жители	8,6	10,2	36,0
Всего	123,5	127,4	114,6

Чрезвычайное сокращение крестьянского населения произошло вследствие двух причин: уменьшения числа крестьянских хозяйств и уменьшения величины крестьянской семьи как у единоличников, так и у колхозников. До коллективизации и в начале ее крестьянская семья имела в среднем 4,8 человек. В начале 1939 г. ее размеры были следующие:

	число хозяйств	в них человек обоих полов	размер семьи
Колхозники	18.970.000*)	75.616.388	4,0
Единоличники	1.310.000*)	3.018.050	2,3

*) Цифры приблизительные.

За годы коллективизации число крестьянских хозяйств сократилось с 25,7 мил. (в 1930 г.) до 20,3 мил.; семья колхозника с 4,8 до 4,0 человек; семья единоличника с 4,8 до 2,3 человек. Совершенно неожиданно для нас существование в сельских местностях около 28,4 мил. человек рабочих и служащих. В советских хозяйствах и на машинно-тракторных станциях число рабочих и служащих равнялось в 1938 г.:

В советских хозяйствах	1.517,7 тыс. чел.
В машинно-тракторных станциях	1.520 „ „
Всего	3.038*)

Эта группа служащих с женами и детьми заключала в себе следующее количество человек (миллионов)**):

1928 г.	—	2,3
1934	—	5,2
1937	—	5,3

Значительную часть остальных 23 мил. сельских жителей, сверх 5,3 мил. кустарей, составляет население рабочих поселков при фабриках, находящихся вне городов, и те рабочие и служащие городских учреждений и предприятий, которые живут в дачных поселках и подгородных селах и ежедневно ходят пешком или ездят в город на работу.

Таковы те ограниченные сведения о величине и социально-экономической структуре населения СССР в начале 1939 г. и его динамике за 1933-1938 гг., которые мы могли извлечь из опубликованных результатов переписи 1939 г.

*) Социалистическое строительство Союза ССР, 1939 г., стр. 87.

***) Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР, 1939 г., стр. 55.

Но период 1933-1940 гг. включает в себе годы в экономическом и демографическом отношении совершенно различные, напр. 1937-1939 гг. во многих отношениях являются прямой противоположностью 1933-1934 гг. Поэтому средняя за весь шестилетний период дает нам очень мало; представляет интерес установить основные демографические особенности каждого года последнего шестилетия, — хотя бы в схематическом виде, — раз статистически-точные данные нам недоступны. Для составления более или менее вероятного представления об естественном движении населения за эти годы мы вынуждены обратиться к использованию сведений самого различного характера, главным образом опубликованных в советской печати отрывочных цифр о числе рождений, смертей и разводов, или косвенных данных, характеризующих величину интересующих нас демографических процессов.

За 1933 и 1934 гг. мы вообще не находим в советской печати никаких сведений ни о числе рождений, ни о числе смертей. За последующие 1935-1938 гг. мы имеем лишь отрывочные сообщения в журналах и газетах, большею частью в форме процентных отношений, напр. в 1937 г. по сравнению с 1936 г. число родившихся увеличилось на 18%; число умерших уменьшилось на 2,6%; естественный прирост вырос на 43-44%. Или: за период 1913-1935 гг. смертность упала с 28,9 до 16,3 смертей на 1000 населения; в 1938 г. число родившихся относится к числу умерших как 215,7:100. Изредка, однако, публиковались и абсолютные данные о движении населения (на 1000 человек). Суммировав несколько подобных публикаций*), мы составили следующую таблицу (в промилях):

*) Плановое хозяйство 1936, XII, стр. 24; 1939, VI, стр. 24; Правда 1938. 2. III; 1939. 27. VI; Известия 1939. 27. VI; Труд 1939. 17. I.

	рождений	смертей	естеств. прирост
1935	28,6	16,3	12,3
1936	31,7	17,1	14,6
1937	37,7	16,7	21,0
1938	38,3	17,8	20,5

Конечно, на статистическую точность эта таблица претендовать не может. Но она дает нам некоторое общее представление о движении населения в СССР за последние годы. С ее помощью мы можем, основываясь на цифре населения Союза по переписи 17 января 1939 г., вычислить приблизительное количество населения в стране и его годовой прирост за довоенные годы (в мил. человек):

	население на начало года	годовой прирост	годовой прирост в ‰
1932	163,2	2,5	15,4
1933/4	165,7	—6,4	—38,6
1935	159,3	1,9	12,3
1936	161,2	2,4	14,6
1937	163,6	3,4	21,0
1938	167,0	3,5	20,5
1939	170,5	3,5	20,5
1940	174,0	—	—

Если мы к 6,4 мил. уменьшения количества населения в 1933 и 1934 гг. прибавим еще вымирание нормального прироста населения за эти два года, то найдем, что голодные 1933 и 1934 гг. обошлись стране потерей около девяти миллионов человеческих жизней. Сведения об этой демографической катастрофе мы находим в сообщениях иностранцев, бывших в эти годы в России, проф. Аугагена*), В. Г.

*) O. Auhagen, Die Bilanz des ersten Fünfjahrplanes der Sowjetwirtschaft, Breslau 1933, S. 58.

Чемберлина*) и многих других**). По свидетельству В. Г. Чемберлина, зимою 1932/33 г. и весной 1933 г. голод охватил значительную часть Украины, Северный Кавказ, Нижнюю и Среднюю Волгу и Казахстан, всего 50-60 мил. населения; смертность среди голодающих составляла повсюду около 10%.

Несмотря на эту катастрофу, многие публицисты и даже хозяйственники в СССР сильно преувеличивали в своих статьях достигнутые советской властью демографические успехи. Против этих славословий несуществующих достижений решительно выступил Сталин. На съезде коммунистической партии 1939 г. он напомнил, как «некоторые работники Государственной плановой комиссии старого состава предлагали при составлении второго 5-летнего плана запланировать производство чугуна к концу второй пятилетки в размере 60 мил. тонн. Это была, конечно, фантастика, если не хуже. Впрочем, эти товарищи ударялись в фантастику не только в области производства чугуна. Они считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения в СССР должен составить 3-4 мил. человек, или даже больше этого. Это тоже была фантастика, если не хуже».***)

О движении городского населения за этот период мы располагаем некоторыми данными только по городу Москве, опять в форме отрывочных цифровых указаний главным образом в ежедневной газете

*) W. H. Chamberlin, *Russia's Iron Age*, Boston 1934, pp. 10, 67, 88, 367.

***) Сводка этих сообщений дана в книге E. Amende, *Human Life in Russia*, London 1936, pp. 29-33, 54-103.

****) И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии. — Плановое хозяйство 1939 г., IV, стр. 14-15.

точного питания, или планомерно в некоторых местах истреблявшегося германцами, — привели к изданию президиумом Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г. второго закона в целях укрепления семейных начал в населении. Главными его статьями являются следующие:

2. Выдача государственного пособия матерям (рублей):*)

				единовременно	ежемесячно
имеющим 2-х детей, при рождении след.				400	—
—	4	—	—	1700	120
—	6	—	—	2500	200
—	8	—	—	3500	250
—	10	—	—	5000	300

3. Установить государственное пособие матерям, не состоящим в браке, на содержание и воспитание детей до достижения ими 12-летнего возраста в следующих размерах:

на одного ребенка	100 р. в. месяц
двух —	150
трех и более	200

11. Предусмотреть обязательную организацию на предприятиях и в учреждениях с массовым приме-

*) Указом 25 ноября 1947 г. эти пособия матерям с 1 января 1948 г. сокращены на половину. Одновременно, 24 июня 1948 г., Верховный Совет РСФСР отменил след. материальные преимущества, предоставленные в 1930-х гг. лицам, награжденным орденом Трудового Красного Знамени:

- 1) денежные выплаты по ордену;
- 2) льготные условия по оплате их жилой площади;
- 3) право бесплатного проезда в трамваях во всех городах РСФСР.

нием женского труда детских яслей, детских садов, комнат для кормления грудных детей и комнат личной гигиены женщин.

16. 17. Установить, что мужчины в возрасте 20 до 50 лет и женщины 20 до 45 лет, не имеющие детей, уплачивают налог в следующих размерах:

а) с граждан, облагаемых подоходным налогом 6% их дохода;

б) с колхозников, единоличников и других граждан, облагаемых сельскохозяйственным налогом, 150 рублей в год;

в) с прочих граждан — 90 руб. в год.

19. Установить, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов, предусмотренные кодексами законов о браке, семье и опеке.

20. Отменить существующее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке.

23. Установить, что развод производится публично, через суд.

27. При выдаче свидетельств о разводе взимается с одного или обоих супругов, по определению суда, от 500 до 2.000 рублей.

В начале октября 1949 г. пленум Верховного Суда СССР, обсудив судебную практику по делам о расторжении брака, обратил внимание судов, что при рассмотрении этих дел они должны исходить из основной задачи — укрепления советской семьи и брака. Временный разлад в семье и конфликты между супругами, вызванные случайными и преходящими причинами, или не обоснованное серьезными доводами нежелание одного из обоих супругов продолжать брак, не могут считаться достаточным основанием к расторжению брака. Только в том случае, когда дело о разводе возбуждается по серьезным, обоснованным мо-

тивам и дальнейшее сохранение брака будет противоречить принципам коммунистической морали и не может создать нормальных условий для совместной жизни и воспитания детей, суд может расторгнуть брак. Одним из основных условий рассмотрения дел о расторжении брака является личное участие обоих супругов в судебном заседании. Не допускается рассмотрение дела в отсутствие супруга, по неизвестным причинам не явившегося в суд.

Пленум особо обратил внимание судов на то, что судебные решения по делам о расторжении брака имеют большое общественное воспитательное значение, должны способствовать правильному пониманию значения семьи и брака в Советском государстве и воспитывать у населения уважение к семье и браку, основанном на высоких принципах коммунистической морали, охраняемым советским законом.

Таким образом, от послереволюционной коммунистической политики в области семейных отношений в настоящее время ничего не осталось, — кроме, разумеется, разложения нескольких миллионов семей и уменьшения количества рождений, ею произведенных. Советское правительство от полной свободы абортов перешло в настоящее время к их полному запрещению; от признания фактического брака — к точно регламентированному гражданскому браку; от одностороннего развода явочным порядком — к разводу по постановлению суда; от равенства в правах внебрачных и рожденных в браке детей — к различию «законных» и «незаконных» детей.

В современном советском законодательстве о семье только постановление президиума Верховного Совета, принятое им 15 февр. 1947 г., о запрещении браков между гражданами СССР и иностранцами, производит впечатление какого то бессмысленного и анекдотического акта.

Для установления общественных явлений и про-

цессов, в ту или другую сторону влияющих на динамику населения, очень ценным пособием могут быть данные об изменении возрастного состава населения в ряде последовательных переписей. Для СССР мы можем воспользоваться в этих целях данными переписей 1897 (по Европейской России), 1926 и 1939 гг. Так как возрастной состав населения Азиатской России лишь незначительно отличается от возрастного состава Европейской России, а западная полоса, отошедшая от России в 1918-1920 гг., невелика по своим размерам, то сравнение возрастных составов 1897 и 1926 гг., несмотря на различие территорий, все же дает положительные результаты.

	1897 28 января	1926 17 декабря	прирост или убыль за 1897-1926 в %	1939 17 января	прирост или убыль за 1926-1939 в %
до 7 лет	21.047.067	31.935.111	51,7	31.412.232	— 1,6
8-11	8.482.605	11.226.249	32,3	16.409.098	46,2
12-14	6.348.009	11.521.357	81,5	13.336.151	15,7
15-19	7.784.420	16.976.531	118,1	15.124.176	—10,9
20-29	15.495.031	25.850.982	66,8	30.639.041	18,5
30-39	11.732.913	17.517.675	49,3	25.332.993	44,6
40-49	9.002.915	12.862.264	42,9	15.235.864	18,5
50-59	6.421.998	9.246.102	43,8	10.867.408	17,5
60 и старше	6.753.036	9.802.916	45,2	11.129.290	13,5
неопред.	31.501	88.728	—	32.874	—
ВСЕГО:	93.099.495	147.027.915	57,9	169.519.127	15,3

При нормальных условиях, прирост населения за 1897-1926 и 1926-1939 гг. в разных возрастных группах должен был бы только незначительно отклоняться от среднего для всего населения. Но действие пертурбационных факторов на население России и СССР было столь мощным, что в одних возрастных группах мы находим вместо прироста убыль населе-

ния, в других — прирост в два и в три раза выше среднего.

Особенно значительные отклонения от средней в период 1887-1926 дают возрасты от 8-11 лет и 15-19 лет, а также 12-14 лет, а в период 1926-1939 гг. возрасты до 7 лет, 8-11 лет, 15-19 лет и 30-39 лет.

В период 1897-1926 гг. возраст от 8 до 11 лет дал прирост населения почти вдвое меньше нормального; причина, очевидно, заключается в том, что военные 1915-1917 гг. и первый послевоенный революционный 1918 год имели низкую рождаемость и высокую смертность. Напротив, высокий прирост населения в группе 15-19 лет объясняется низкой рождаемостью в войну 1877-1878 гг. и последующие годы, захватившие и возраст 12-14 лет.

В период 1926-1939 гг. возрасты до 7 лет и от 15-19 лет вместо прироста населения на 15,3% дали его убыль, притом для возраста 15-19 лет очень значительную. Убыль населения в группе до 7 лет могла быть вызвана только понижением рождаемости и ростом смертности в 1931-1938 гг. по сравнению с 1919-1926 гг. Но, как мы знаем, рождаемость в годы коммунистической политики 1919-1920 гг. и голодные 1921-1922 гг. была ниже нормальной, а смертность в эти годы — выше нормальной. Очевидно, население СССР в 1931-1938 гг. должно было пережить демографическую катастрофу, чтобы дать установленную переписью 1939 г. относительную убыль населения в возрасте до 7 лет. Этой катастрофой был неурожай и голод 1932-1934 гг., вызванный дезорганизацией крестьянского хозяйства его принудительной коллективизацией и ростом принудительных заготовок всех продуктов крестьянского хозяйства.

Если бы Центральное Управление народнохозяйственного учета опубликовало погодные данные переписи 1939 г. по этой возрастной группе, мы бы могли, сопоставляя эти данные с данными переписи 1926 и 1897 гг., довольно точно установить демографические следствия политики коллективизации. В цифре, опубликованной ЦУНХУ, демографические показатели тяжких 1933 и 1934 гг. и плохих 1935 и 1936 гг. в значительной мере замаскированы хорошими демографическими показателями 1931, 1937 и 1939 гг.

Другая возрастная группа, в которой была значительная убыль населения, состоит из лиц 15-19 лет. Все они родились в 1915-1919 гг., — годы войны и революции, с низкой рождаемостью и высокой смертностью.

Возрастные группы 8-11 и 30-39 лет дали, напротив, чрезвычайно высокий прирост населения за 1927-38 гг. Очевидно, причину этого отклонения от среднего уровня прироста надобно искать в пониженных размерах этих возрастных групп по переписи 1926 г. Лица, имевшие в день переписи 17 декабря 1926 г. от 8 до 11 лет, все родились в 1915-1918 гг., годы войны и революции. Следовательно, высокий уровень прироста в группе 8-11 лет по переписи 1939 г. вызван той же причиной, которая произвела убыль населения в группе 15-19 лет. Напротив, высокий уровень прироста в возрастной группе 30-39 лет объясняется отчасти пониженной рождаемостью в голодный 1891 и последующие годы, главным же образом тем, что в годы войны и революции, 1915-1920, члены этой возрастной группы по переписи 1926 г. имели 19-33 года, т. е. наиболее активный возраст, и приняли самое деятельное участие как в войне, так и в революции.

Одновременно с быстрым ростом населения СССР шло значительное переселение его на мало заселенные окраины. Чтобы установить размеры этого миграционного процесса, мы к сожалению не можем воспользоваться делением Союза ССР на одиннадцать республик, потому что первая в их числе, Российская Федеративная Республика, включает в себе, по переписи 1939 г., 64,1% населения всего Союза и, покрывая колоссальную территорию от Петербурга до Берингова пролива, от Ледовитого океана до Одессы, Владикавказа, Семипалатинска и Владивостока, охватывает целый ряд народно-хозяйственных поясов; все же остальные республики включают в себе лишь части народно-хозяйственных поясов, на которые делится Союз СССР. Мы остановились на следующем делении СССР на народно-хозяйственные пояса, полосы или территории:

Европ. Россия: нечерноземная полоса
 черноземная полоса
 Северный Кавказ

Закавказье

Туркестан

Западная Сибирь и Казахстан

Восточная Сибирь

Дальний Восток и Якутская область.

Так как все статистические данные в советских изданиях публикуются по республикам, краям и областям, а границы краев и областей за время существования советской власти несколько раз подвергались изменениям, то приводимые ниже за разные годы данные об одном и том же поясе или территории напр. потребительной полосы Европейской России, только с каким-то приближением относятся к одной

и той же территории; однако эти изменения в размерах поясов и территорий не настолько значительны, чтобы они могли оказать заметное влияние на наши выводы.

Население в 1920 и 1939 гг. размещалось по принятым нами восьми поясам или территориям следующим образом (в тыс. человек):

	все население		сельское население		городское население	
	1920	1939	1920	1939	1920	1920
Европ. Россия: нечерн. полоса	37.273	52.179	31.108	31.130	6.165	21.050
" черноз. полоса	59.317	69.613	50.907	48.764	8.409	20.849
" Северн. Кавказ	6.135	7.438	5.275	5.644	860	1.794
Закавказье	5.181	8.034	4.053	5.440	1.128	2.594
Туркестан	5.718	9.022	4.868	6.908	850	2.113
Зап. Сибирь, Казахстан	13.815	16.515	12.586	11.983	1.229	4.532
Восточная Сибирь	2.282	4.928	1.972	3.141	310	1.787
Д. Восток, Якутская обл.	1.906	2.739	1.469	1.548	437	1.191
СССР	131.627	170.467	112.238	114.557	19.389	55.910

Городского населения относительно больше всего в нечерноземной полосе Европейской России, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке; сельского населения больше всего в Туркестане и на Северном Кавказе. Принимая количество населения в 1920 г. за 100, мы получим следующие индексы роста всего населения:

	1920, 28	1926, авг. 17	1933, дек. 1	1939, янв. 17
Евр. Россия: нечерноз. полоса	100	121	147	140
” черноз. полоса	100	106	112	117
” Северный Кавказ	100	104	115	121
Закавказье	100	113	137	155
Туркестан	100	110	134	158
Зап. Сибирь, Казахстан	100	112	122	120
Восточная Сибирь	100	123	170	216
Дальний Восток, Якутская обл.	100	114	115	144
Союз ССР	100	112	126	130

Оказывается, что за эти 18½ лет мирного строительства Союза ССР рост населения ниже среднего наблюдался в черноземной полосе Европейской России, на Северном Кавказе и в Западной Сибири с Казахстаном, — питающих производимыми ими зерном и другими сельскохозяйственными продуктами весь Союз ССР. Кроме того, в 1933-1938 гг. наблюдался также упадок населения в нечерноземной полосе Европейской России. Чтобы уяснить себе социально-экономические причины этого явления, посмотрим прежде всего, как росло на этих территориях городское и сельское население:

	1920	1926	1933	1939
Городское население				
Евр. Россия: нечерноз. полоса	100	164	272	341
” черноз. полоса	100	120	157	248
” Северный Кавказ	100	123	197	209
Зап. Сибирь, Казахстан	100	129	265	369
Союз ССР	100	136	208	288

1920 1926 1933 1939

Сельское население:

Евр. Россия: нечерноз. полоса	100	113	122	100
” черноз. полоса	100	104	104	96
” Северный Кавказ	100	101	101	107
Зап. Сибирь, Казахстан	100	111	108	95
Союз ССР	100	108	112	102

Как видим, городское население на всех этих территориях систематически росло, — на двух территориях быстрее, чем в среднем по Союзу, на остальных двух несколько медленнее. Напротив, сельское население на всех этих территориях явно обнаруживает признаки застоя и даже упадка. Что причиной этого демографического явления являются не переселения на вольную землю в Азиатской России, видно уже из того, что застой и упадок сельского населения наблюдается не только в нечерноземных и черноземных областях Европейской России, страдающих от аграрного перенаселения, но и на Северном Кавказе, в Западной Сибири и Казахстане, совершенно не страдающих от малоземелья. Мы считаем главными причинами отсутствия роста сельского населения на этих территориях неурожаем 1921 г. и последовавший за ним голод, унесший около 5 мил. человек в производительной полосе и на Северном Кавказе; неурожаем 1932 г., вызванный дезорганизацией сельского хозяйства вследствие его принудительной коллективизации, и последовавшие голодные 1933 и 1934 гг., унесшие около 9 мил. человек в производительной полосе, на Северном Кавказе и в Западной Сибири; наконец, ссылку в концентрационные лагеря миллионов крестьян, сопротивлявшихся коллективизации их хозяйств. О числе заклю-

ченых в лагерях принудительных работ мы не имели никаких сведений до прошлого года, когда американцы в числе документов военного времени, которые они вывезли из Германии, нашли «Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 г.» В этом плане приведены данные о числе заключенных, работающих в лагерях и о производимой ими работе. Н. Ясный проанализировал этот документ и пришел к следующим выводам. В 1941 г. в лагерях НКВД предполагалось участие в работах след. количества заключенных:

в капитальном строительстве пропорционально ожидаемой продукции	670.000 чел.
дополнительное число вследствие низкой производительности труда заключенных	502.000
в промышленности	1.000.000
20% числа рабочих, нанятых в предприятиях, не принадлежащих НКВД	450.000
занятых в работах не-планового характера	600.000
	<hr/>
Всего	3.500.000

О количестве неспособных к труду, — детей, стариков, полных инвалидов и т. д., никаких сведений мы не имеем. Приведенные выше цифры свидетельствуют о существовании переселенческого движения на Восток из нечерноземных губерний Европейской России и, быть может, в меньших размерах из черноземной полосы лишь в 1933-1938 гг.

В остальных поясах СССР рост городского и сельского населения шел следующими темпами:

Городское население:	1920	1926	1933	1939
Закавказье	100	125	181	230
Туркестан	100	146	196	249
Восточная Сибирь	100	130	287	577
Дальний Восток	100	112	189	273

Сельское население:	1920	1926	1933	1939
Закавказье	100	110	125	134
Туркестан	100	103	123	142
Восточная Сибирь	100	122	151	159
Дальний Восток	100	115	95	105

Все эти территории за рассматриваемый период времени получили некоторое количество пришлого населения. На Урал, в Сибирь и на Дальний Восток за период между 1926 и 1939 гг. прошло из других районов страны свыше 3 мил. человек*). Больше всего иммигрантов получила Восточная Сибирь (от 1,5 до 2,0 мил. человек), затем Туркестан (около 0,5 мил. чел.); меньше переселенцев вселилось в восточную часть Закавказья и на Дальний Восток. Причем в 1927-1932 гг. число переселенцев было приблизительно вдвое больше, чем в 1933-1938 гг. Не следует, однако, забывать, что в силу отсутствия точных статистических данных о миграционных процессах между различными территориями СССР все наши выводы по этому вопросу носят лишь предположительный характер.

Но один вывод из приведенных выше данных вытекает с полной достоверностью: чрезвычайно быстрое развитие городов в 1920-1938 гг. в Закавказье, Туркестане, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке происходило в равной мере как за счет иммиграции из печерноземных и черноземных областей Европейской России, так и за счет переселения местного населения в города.

О передвижении населения в годы второго пятилетнего плана из сельских местностей в города мы имеем статистические сведения только за 1933-1935 гг.:

*) Проблемы экономики, 1940, VII, стр. 85.

Весь Союз ССР:

1933 г.	772.000 чел.
1934	2.452.000 "
1935 (предварительн.)	2.527.000 "

В особенно тяжелый в продовольственном отношении 1933 г. миграция сельского населения в города сильно сократилась, но затем вернула свои прежние размеры.

Как показывают приведенные нами выше статистические данные о росте городского населения в СССР, оно росло непрерывно и притом быстро, достигнув в 1939 г. 32,8% населения Союза. В дополнение к уже приведенным сведениям, мы можем привести еще данные о росте населения 16 наиболее крупных городов Советского Союза:

	1897	1914	1926	1933
Москва	1038,6	1762,7	2029,4	4137,0
Петербург (нынешний Ленинград)	1264,9	2118,5	1690,1	3191,3
Киев	247,7	520,5	513,6	846,3
Харьков	174,0	244,7	417,3	833,4
Баку	111,9	232,2	453,3	809,3
Нижний Новгород (нын. Горький)	90,0	111,6	222,4	644,1
Одесса	403,8	—	420,9	604,2
Ташкент	155,7	271,9	323,6	585,0
Тифлис (нын. Тбилиси)	159,6	307,3	294,0	519,2
Ростов на Дону	119,5	—	308,1	510,3
Екатеринослав (нын. Днепропетровск)	112,8	211,1	236,7	500,7
Юзовка (нын. Сталино)	32,0	48,5	174,2	462,4
Царицын (нын. Сталинград)	55,2	102,8	151,5	445,5
Екатеринбург (нын. Свердловск)	43,2	71,3	140,3	425,5

	1897	1914	1926	1933
Ново-Николаевск (нын. Новосибирск)	7,8	73,0	120,1	405,6
Казань	130,0	194,2	179,0	401,7

Особенно быстро выросли Новосибирск, Юзовка, (Сталино) и Екатеринбург (Свердловск); затем Баку, Нижний Новгород, Сталинград (Царицын). Все эти города лежат на восток от меридиана Москвы.

За эти годы Союз ССР пережил очень глубокую революцию. Крестьянская Россия, бывшая житницей Европы, перестала существовать. Ее место заняла промышленная Россия, все свои силы направляющая на развитие горного дела и тяжелой промышленности. И эта индустриализация России не ограничивается европейской ее частью, но захватывает все части Союза, Закавказье, Туркестан, Западную и Восточную Сибирь и даже Дальний Восток. Причем, на окраинах главную массу новых городских жителей составляют не переселенцы из Европейской России, а туземцы, принадлежащие к не-русским национальностям.

В конце 1939 г. и в 1940 г. к Союзу ССР были присоединены большие территории по западной границе, значительно увеличившие его население:

(в тыс. человек):	подсчет 1945/6 гг.	подсчет 1949 г.*)
Восточная часть Польши		
к Украинской респ.	7.939,8	11.600
к Белорусской респ.	4.732,0	
Карельская респ.	469,1	420
Латвийская респ.	1.950,5	5.700
Эстонская респ.	1.126,4	
Литовская респ.	2.879,1	
Бессарабия и Сев. Буковина	3.500,0	3.900
Итого	22.730,8	21.620

*) United Nations. Economic Bulletin for Europe, 1949, vol. I, No. I, pp. 11.

Не все население присоединенных территорий вошло в состав Союза ССР. Население Карелии было все эвакуировано в Финляндию до передачи ее Советскому Союзу. Польское и еврейское население польских территорий имело право репатриироваться в Польшу. Большинство германцев с этих территорий ушло в Германию. Но если мы всю цифру населения присоединенных областей прибавим к цифре населения СССР в старых границах по переписи 1939 г., мы получим 193.198 тыс. человек, т. е. цифру, принятую в советской печати для населения СССР в 1940 г. в новых границах*). В этой итоговой цифре пропущен прирост населения в СССР в старых границах за время с 17 января по 31 декабря 1939 г., равный 3.300-3.500 тыс. человек. Включив эту цифру в учет, мы получим для 1940 г. цифру 196,5-196,7 мил. человек. Сопоставление цифр, сообщаемых Вознесенским, с цифрами переписи 1939 г., дает следующую таблицу:

	сельское население	городское население	все население
1939, старые границы	114,6	55,9	170,5
1940, новые границы	132	61	193

По окончании войны 1941-1945 гг. к Союзу ССР были еще присоединены следующие территории с количеством населения, исчисленным на 1940 год:

По западной границе:	округ Печенги	4,3 тыс. чел.
	„ Мемеля	152,0**) „ „
	„ Кенигсберга	400,0**) „ „

*) Большая советская Энциклопедия, Москва 1948, стр. 50; Н. Вознесенский, Военная экономика СССР в период отечественной войны, Москва 1947, стр. 14, 23.

**) По подсчету 1949 г., население территорий, присоединенных от Германии, равнялось 1.200.000 человек. United Nations. Economic Bulletin for Europe, 1949, vol. I, No. 1, p. 11. Большинство из них также репатриировалось в Германию.

По восточной границе:	Подкарпатская Русь	798,3	„	„
	Южный Сахалин	414,0	„	„
	Курильские острова	4,4	„	„
	Танна-Тува	?		
	Итого	1.773,0		

Мы не знаем, как велико количество жителей этих территорий, репатриировавшихся в Финляндию, Польшу и Германию. О количестве населения в СССР в после-военные годы советская печать сведений нам не дает. Мы находим в ней, однако, два ряда сообщений, с помощью которых мы можем приблизительно определить это количество.

Первый из этих рядов дает нам сведения о числе лиц, имевших право участвовать в выборах в Верховный Совет 10 февраля 1946 г. и 12 марта 1950 г. В Советской России правом участия в этих выборах обладают все лица обоего пола, достигшие 18 летнего возраста. В выборах 1937 г., 12 декабря, при населении в 167 мил. человек, избирательным правом обладали 94,1 мил. человек, или 56,35% населения. Если этот возрастной состав населения за время войны мало изменился, то число избирателей на выборах 1946 г., 10 февраля, 101,7 мил. человек, соответствует количеству населения в 180,5 мил. человек, а на выборах 12 марта 1950 г. число избирателей 111,1 мил. человек соответствовало населению в 197,2 мил. человек*). Следовательно, в годы войны Союз СССР (в новых границах) потерял не только весь естественный прирост своего населения, но также 14 мил. человек сверх того. Мы не знаем, как эти потери рас-

*) Мы не знаем, пользуются ли заключенные в лагерях принудительных работ правом участия в выборах; по конституции 1936 г. они имеют это право, если не лишены его судом. А на практике? В рабочих профессиональных союзах они, не на то, что число избирателей на выборах в Верховный Совет СССР в 1937 г. составляло 56,36% населения, а по переписи

пределены по разным частям Союза; это знает лишь Государственная плановая комиссия в Москве. Если бы потери равномерно распределялись по территории Союза, население на ней живущее, в старых и новых границах его, приблизительно равнялось бы (в мил. человек):

	в старых границах	в новых границах
в 1940 г.	174,0	196,7
1946	159,7	180,5*)
1950	174,4	197,2

Спорным местом этого приблизительного определения количества населения СССР в после-военные годы является вопрос о том, насколько война изменила возрастной состав его населения. Точных статистических данных о размерах потерь в населении старше и моложе 18 лет мы не имеем. Распространено мнение, что в годы войны особенно велики были потери людей взрослых. Данные, публикуемые советской властью, опровергают это неосновательное мнение. Если для динамики взрослого населения показательно число избирателей в Верховный и местные советы, то для динамики детей и подростков показательно число учеников в народных и средних школах,

*) Н. С. Тимашев в своем исследовании также пришел к цифре 180-181 мил. человек для населения СССР в новых границах в начале 1946 г. N. S. Timascheff, *The Postwar Population of the Soviet Union. The American Journal of Sociology*, 1948, September.

1939 г. число лиц 18 лет и старше равнялось 58,3%. Следовательно, в 1937 г. права участия в выборах были лишены 1,94%, около 3,3 мил. населения, — или по суду (около миллиона человек), или в административном порядке (около 2,3 млн. чел.) N. S. Timasheff, *The Postwar Population of the Soviet Union. The American Journal of Sociology*, 1948, September.

— при условии, что школьная сеть восстановлена до нормальной высоты. Эти два ряда величин дают следующую таблицу (в мил. человек):

	1938	1940	1945	1946	1947	1948	1950
Число избирателей	94,1	—	—	101,7	—	—	111,1
Число школьников	29,4	32,9	26,9	29,3	30,2	33,2	35,7

Для большей ясности, примем цифры за 1938 г. за 100, а за последующие годы выразим все цифры обоих рядов в процентах от 1938 г.:

	1938	1940	1945	1946	1947	1948	1950
Число избирателей	100	—	—	108,1	—	—	118,1
Число школьников	100	111,9	91,5	99,7	102,9	112,9	121,4

Вероятно, в 1945-1947 гг. не все дети и подростки школьного возраста могли посещать школу, вследствие разрушения школ и истребления или увода учителей и учительниц на территории, занятой немцами; но в 1947/8 учебном году, повидимому, школьная сеть в Союзе ССР была в значительной мере восстановлена. Заслуживает внимания, что в этом году число учеников в народных школах превзошло их число, запланированное четвертым пятилетним планом 1946-1950 гг. восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1950 г. В плане сказано, что доведение числа учащихся в 1950 г. до 31,8 мил. человек обеспечит всеобщее обязательное обучение детей с семилетнего возраста как в городе, так и в деревне. Между тем, уже в 1947/48 гг. число школьников значительно превысило эту цифру, достигнув 33,2 мил. человек. Очевидно, в 1945 г., тотчас по окончании войны, Государственная плановая Комиссия имела преувеличенное мнение о размерах гибели в годы войны детей и подростков.

Наиболее показательны поэтому цифры 1950 г., свидетельствующие о том, что война лишь незначи-

тельно изменила возрастной состав населения, и что сделанное нами приблизительное исчисление послевоенного населения Союза ССР за интересующий нас период времени претерпело приблизительно следующие изменения (на начало года, в миллионах человек)*):

1938	167,0
1940	196,7
1946	180,5
1950	197,2

По подсчетам Н. С. Тимашева, потери населения СССР в войну 1941-1945 гг. слагаются из следующих составных частей**):

в мил. человек в процентах

Исходное население 1941 г.	200,5	100
Военные потери	7,0	3,5
Потери гражданского населения	18,3	9,2
Эмиграционные потери	1,3	0,6
Дефицит рождений	10,9	5,5
Сумма потерь в 1941-1945 гг.	37,5	18,8

*) В статистических ежегодниках Объединенных наций принято следующие цифры населения СССР:

1946 г.	— 193	мил. человек
1948	— 197	— —
1949	— 200	— —

Demographic Yearbook 1948, p. 85; Statistical Yearbook 1949-50, p. 27; Statistical Yearbooks of Food and Agricultural Statistics, 1948, I, p. 207; 1949, I, p. 21; 1950, I, p. 13. Цифра 193 мил. чел. для 1946 г. была первоначально опубликована в «Правде», 22 января 1946 г.

Прирост населения в новых границах Союза ССР составил за четыре года, 1946-1949, 16,7 мил. человек, по 4,2 мил. человек в год, или более 22,2 человек на тысячу населения. Такой высокий прирост населения свидетельствует о нормальном отношении полов в массе взрослого населения Советской России*).

Для правильного понимания приведенных выше учетов населения СССР в 1940-1950 гг. нужно помнить, что они представляют собою сумму населения на трех территориях, совершенно различных по своему экономическому и демографическому характеру:

1) территории СССР в старых границах, не разоренной и не опустошенной германской оккупацией;

2) территории СССР в старых границах, оккупированной и разоренной германцами;

3) присоединенных к СССР территорий в 1939/40 и 1945 гг., также бывших оккупированными германцами.

От рабочих и служащих в народном хозяйстве требуется не только физический, но и умственный труд, — способность размышлять, знание, умение, хозяйственный расчет. Народный доход создается не только и не столько работой мускулов, сколько работой ума. Поэтому народное образование является одной из главных производительных сил народного хозяйства**). Чтобы повысить техническую подготов-

*) Он свидетельствует также о несоответствии действительности преувеличенных цифр о числе заключенных в лагерях принудительных работ (напр. 16 миллионов человек). Наше осуждение системы рабского труда в этих лагерях совершенно не зависит от числа заключенных в них людей; гнусна система, независимо от размеров ее применения.

**.) Народное образование в Советской России до последнего времени было бесплатным. По статье 121 конституции 1936 г. все граждане Союза имеют право на бесплатное обучение как в народной, так и в высшей школе. В 1940 г., однако, когда пра-

ку рабочих, IV-й пятилетний план проектировал к 1950 г. увеличить годовой выпуск молодых квалифицированных рабочих из школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ до 1.200 тыс. человек; подготовить в системе государственных трудовых резервов за пятилетний период 4.500 тыс. молодых квалифицированных рабочих; в порядке индивидуального, бригадного и курсового обучения обеспечить за пятилетие техническое обучение новых рабочих в количестве 7.700 тыс. человек и повышение квалификации 13.900 тыс. человек; установить за пятилетие выпуск оканчивающих техникумы и другие средние специальные учебные заведения в количестве 1.326 тыс. человек и оканчивающих высшие учебные заведения молодых специалистов в количестве 602 тыс. человек. Число учеников в народных и средних школах и учащихся в технических и высших учебных заведениях (в тысячах человек) было:

	народные школы:	техникумы и спец. средние школы:	высшие учащихся:	школы включая заочных
1914/5	7,900	35,8	112,0	—
1928/9	12,100	206,3	176,6	—
1932	21,400	723,7	504,4	—
1937	29,400	862,5	547,2	—

вительство издало указ о ежегодной мобилизации 800.000-1.000.000 юношей 14-17 лет для обучения в ремесленных, фабрично-заводских и железнодорожных училищах, доступ в средние и высшие школы был затруднен введением, в нарушение конституции, платы за обучение в старших классах средних школ, 150-200 руб. в год, и в высших учебных заведениях, 300-500 руб. в год. Только в 1947 г. текст статьи 121 конституции был изменен в соответствующем направлении и за гражданами Союза было закреплено право на бесплатное обучение только в народной 7-летней школе.

1940 *)	32,900	840	541	—
1945	26,900	938	496	—
1948	33,200	1.094	734	1032
1949	35,100	1.308	—	1128
1950	35,700	1.298	—	1247

Процент грамотных составлял:

	в возрасте 9-49 л.			в возр. 50 л. и старше		
	мужч.	женщ.	оба пола	мужч.	женщ.	оба пола
1897 г., 9 февраля	39,1	13,7	26,3	20,5	6,5	13,3
1926 г., 17 декабря	71,5	42,7	56,6	40,6	11,4	24,5
1939 г., 17 января	95,1	83,4	89,1	64,9	24,9	40,9

Как видим, ликвидация безграмотности сделала в Советской России большие успехи. Но, как свидетельствует «Правда» от 14 июня 1940 г., качество обучения грамоте было во многих случаях невысоким: «Все еще велик процент так называемых рецидивов неграмотности. Мимо этого проходить никак нельзя, — если человека сегодня обучили грамоте, а через некоторое время у него от «науки» ничего не осталось, то значит, его по-настоящему не учили, а по терминологии Народного комиссариата просвещения только «пропускали» через школу. Всеобщее обязательное начальное обучение было введено в СССР в 1930 г. Первоначально обязательное семилетнее обу-

*) По отчету Государственного планового Комитета «Об итогах выполнения четвертого пятилетнего плана СССР на 1946-1950 годы», напечатанному в «Правде» 17 апреля 1951 г. число учеников и студентов в 1940 г. равнялось:

В начальных школах	28.025.000 чел.
В техникумах и других средних специальных учебных заведениях	975.000 „
В высших учебных заведениях	812.000 „

чение было введено в городах и рабочих поселках, в сельских местностях было введено обязательное четырехлетнее обучение; постепенно семилетнее обучение охватывало и деревню. XVIII съезд коммунистической партии принял решение осуществить всеобщее среднее обучение (8-10 летнее) в городах и всеобщее 7-летнее обучение в деревне и во всех национальных республиках с дальнейшим расширением охвата детей десятилетним обучением. В настоящее время одной из важнейших задач является повсеместное осуществление всеобщего семилетнего обучения; ближайшая задача, стоящая перед органами народного образования, заключается в том, чтобы обеспечить последовательный перевод в пятые, шестые и седьмые классы всех учащихся, кончающих предыдущие классы. Другая их задача состоит в том, чтобы не оставлять вне школы ни одного ребенка, подлежащего обучению*).

Среднее и высшее образование в 1939 г. имели**):

	число лиц			в процентах		
	мужчин	женщин	оба пола	мужч.	женщ.	оба пола
до 29 лет	5.323.200	4.543.048	9.866.248	36,81	28,08	32,20
30-39 лет	1.576.160	1.062.082	2.638.242	13,15	7,96	10,41
40-49 лет	626.761	437.325	1.064.086	8,41	5,62	6,98
50 л. и старше	378.914	307.936	686.850	3,84	2,54	3,12
возраст не указан	1.951	1.243	3.194	—	—	—
Всего	7.906.986	6.351.634	14.258.620	9,76	7,18	8,41

Народное образование сделало в Союзе большие успехи, особенно в городах, хотя оно и страдает от недостатка педагогического персонала. Пройдя обязательную 7-летнюю школу или более высокую

*) Л. Дубровина, зам. министра просвещения РСФСР, Великое завоевание культурной революции, «Правда» 1951, 21 мая.

***) Правда, 1940, 29 апреля; Большая Советская Энциклопедия, Москва 1948, стр. 1234-1235.

10-летнюю, советский юноша и девушка приобретают большое количество положительных знаний, расширяющих их кругозор. «Советская школа нас вывела в люди», говорят они. Главными недостатками ее являются партийно-коммунистический характер учебников по общественным предметам, включение в программу народной школы таких предметов, как марксизм, ленинизм, история коммунистической партии и т. д., и утилитарно-технический характер всей программы преподавания. По свидетельству американца Джона Скотта, пять лет проработавшего в Магнитогорске (1932-1937), «десятилетняя средняя школа представляет собою нечто среднее между американской «хай скул» и французским бакалавриатом или английской матрикуляцией... Студенты, с гораздо большим энтузиазмом относящиеся к своим занятиям, чем большинство студентов в Америке, приобретают большое количество знаний и кончают свою десятилетнюю школу хорошо подготовленными для высшей школы, особенно в области естественных наук... Организационная и дисциплинарная стороны поставлены в школах по «прусскому» образцу. Ученик имеет очень мало свободы выбора, чему он будет учиться и когда. План Дальтона и другие экспериментальные, прогрессивные воспитательные схемы, которые применялись в первые годы после революции, были окончательно оставлены. Советская власть отказалась от них потому, что Советскому Союзу нужны инженеры, химики, счетоводы, учителя, и эти профессии требуют полного систематического знания в своей области. Различные воспитательные системы не могли дать ученику этого необходимого, полного знания, и стремились скорее развить его оригинальность, независимость, способность к критическому мышлению, — качества, создающие в Советском Союзе возможных политически опасных граждан, и являющиеся с точки зрения «диктатуры пролетариата» скорее

отрицательными, чем положительными качествами. Так советская воспитательная система вернулась к старому испытанному методу, дававшему нужных ей специалистов. Конечно, метод этот не мог окончательно искоренить в молодом поколении оригинальность, независимость и критическое мышление»*)).

Высшая школа также дает студентам много знаний; ее существенным недостатком является узко-партийный характер преподавания по общественным и историческим наукам. Так как Советская Россия принадлежит к числу стран низкой материальной культуры, ее научные работники занимаются разработкою главным образом практических проблем, задачей которых является удовлетворение материальных потребностей и имеющих, следовательно, технологический, а не чисто научный характер. Даже Академия Наук Союза ССР больше занимается изучением практических вопросов, чем исследованием законов, управляющих миром и обществом.

По словам «Правды», «за учебные столы садится целая армия молодых людей — цвет нашего народа. Через несколько лет они придут на производство, к руководству культурными учреждениями. От степени их деловой квалификации, от политического развития и общего кругозора будет в значительной мере зависеть успех дальнейшего развития всех отраслей нашего народного хозяйства и культуры. Советский специалист должен быть культурным человеком в самом широком смысле этого слова, иметь большой кругозор, знать историю, любить искусство, быть знакомым с лучшими произведениями русской и иностранной художественной литературы. Наши студенты проявляют огромную тягу к культуре. Дело партийных и общественных организаций пойти навстречу этим естественным запросам советского студенчества»**).

*) John Scott, *Behind the Urals*, 1943, pp. 169-170.

**.) Правда, 21 сент. 1945.

«Правда» остерегается только добавить, что молодежь, кончающая высшую школу, не получает того духовного и политического развития, которое столь необходимо для прогресса культуры и народного хозяйства. Юноша, начинающий самостоятельно политически мыслить и стремиться к политической свободе, наверное кончит свою жизнь в лагере принудительных работ. О свободе духовного и политического развития нельзя говорить в стране, в которой вся народная и высшая школа, литература, наука и печать, даже театр проникнуты коммунистическим догматизмом, а в политической жизни царит диктатура коммунистической партии и доведенная до совершенства организация политической охраны, отправляющая всех инакомыслящих работать и умирать в лагерях принудительных работ.

ГЛАВА III

ЛИКВИДАЦИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Малые наделы, полученные бывшими помещичьими крестьянами при освобождении от крепостной зависимости, и высокие выкупные платежи, на них наложенные, имели своим следствием в период между 1861 г. и революцией 1917 г. малую производительность их хозяйств, низкий уровень их жизни и ничтожную способность накопления хозяйственного имущества, а у значительной части крестьянских хозяйств — полное ее отсутствие. Такой характер хозяйств 20 миллионов бывших крепостных крестьян препятствовал прогрессивному развитию сельского хозяйства России. Оно продолжало в общем сохранять технику XVI века.

Мы знаем довольно много бюджетных исследований крестьянских хозяйств разных областей России, знакомящих нас с их экономической структурой. Первое бюджетное исследование было произведено в 1887-1896 гг.; остальные десять — в 1900-1915 гг. Главный вывод, из них получающийся, заключается в том, что крестьянские хозяйства перед революцией были трех типов:

1. Хозяйства, производившие недостаточно продуктов для потребления крестьянской семьи и нуждавшиеся в сторонних заработках для удовлетворения ее потребностей в сельскохозяйственных продуктах.

2. Хозяйства, производившие приблизительно достаточное количество сельскохозяйственных продуктов для нужд семьи; часть этих хозяйств носила чисто натуральный характер, т. е. все продукты, в хозяйстве производившиеся, шли на потребление крестьянской семьи, никаких сельскохозяйственных продуктов со стороны не покупавшей; другие хозяйства отчуждали часть произведенных ими продуктов (например лен), чтобы купить другие сельскохозяйственные продукты, нужные для потребления семьи.

3. Хозяйства, производившие в избытке сельскохозяйственные продукты, отчуждавшие их в большом количестве и покупавшие на вырученные деньги, за уплатою податей, продукты промышленности. Чтобы кормиться и одеваться, промышленное и городское население нуждается в земледельческих и скотоводческих хозяйствах этого типа. Чем больше количество продуктов отчуждают эти хозяйства, тем большее развитие может получить базирующаяся на них промышленность. Промышленность без количественно соответствующей ей сельскохозяйственной базы в своей стране или за границею существовать не может.

Когда жители Западной Европы или Соединенных Штатов С. А. говорят о крестьянском хозяйстве, они имеют ввиду этот третий тип крестьянского хозяйства. В дореволюционной России к этому типу принадлежало лишь меньшинство крестьянского населения, главным образом бывших государственных крестьян, причем количество сельскохозяйственных продуктов, отчуждавшееся в среднем каждым из этих хозяйств, было незначительным. К сожалению, мы не имеем статистических данных о количестве крестьянских хозяйств каждого из этих трех типов. Мы знаем лишь, что большинство крестьянских хозяйств в нечерноземной полосе принадлежало к первому типу, покрывая недостаток дохода от собственного сельского хозяй-

ства кустарными промыслами и промышленным отходом на заработки в города; целые районы этой полосы представляли собою «бабью сторону», так как все мужики из них были в отходе. Южнее Оки расположенная в лесостепной зоне полоса черноземного трехполья пополняла недостатки доходов крестьянских хозяйств арендою частновладельческих земель и земледельческим отходом в южные степи. Только в черноземных степях если не господствовали, то были многочисленны хозяйства третьего типа, работающие на рынок.

Развитие денежных элементов в крестьянском хозяйстве пореформенной России было прежде всего вызвано ростом сети железных дорог, этих «гвоздей, вбиваемых в гроб натурального хозяйства». Рынок, с помощью своих щупальцев, торговцев и скупщиков продуктов крестьянского хозяйства, энергично толкал крестьянское хозяйство в этом направлении. Но не все хозяйства поддавались этому давлению. Повидимому, первые десятилетия после реформы 1861 г. крестьянское хозяйство переживало период застоя. Русский крестьянин вышел на волю не только материально нищим, но и духовно бессильным. Люди с подобной экономической психикой, правосознанием и мирозерцанием не были способны принять активное участие в строительстве новых форм хозяйства и общества. Им нужно было, прежде всего, духовно переродиться. При крепостном праве хозяйство крестьянина производило продукты, нужные для пропитания и жизни крестьянской семьи; оно было чисто натуральным, потребительским, и при том малых размеров хозяйством. Жизнь первого поколения крестьян после отмены крепостного права ушла на мало-заметную молекулярную работу преобразования этого потребительского хозяйства в производительное, на накопление необходимых средств производства, на расширение посевов. Соответственной переработ-

ке подверглась и духовная жизнь крестьянина. Нужно было насадить школы, научить крестьянскую молодежь грамоте, дать ей книжку. И лишь с середины 1880 гг., под прямым влиянием, с одной стороны, железных дорог и запросов рынка, с другой — нового поколения, ставшего во главе хозяйства, не испытывавшего на себе расслабляющего и притупляющего влияния крепостного права, — в крестьянском хозяйстве усиленно начинают развиваться травосеяние, посевы льна, картофеля и свеклы, молочное хозяйство и т. д. Если в первое время рынок только отбирал у крестьянина продукты его хозяйства, понижая потребление им хлеба, молока, льна и шерсти на одежду, и не давая ему ничего взамен, так как выручаемые за продукты деньги шли у крестьянина главным образом на уплату податей и выкупных платежей, — то к концу XIX века, под влиянием запросов рынка, начало замечаться развитие производительных сил крестьянского хозяйства, в строении которого появились глубокие перемены: развитие денежных отраслей, приспособленных к требованиям рынка, повышалось доход крестьянина от его хозяйства и вместе с тем создавало прочную основу для развития в стране обрабатывающей промышленности, железных дорог и городской жизни. Весь этот процесс, который связан с деятельностью земской агрономической организации и работой сельскохозяйственной кооперации, происходил в денежной части крестьянского хозяйства; натуральная его часть, напротив, не обнаруживала никаких признаков развития и ее техника носила чисто традиционный характер.

По данным бюджетных исследований, наибольшее действие на величину дохода крестьянского хозяйства оказывало количество хозяйственного имущества, накопленного крестьянским двором материальных ценностей, живого и мертвого инвентаря. Но накопление средств производства в крестьянских хо-

зяйствах шло чрезвычайно медленно, и тем медленнее, чем беднее было хозяйство. Лишь в хозяйствах третьего типа, работавших на рынок, оно имело некоторый народнохозяйственный вес и значение. За отсутствием накопления, масса средних крестьянских хозяйств находилась в состоянии застоя; накопление имущества и технический прогресс, а следовательно и рост производительности крестьянского труда, наблюдался только в незначительном слое, — вероятно 10-15%, — зажиточных крестьянских хозяйств главным образом на черноземе, в зоне степей, а в нечерноземной полосе только в районе льноводства и в соседстве больших городов. Слой хозяйств ниже среднего уровня, прикупавших сельскохозяйственные продукты, был гораздо значительнее зажиточного слоя. Крестьянские семьи, принадлежащие к этому слою, не способны к самостоятельному существованию; они предполагают производство продуктов питания в других, более мощных крестьянских хозяйствах, которые должны кормить и промышленных рабочих и горожан, и эти мелкие крестьянские хозяйства не обладали достаточным количеством земли и средств производства для получения необходимого количества сельскохозяйственных продуктов для продовольствия своей семьи. Кроме того, в 1909-1913 гг., в среднем в год, из России вывозилось за границу около 14 мил. тонн сельскохозяйственных продуктов, главным образом зерновых хлебов.

Крестьянское хозяйство, дававшее девять десятых сельскохозяйственной продукции России, развивалось крайне медленно, и наряду с прогрессивными явлениями в нем начали обнаруживаться признаки массового упадка. Уже «Комиссия для исследования сельского хозяйства и сельской производительности в России» 1872-1873 гг., председателем которой был граф Валуев, должна была констатировать тяжелое положение крестьянского хозяйства через 10 лет по-

сле освобождения от крепостной зависимости. Первые же подворные переписи крестьянских хозяйств, произведенные земской статистикой в 1880-х гг., установили крайне низкий уровень их производительности, совершенно недостаточный для сытого существования большинства крестьянского населения. В конце 1880-х гг. обнаружилось оскудение центральных черноземных губерний, в которых особенно велики были отрезки при наделении крестьян землей в 1861 г. Затем последовал неурожай 1891 г. и голод 1891-1892 г. на всем юго-востоке Европейской России, обнаруживший крайнюю бедность крестьян и на черноземных степях. Реформы С. Ю. Витте, — в конце XIX и начале XX века, — дали лишь ограниченные положительные результаты. Они не могли предупредить аграрного кризиса, наступившего в 1905-1906 гг. и выразившегося в восстании многих миллионов крестьян. В полосе черноземного трехполья крестьянское восстание приняло форму систематического выжигания помещичьих усадеб и раздела помещичьих земель между крестьянами. Оно было подавлено военной силой.

Мировая война 1914-1918 гг. оказала сравнительно незначительное влияние на производительность сельского крестьянского хозяйства. Наибольшее значение имели недостаток рабочих рук, созданный колоссальными мобилизациями, запрещение продажи водки, рост цен на продукты сельского хозяйства и большое количество денег в деревне, на которые ничего нельзя было купить из-за отсутствия на рынке промышленных товаров. Хотя аграрная перенаселенность страны и была велика, но мобилизации лишили многие крестьянские хозяйства работников. Показателем состояния сельского хозяйства в годы мировой войны могут служить величина посевов и валовая производительность сельского хозяйства страны. Посевная площадь в мил. гектаров

по данным Центр. Статистического Управления*) и валовой доход от сельского хозяйства в миллиардах довоенных рублей по исчислению Государственной плановой комиссии**) равнялись:

	посевные площади		валовая производительность	
	мил. гектаров в индексах		в миллиардах довоен. руб. в индексах	
1913	109,6	100	10,51	100
1914	111,8	102,0	10,36	98,6
1915	107,3	97,9	10,70	101,8
1916	100,2	91,4	10,40	99,0
1917	100,7***)	91,9 ***)	9,72	92,5

Надобно считать, что за годы мировой войны производительность сельского хозяйства упала на 8,0%. Гораздо больше упало производство сельских продуктов на рынок, товарность сельского хозяйства.

Временное правительство, установленное февральской революцией, в течение своего 8-месячного существования не могло принять никаких мер для разрешения аграрного вопроса. Оно считало, что нельзя браться за перераспределение национального земельного фонда во время войны, когда около 10 миллионов человек оторвано от своих хозяйств делом национальной обороны; что организация сельского хозяйства должна служить не только интересам крестьян, но и интересам промышленных рабочих и горожан, нуждающихся в получении достаточного количества продовольственных продуктов для своего

*) Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-1924 г., Москва 1926, I, стр. 119.

**) По подсчету, произведенному в статистическом бюро госуд. плановой комиссии и опубликованному Б. Гухманом в «Экономическом Обзрении» 1929, IX, стр. 114.

***) Цифры приблизительные.

пропитания; и что имеющая такое исключительное национальное значение проблема лежит вне компетенции Временного Правительства и может быть разрешена только Учредительным Собранием.

Советская власть после переворота 25 окт. 1917 г. имела серьезные основания торопиться с ликвидацией частного землевладения и передачей земли крестьянам, чтобы привлечь их на свою сторону. Для нее решающее значение имели политические, а не народнохозяйственные соображения. Уже в ночь на 26 октября был издан декрет о земле, ликвидировавший помещичье землевладение. Так революция 1917 г. доделала то, что не было сделано в 1861 г. Декрет о земле имел следующее содержание:

1. Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2. Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадьбами постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до Учредительного Собрания.

3. Какая бы то ни была порча конфискованного имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы Крестьянских Депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискованного имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4. Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным Собранием, должен повсюду служить крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, номер 88, 19 августа 1917 г.).

5. Земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется.

Но 26 октября волостные крестьянские комитеты существовали в сравнительно небольшом числе волостей, уездных комитетов не было вовсе. Не существовало тех учреждений, которые должны были «немедленно» ликвидировать помещичью собственность, произвести конфискацию имений, составить точную опись конфискованного имущества и взять на себя его охрану. Кроме того, декрет признавал, что право осуществления земельных преобразований принадлежит Учредительному Собранию, а не Съезду Советов Рабочих и Солдатских депутатов, издавшему декрет о земле. Таким образом, из всего декрета практическое значение имели лишь постановление об экспроприации всех частновладельческих земель в пользу крестьян и п. 4-й, предлагавший принять к руководству «примерный наказ», составленный одним из членов редакции «Известий Всерос. Совета крестьянских депутатов» на основе 242 местных крестьянских наказов, привезенных крестьянскими депутатами на первый Всероссийский съезд крестьянских Депутатов в Петербурге 11-26 мая 1917 г. По этому сводному наказу, самое справедливое разрешение земельного вопроса состоит в том, что право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля, не только помещичья, но и государ-

ственная, общественная, крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние, и переходит в пользование всех трудящихся на ней. Весь хозяйственный инвентарь всех конфискованных земель, живой и мертвый, без выкупа переходит в пользование государства или общины; не подвергается конфискации лишь инвентарь малоземельных крестьян. Право пользования землей получают все граждане, желающие обрабатывать ее своим трудом; наемный труд в сельском хозяйстве не допускается; земледельцы, утратившие вследствие старости способность к труду, получают от государства пенсионное обеспечение. Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме. Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то его избыток подлежит переселению. Земельный фонд подвергается периодически переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства. При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно оставаться неприкосновенным. Формы пользования землею должны быть совершенно свободны, — подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках. Земельные участки с высококультурными хозяйствами не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются государству или общинам.

Коммунисты с Лениным во главе хорошо понимали, что превращенный ими в декрет сводный наказ крестьянских депутатов осуществляет земельную программу их политических врагов, партии социалистов-революционеров. Сюда относятся прежде всего пункты об уравнительном землепользовании и переделах земли между мелкими хозяевами. Коммунисты приня-

ли эти требования, чтобы обеспечить себе поддержку левых социалистов-революционеров и крестьян. Ленин это впоследствии признавал много раз. В своей речи на Съезде Советов 26 окт. 1917 г., при обсуждении декрета о земле, он сказал буквально следующее: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны». Месяц спустя он признал, что закон о земле представляет собою «отступление от программы социал-демократов, ибо наказания соответствуют духу программы социалистов-революционеров». «Мы знаем, что это, может быть, и ошибка, что мы вашу социализацию земли поставили в наш закон 26 октября. Это была уступка левым социалистам-революционерам, которые отказались от (участия в) власти и сказали, что останутся только тогда, если будет проведен этот закон». «В октябре 1917 года мы шли вместе со всем крестьянством. В этом смысле наша революция тогда была буржуазной. Первый шаг нашего пролетарского правительства заключался в том, что старые требования всего крестьянства, выраженные еще при Керенском крестьянскими советами и сходами, были признаны в законе, изданном нашим правительством 26 октября (старого стиля) 1917 года, на другой день после революции. В этом заключалась наша сила, поэтому то нам было так легко завоевать симпатии подавляющего большинства». «Мы сумели в этих исключительных условиях опереться на несколько месяцев на все крестьянство в целом. Это исторический факт. Не менее чем до лета 1918 года, до основания комитетов бедноты, мы держались, как власть, потому, что опирались на все крестьянство в целом». После опубликования закона о земле «социалисты-революционеры кипятились, возмущались, не-

годовали, вопили, что «большевики украли их программу», но над социалистами-революционерами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы».*).

Все эти цитаты из речей и статей Ленина с полной непреклонностью свидетельствуют о том, что закон о земле был издан коммунистами, составлявшими большинство на Съезде, исключительно по партийно-политическим соображениям. Ни Ленин, ни другие коммунисты не думали, что на путях уравнительного землепользования и переделов может быть разрешен земельный вопрос в его народно-хозяйственном объеме и содержании.

Ликвидация помещичьего землевладения после октябрьского переворота пошла совсем не тем организованным путем, который предписывался законом о земле. Она прошла в порядке стихийного аграрного движения, разжигаемого прямыми материальными интересами. Ликвидация старых земельных отношений была общекрестьянским делом, объединившим малоземельного бедняка с зажиточным крестьянином. Много помещичьих усадеб, в которых отцы и деды современного поколения крестьян отбывали барщину, было сожжено, скот, сельскохозяйственные орудия, убранный урожай и даже личное имущество землевладельцев были расхищены. В этом первом этапе аграрной революции деятельное участие принимали зажиточные крестьяне: при разборе частновладельческих усадеб средний крестьянин ехал за помещичьим добром на одной подводе, бедняк шел пешком, а зажиточный крестьянин запрягал 2-3 подводы. Об «охране» и «точной описи» помещичьего имущества, пред-

*) Собрание сочинений, издание 2-ое, т. XV, стр. 19, 38/9, 352; т. XVI, стр. 51, 133/4, 450.

писываемых законом о земле 26.X.1917, не могло быть и речи.

Помещичья земля не могла быть поделена сразу после того, как было разобрано по рукам движимое имущество. Ее крестьяне делили в течение нескольких лет. После разгона Учредительного Собрания 7 января 1918 г., окончательное регулирование земельного вопроса было произведено в «Основном законе о земле», изданном 19 февр. 1918 г. По этому закону отменяется навсегда всякая собственность на землю, недра, леса и живые силы природы, — не только крупная, но и трудовая. Право пользоваться землею принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее личным трудом. Земля распределяется между трудящимися на уравнильно-трудовых началах (согласно инструкции по применению положения о социалистическом землеустройстве от 11 марта 1919 г., наделение землей производится по числу душ-едоков, которые принимаются за разверсточную единицу). В марте 1918 г., после заключения Брестского мира и ухода из состава правительства партии левых социалистов-революционеров, коммунисты повели чисто классовую политику в деревне, выразившуюся в союзе советской власти с сельским пролетариатом и беднейшим крестьянством, организации комитетов бедноты, объявлении крестового похода на зажиточных крестьян за хлебом и введении продовольственной разверстки. Среди сельского пролетариата и деревенской бедноты идея уравнильного раздела всей земли была очень популярна. Ее поддерживала и советская власть, видя в ней оружие против зажиточных крестьян. Ленин прямо говорил: «мы не для того отняли землю у помещиков, чтобы она досталась богатым и кулакам, а бедноте». «В октябре 1917 года мы брали власть вместе с крестьянством в целом. Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась... Только летом 1918 года началась настоящая пролетар-

ская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять эту революцию, работа наша была бы негодна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты — не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне»*).

В первые месяцы существования советской власти в ее распоряжении не было никакого административного аппарата для проведения своих декретов. Благодаря этому, предписываемая декретом 19 февраля 1918 г. социализация земли, как свидетельствует Б. Н. Книпович, «не была проведена в общегосударственном масштабе; представлявшееся в свое время социалистам-революционерам обращение всей России как бы в единую передельную общину, со сложной задачей уравнивания земли по всей России, не могло быть выполнено. Практически земля осваивалась местным населением; случаи переселения из малоземельных губерний в многоземельные были единичны. Уравнение внутри селений производилось неукоснительно; межволостное уравнение норм производилось уже реже, междуездное — еще реже, о межгубернском не приходится и говорить»**).

Как рассказывает П. Н. Першин, «в некоторых уездах волостные нормы (точнее их было бы назвать «получки») разнятся в два и даже три раза между собой, — в зависимости от величины близлежащих и ликвидированных имений и численности населения в волости... Неравномерность распределения земель внутри уездов не ограничивается межволостными

*) Собрание сочинений, т. XV, стр. 80; т. XVI, стр. 143.

***) Сборник «О земле», вып. 1, стр. 24-25.

отклонениями. Отступления, или точнее — игнорирование общей нормы и установление своей — самостоятельной и независимой, спускается еще ниже — до первоначальной коллективной единицы землепользования — отдельного селения — внутри волости». Общий вывод Першина состоит в том, что «распределение земли, совершившееся в 1918 году, в общем не представляет собою государственно-организованной земельной реформы. Оно скорее всего и больше всего является местным земельным «самоопределением» земледельческого населения в замкнутых пределах уездных, а зачастую и волостных территорий. Оно целиком проникнуто основной социально-политической идеей аграрной революции: разделить поровну те земельно-хозяйственные блага, которые остались «свободными» или «принадлежащими всему народу» после отмены собственности на землю*).

И лишь в немногих местах были разделены на уравнительных началах и надельные земли. Черный передел, при котором вся земля поступает в общий котел и делится поровну между всем населением, производился сравнительно редко. Как указывалось на Всероссийском съезде землеустроителей и мелиораторов в феврале 1922 г., такой передел был произведен лишь «в некоторых районах Орловской и Тульской губ., в остальных же местах почти нигде, за исключением отдельных волостей, черные переделы произведены не были, так что можно смело сказать, что 99% земли республики и до сих пор еще фактически делятся на эти две категории — барскую и не барскую**).

*) Сельское и лесное хозяйство, 1922, кн. III-IV, стр. 59-60; кн. V-VI, стр. 95.

**.) Новое землеустройство по материалам всероссийского съезда землеустроителей и мелиораторов, 1922, стр. 29.

На Украине черный передел был осуществлен в некоторых местностях Киевской и Подольской губ.*)

Губернские и уездные органы земельного управления в большинстве случаев запрещали черные переделы.

Чаще делились купленные зажиточными крестьянами земли, а также отруба и хутора. В первые же месяцы после октябрьского переворота, крестьянское движение направилось наряду с разделом частно-владельческих земель также и против купленных крестьянами земель, и выделенных на хутора и отруба. По данным анкеты, произведенной в 1922 г. Центр. Статист. Управлением, в раздел пошло четыре пятых купчих земель и половина хуторских и отрубных**).

Прежде всего крестьяне предъявили претензии на соседние с ними участки бывших частно-владельческих земель, купленные мелкими поселенцами с помощью Крестьянского Банка. Там, где земли эти до покупки их Банком арендовались крестьянами, их требования принимали зачастую острую форму вплоть до выселения отрубников и хуторян и разгрома их усадеб. Затем общинное крестьянство начало делать попытки ликвидировать прежние частичные выделы домохозяев из общины на отдельные участки, особенно, когда выделившиеся дворы воспользовались при выделении особыми выгодами и преимуществами в отношении размера или расположения выделенных участков. Сильно разлилось это движение против хуторов и отрубов в поволжских, центрально-земледельческих и некоторых южных губерниях. Напротив, в других губерниях, главным образом северных, подмосковных и западных, где участковое хозяйство успело перейти к многопольному севообороту, ввести травосеяние и улучшить уход за скотом, было при-

*) В. Качинский, Очерки аграрной революции на Украине, вып. I, Харьков 1922, стр. 84, 86, 87.

**.) Вестник статистики, 1923, I-III, стр. 151.

знано необходимым сохранить эти хозяйства и предупредить или пресечь попытки их ликвидации. Когда деревня несколько успокоилась, в 1920 г. во многих губерниях движение крестьянства к участковому землепользованию поднялось с новой силой*).

В результате этого первого этапа аграрной революции, помещичье землевладение было ликвидировано, а крестьяне получили в свое владение значительный земельный фонд. По сведениям Центрального Управления Землеустройства, на 1 ноября 1920 г. по 36 бывшим губерниям Европейской России крестьяне, раньше владевшие 94,7 мил. десятин, получили прирезку в 21,4 мил. десятин, так что их землевладение увеличилось на 22,6%**). По данным анкеты, произведенной Центральным Статистическим Управлением в 1922 г., экспроприация земель частных владельцев и зажиточных крестьян (купчей и хуторской) увеличила крестьянское землевладение в следующих размерах***):

Северные губ.	8,3%	Средневолжские	50,0%
Приозерные	12,3	Нижневолжские	16,3
Центр. промышл.	15,0	Приуральские	7,3
Центр. землед.	27,5		<hr/>
			23,7%

Однако, не все это количество земли поступило в распоряжение именно тех крестьян, которые занимались земледелием до осени 1917 г. После октябрьской революции, под влиянием разложения крупной промышленности, продовольственного и топливного кризиса, началось массовое бегство из крупных городов. Судя по данным переписей 1917-1920 гг., массо-

*) П. Першин, Участковое землепользование в России, 1922, стр. 35-39.

***) Сборник «О земле», вып. I, 1921, стр. 8-9.

***) Вестник статистики, 1923, I-III, стр. 138.

вый отлив населения из городов в деревню составлял не менее 8 мил. человек*). Все эти фабричные, ремесленники, прислуга и т. д., вернувшись в свои родные деревни, предъявили требование на нарезку земли и получили ее. Этим дележом была значительно сокращена та прирезка, которую получили исконные крестьяне-землевладельцы. На душу крестьянского населения эта прирезка составила, по данным Б. Н. Книповича**):

менее 0,1 дес. — в губ. Московской, Новгородской, Вятской.

от 0,1 — 0,25 — Вологодской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Курской, Могилевской.

0,25 — 0,50 — Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской, Орловской, Воронежской, Пензенской, Симбирской.

0,50 — 1,00 — Петербургской, Саратовской.

более 1,00 — Архангельской.

Такой результат аграрной революции, к которой так горячо стремилась русская интеллигенция, был для крестьян полной неожиданностью. Итоги раздела помещичьих земель, по словам Б. Н. Книповича, «были значительно меньше, чем ожидали многие. Громадное количество земель, разделенное между многомиллионной массой крестьянства, дало ничтожные результаты. Специальная анкета Центрального отдела землеустройства позволила установить, что увеличение площади на едока выразится в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу. В громадном большинстве губерний увеличение это не превышало полудесятины***). Коммунист П. Месяцев

*) За пять лет, сборник статей, 1922, стр. 295.

***) О земле, вып. I, 1921, стр. 29, 31. Десятина равна 1,09 гектаров.

***) Б. Книпович, Очерк деятельности народного комиссариата земледелия за три года (1917-1920), Москва 1920, стр. 9.

также признает, что произведенная прирезка земли «в большинстве случаев дает ничтожные размеры для отдельных хозяйств. Главные же последствия земельной реформы заключались в уничтожении в деревне остатков крепостнически-феодалных отношений»*)).

С властью дворянства покончила уже февральская революция, уничтожение пережитков крепостничества является одним из основных требований буржуазной демократии. При освобождении крестьян от крепостной зависимости, за помещичьим дворянством было сохранено много экономических прав и привилегий и господствующая роль в местной администрации и самоуправлении; не было ослаблено и политическое влияние дворянства. Именно эта незаконченность освобождения крестьян от крепости помещикам-дворянам и феодальных пережитков прошлого питала русское революционное движение и давала ему огромную силу. Революция 1917 г. должна была эту власть дворянства уничтожить. Но октябрьская революция в ее декрете о земле преследовала цели, далеко выходящие за эти рамки полного освобождения крестьян от власти дворян. Ведя агитацию против Временного Правительства, коммунисты и левые социалисты-революционеры обещали крестьянам не только ликвидацию помещичьего землевладения, но и полное уничтожение их малоземелья. Эти щедрые обещания не были и не могли быть выполнены: октябрьский переворот не уничтожил крестьянского малоземелья.

*) О земле, вып. I, стр. 9.

ГЛАВА IV

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Общее представление о развитии сельского хозяйства Союза ССР дает нам следующая таблица площади посевов, крупного рогатого скота и размеров валовой продукции сельского хозяйства по официальным данным (в миллионах гектаров, центнеров, голов и миллиардах рублей по ценам 1926/27 года)*):

	площадь посева	сбор зерновых хлебов	рогатый скот	валовая продукция сельского хозяйства
1913	105,0	801,0	60,6**)	12,6
1922	77,7	562,7	45,8	10,6
1928	113,0	733,2	66,4	15,1
1932	134,4	698,7	40,7	13,1
1937	135,3	1.202,9	57,0	19,8
1942, план	147,4	1.300	79,8	30,5
1940,	151,1	1.190	54,5	23,2
1945	104,3	670	47,0	15,8***)
1950	147,4	1.246	57,2	147,4

*) Не следует забывать, что как в этой таблице, так и в последующих, данные за 1913-1937 гг. и 1942 г. относятся к Союзу ССР в старых границах; а данные 1940, 1945 и 1950 гг. к Союзу ССР в новых границах.

***) За 1916 г.

***) Цифра приблизительная, определенная по величине падения сбора зерновых хлебов и уменьшению количества рогатого скота в 1940-1945 гг.

За двадцать лет после революции, за первый и второй пятилетние планы, по сравнению с состоянием сельского хозяйства в 1913 г., посевная площадь в Союзе ССР увеличилась только на 29%, количество скота в стране даже уменьшилось, сбор зерновых хлебов в 1937 г. увеличился только благодаря тому, что в этом году был превосходный урожай, — в 1938 г. он был меньше на 21%, в 1936 г. на 31%; валовая продукция сельского хозяйства выросла за эти годы только на 60%. Этот результат управления в течение 20 лет сельским хозяйством Союза ССР нельзя назвать блестящим. Развитию земледелия в Союзе сильно мешает его климат, — холод на севере, недостаток осадков в Центральной Азии и южных степях. Земледелие может с успехом развиваться только в следующих растительных зонах (в тыс. квадр. километров):

широколиственных лесов	1.073
лесостепи	1.882
степи	1.414
	<hr/>
всего	4.370

Все почти земледелие и население Союза ССР сосредоточено в этих трех плодородных зонах. Советские научные институты и агрономические станции много и с успехом работают над продвижением земледелия в северную тайгу и южные пустыни. В южной части тайги земледелие возможно, и она постепенно заселяется переселенцами; но широкие перспективы перед северным земледелием открываются только селекцией морозоустойчивых сортов хлебных злаков и плодовых деревьев. Скрещивание груши с рябиною дало морозоустойчивый сорт груши; русскими селекционерами выведены морозоустойчивые сорта яблок, вишен, персиков и абрикосов, арбузов. В зоне

тундры, в которой растительный период тянется только 6-8 недель, во вновь созданных промышленных центрах, добывающих ценные ископаемые, для предупреждения заболевания людей цынгой, в больших размерах ведется выращивание овощей на покрытых стеклом, отапливаемых и освещаемых электричеством грядках. В Норильске например, на 70-м градусе северной широты, зима тянется 9 месяцев в году, более двух месяцев — полярная ночь. Но жители Норильска в течение круглого года пользуются свежими овощами из советского хозяйства, имеющего более 200 гектаров под застекленными теплицами и парниками, освещаемыми и обогреваемыми электричеством. В них выращивается картофель, дающий 10 тонн с гектара, капуста, дающая 24 тонны, турнепс, приносящий 9 тонн, огурцы, помидоры и прочие овощи. Стадо советского хозяйства насчитывает 2.000 голов, из них 900 голов крупного рогатого скота; оно состоит почти целиком из молодняка, выращенного в Заполярье*). Такие же застекленные огороды существуют во всех других арктических поселениях, Игарке, Диксоне, Воркуте, Хибинах. В южных пустынях площадь под сельскохозяйственными культурами увеличивается, главным образом, путем проведения оросительных каналов. В северной части зоны пустынь, в песках Урала-Эмбы, аральских Кара-Кумах, Больших и Малых Барсуках, песках около Балхашского озера, работники местных агрономических станций установили, что необходимая для растений влага отсутствует только в верхнем слое почвы. Выкапывая рвы в полтора метра глубиной, население получает возможность выращивать в них овощи, смородину, виноград, яблоки**). В районах, страдающих от засухи, в настоящее время вводится система обработки почвы, со-

*) Известия, 1947, 13 марта.

***) Известия, 1941, 25 марта.

храняющая в ней влагу; зимой принимаются специальные меры для задержания снега на полях.

Работа агрономов по рационализации земледелия привела к значительному изменению в размерах площади посева под различными культурами (в мил. десятин):

	зерновой хлеб	технич. культуры	овощи и бахчи	кормовые	всего посева
1913	94,4	4,5	3,8	2,1	105,0
1922	66,2	4,0	6,0	1,5*)	77,7
1928	92,2	8,6	7,7	3,9	113,0
1932	99,7	14,9	9,2	10,6	134,4
1937	104,4	11,2	9,0	10,6	135,3
1942, план	102,0	11,5	10,3	23,6	147,4
1940	110,9	11,8	10,1	18,1	151,1
1945	85,5	—	—	—	104,3
1950, план	105,8	11,8	12,5	28,3	158,4

В «Плановом Хозяйстве» о распределении посевных площадей сообщены следующие данные (в процентах**):

	зерновые культ.	технич. культ.	овощи и бахчи	кормов. культ.	всего
1913	90,1%	4,3%	3,6%	2,0	100
1934	79,7	8,2	6,7	5,4	100
1940	73,5	7,8	6,7	12,0	100
1950	70,3	8,4	7,1	14,2	100

Там же сказано, что посевные площади 1950 г. более площадей 1940-1945 гг. на следующее число процентов:

*) За 1924 г.

***) Плановое хозяйство, 1951, тетрадь III, стр. 37; Правда, 17 апреля 1951 г.; Вопросы экономики, 1951, тетрадь V.

Площадь зерновых больше площади 1945 г. более чем на 20%;
 „ технических „ „ „ на 59%;
 „ под овощами и бахчами более 1940 г. на 5%
 „ кормовых „ „ на 15%

Принимая за исходные величины для 1940 г. всю посевную площадь 151,1 мил. гектаров, и для 1950 г. сумму прироста под овощами и кормовыми культурами, мы получим следующую площадь посева:

	зерновые	техниче- ские	овощи и бахчи	кормовые	Всего
1940	111,1	11,8	10,1	18,1	151,1
1945	85,5	7,8	3,7*)	7,3*)	104,3
1950	103,6	12,4	10,5	20,9	147,4

Как показывают эти таблицы, площадь под зерновыми хлебами росла чрезвычайно медленно, в крайнем несоответствии с быстрым ростом городского населения; с 90,1% от всей посевной площади в 1913 г., в 1937 г. она сократилась до 77,2%, в 1950 г. она занимает только 70,3%. В результате, вывоз из Советской России зерновых хлебов сильно сократился, и Россия перестала играть роль житницы Европы.

О развитии животноводства в Советской России нам дает представление следующая таблица (в миллионах голов**); в 1916-1937 гг. и 1942 г. на июнь месяц, следующие годы на 1-е января**):

*) Цифры приблизительные.

***) На 1 января 1941 г. количество скота в СССР по данным Н. М. Ясного, след. образом распределялось между старой

	лошади	рогатый скот	овцы и козы	свиньи
1916	35,8	60,6	121,2	20,9
1922	24,1	45,8	91,1	12,1
1928	33,5	70,5	146,7	26,0
1932	19,6	40,7	52,1	11,6
1937	16,7	57,0	81,3	22,8
1942, план	22,5	79,8	170,7	45,6
1940**)	20,5	54,5	91,6	27,5
1945	10,5	47,0	69,4	10,4
1950, исп.	13,7	57,2	99,0	24,1

Советское животноводство пережило три периода упадка: годы коммунистической политики и гражданской войны 1918-1920 гг. и голода 1921-1922 гг., годы принудительной коллективизации 1929-1933 гг. и войну 1941-1945 гг., сопровождавшуюся оккупацией значительной части территории России. Мера его упадка и подъема была следующая (в процентах):

	убыль за 1916-1922	прирост за 1922-1928	убыль за 1928-1933	прирост за 1933-1940	убыль за 1941-1945	прирост за 1945-1950
Лошади	—32,5	38,9	—50,6	6,0	—48,8	30,5
Рогатый скот	—24,4	45,0	—38,7	24,0	—16,1	21,7
Овцы и козы	—24,9	61,1	—65,8	70,3	—25,4	42,7
Свиньи	—37,8	115,5	—53,6	84,3	—62,9	131,7

территорией и присоединенными областями (в мил. гол.):

	лошади	рогатый скот	овцы, козы	свиньи
СССР в старых границах	17,6	47,5	85,5	22,3
присоединен. области	3,7	7,5	6,3	5,7
СССР в новых границах	21,3	55,1	91,8	28,2

Naum Jasny. The Socialized Agriculture of the USSR, Plans and Performance, Stanford University Press, 1949, pp. 350, 621, 797.

Принудительная коллективизация нанесла русскому животноводству более тяжкий ущерб, чем гражданская война и неурожай 1921 г.*); война 1941-1945 гг. и оккупация германцами западных и южных областей — почти такой же, как принудительная коллективизация (по лошадям и свиньям). В плане на 1950 г., в новых границах Союза ССР, запроектированы меньшие размеры национальных стад, чем в плане на 1942 г. в старых границах. Коневодство в Союзе, несмотря на увеличение его территории, сократилось более чем наполовину; количество рогатого скота едва достигнет в 1950 г. размеров 1916 г. Если в четвертом пятилетнем плане проектируется повышение удоя на корову на 67%, то эта совершенно фантастическая в нормальных условиях цифра оправдывается, быть может, низким удоем в 1945 г. вследствие работы на коровах в качестве тяглой силы. Проектируемое в плане увеличение настрига шерсти с овцы на 30% мы также считаем чрезмерным.

При росте посевной площади за 1913-1950 гг. приблизительно на 50% и неизменности количества скота в сельском хозяйстве рост валовой продукции сельского хозяйства с 12,6 миллиардов рублей до 29,5 миллиардов рублей (по неизменным ценам 1926-1927 г.), в 2½ раза, может вызвать сомнения. Рост этот объясняется главным образом изменением состава полевых культур. По статистическим данным 1937 г., валовая продукция с гектара посева в колхозах равнялась:

*) Даже количество верблюдов, играющих такую большую роль в хозяйстве Туркестана и Казахстана, упало с 1.789.700 голов в 1927 г. до 337,700 голов в 1933 г., т. е. на 81,1%. Общее поголовье птицы с 214 мил. штук в 1928 г. уменьшилось до 110 мил. в 1933 г. т. е. на 48%. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства, 1935, VII, стр. XXVIII. В 1935 г. верблюдов было 277,3 тыс. голов.

зерновых хлебов	60,4 руб.
технических растений	153,1
овощей	712,7
кормовых растений	169,1

Мы показали выше, как после революции увеличились посевы более доходных овощей, технических и кормовых растений; площадь под мало доходными зерновыми хлебами сократилась за эти годы с 90% всей посевной площади до 67%. Значение имел также некоторый рост урожаев и производительности головы скота.

В царской России, до революции, распределение эксплуатируемых в сельском хозяйстве земель было следующим (в миллионах гектаров):

помещики, царская семья и монастыри	152,5
крестьянские хозяйства	214,7
	<hr/>
всего	367,2

После революции, в 1937 г., распределение земли было следующим (в тысячах гектаров):

	вся площадь	под посевом
советские хозяйства (совхозы)	51.100	12.163
коллективные хозяйства (колхозы)	359.686	115.980
приусадебные участки крестьян- колхозников	9.065	5.021
индивидуальные крестьянские хозяйства	2.049	1.075
рабочие и служащие	—	1.074
	<hr/>	<hr/>
всего	421.900	135.313

В организации и работе сельского хозяйства непосредственно заинтересованы не только производители-крестьяне, но и потребители-горожане, которым нужен хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. До революции снабжение городов сельскохозяйственными продуктами шло рыночным самотеком. Ликвидация крупного землевладения дала неожиданный для советской власти результат, — сильный упадок снабжения городов сельскохозяйственными продуктами; городской пролетариат, овладев государственной властью, начал голодать. Отсюда, из этого невыносимого для городского пролетариата положения, возникли насильственные способы заготовки хлеба и прочих продуктов крестьянского хозяйства.

Политика советской власти в продовольственном деле была определена решением коммунистической партии в апреле 1918 г. приступить к переустройству народного хозяйства России на коммунистических началах; частно-правовой договор продажи сельскохозяйственных продуктов должен был быть заменен публично-правовой повинностью крестьянина отдавать в распоряжение государства все «излишки» этих продуктов сверх очень низкой потребительской нормы, оставляемой для пропитания членов семьи крестьянина. Если рабочий в коммунистическом строе нес трудовую повинность, то крестьянин должен был нести хлебную повинность. При юридической однородности этих мер, по своему социально-экономическому характеру они были глубоко различны. Трудовую повинность несли все рабочие; хлебная повинность всею своею тяжестью обрушивалась только на зажиточных крестьян, имевших хлебные излишки. Те крестьяне, которые или прикупали хлеб для пропитания своих семей, или производили его только в меру своего и своей семьи потребления, повинности этой не несли. Зажиточные же крестьяне были лишены очень ценного для них права продавать про-

дукты своего труда по вольным ценам и обязаны были сдавать все «излишки» государству по твердым ценам*). Естественно, что в зажиточных крестьянах эта мера советской власти нашла самых активных противников. Чтобы провести ее, коммунистическая партия должна была разжечь классовую борьбу в деревне, произвести в ней такую же социальную революцию, которая была произведена в городе и на фабриках в октябре 1917 г. Первый этап аграрной революции осенью 1917 г. носил буржуазный характер, поскольку он был осуществлен без классовой борьбы в деревне. Второй этап ее, летом и осенью 1918 г., был основан на организации в деревне пролетарских и коммунистических элементов для борьбы против зажиточного крестьянина. Ее осуществили комитеты бедноты с помощью вооруженных продовольственных отрядов фабричных рабочих. На VI съезде Советов (ноябрь 1918 г.) Ленин констатировал, что «октябрьская революция городов для деревни стала настоящей октябрьской революцией только летом и

*) Как велики были потери крестьян от этой замены цен вольных ценами твердыми, можно видеть из сравнения индексов и тех и других цен, вычисленных в Бюро Экономических Исследований при Народном Комиссариате финансов:

	1913	1917	1918	1919	1920	1921, I-VI.
Индексы твердых цен	100	673	2.600	7.500	10.600	бесплатно
Индексы вольных цен						
Статист. труда	100	673	7.850	77.700	822.000	3.975.100
% отношение твердых						
цен к вольным	1,0	1,0	0,33	9,10	0,013	—

Крестьяне, отдававшие продукты своего труда по твердым ценам, получали за них в 1919 г. 10% их вольной цены, в 1920 г. — 1%. Немудрено, что население не заметило издания декретов, устанавливающих бесплатность всех передач продуктов из рук в руки (декреты 25/III, II/X, 4/XII 1920 г. и другие). См. статью К. Шмелева в сборнике: *Soviet Policy in Public Finance 1917-1928*, by Gr. Sokolnikov and Associates, 1931, Stanford University Press, p. 81.

осенью 1918 г.»*). Продовольственные декреты, изданные в мае и июне 1918 г., он считал основой коммунистического строительства в деревне. «Разверстка хлеба, говорил он, должна лечь в основу нашей деятельности... Разверстка должна быть доведена до конца. И только тогда, когда мы решим эту задачу, и у нас будет социалистический фундамент, мы сможем строить на этом социалистическом фундаменте все то роскошное здание социализма, которое мы не раз начинали строить и которое не раз разрушалось»**).

Продовольственное положение городского населения и фабричного пролетариата было в высшей степени тяжелым. Если Временное Правительство за 8 месяцев своего существования заготовляло, в среднем, в месяц для нужд армии и населения по 738.000 тонн хлеба, то после октябрьского переворота ход заготовок хлеба был следующий (в тысячах тонн)***):

1917, ноябрь	641	1918, март	48
декабрь	136	апрель	38
1918, январь	46	май	3
февраль	41	июнь	2

В июне 1918 г. заготовки прекратились совершенно. Заготовки падали по мере того, как советская власть овладевала аппаратом министерства продовольствия и его работа перестраивалась на коммунистических принципах.

После октябрьского переворота, министерство продовольствия Временного Правительства не прекратило своей работы, желая поставить продовольственное дело вне политической борьбы. На эту же точку зрения стали и его местные органы. Такое положе-

*) Собрание сочинений, т. XV, стр. 500.

***) Сочинения, т. XXIV, 1932, стр. 569-570.

****) Н. Д. Кондратьев, Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, Москва 1922, стр. 130, 238-245.

ние вещей длилось по 20/21 ноября 1917 г., когда дело продовольствия было взято в руки представителями сов. власти. Потом работа опять понемногу наладилась, заготовки упали с 641 тыс. тонн в ноябре до 136 тыс. тонн в декабре; 21 декабря Народным Комиссарами Свердловым и Шлихтером была разослана на места телеграмма, предписывавшая образование при всех советах продовольственных комиссий, которые немедленно должны были взять под свой контроль местные продовольственные организации; затем все продовольственное дело должно было перейти в ведение советов, а старые продовольственные организации Временного Правительства должны были быть ликвидированы. Эта телеграмма привела к закрытию продовольственных комитетов и падению хлебозаготовок до 48-38 тыс. тонн в месяц.

В обеих столицах, Иваново-Вознесенске и городах и фабричных поселках нечерноземной полосы наступил голод, — при наличии в стране больших запасов хлеба. В июне 1918 г. Ленин констатировал, что «мучительный голод» охватил «обе столицы и десятки уездов в земледельческой России»; что «в Питере, Москве, в десятках уездов голодают и доходят до голодного тифа, до голода, смерти десятки тысяч русских крестьян и рабочих»*). Впоследствии, вспоминая пережитое, Ленин говорил, что «те жертвы, которые вынесли за это время рабочий класс и крестьянство, были, можно сказать, сверхъестественными. Никогда такого голода, как в течение первых лет своей диктатуры, рабочий класс не испытывал»**). В июле и августе 1918 г. на складах комиссариата продовольствия не было ровно ничего***).

*) Собрание сочинений, т. XV, стр. 289, 316. Здесь, как и во всех последующих ссылках на Ленина речь идет о 2-м издании собрания его сочинений.

***) Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I, стр. 176.

***) Там же, т. XVI, стр. 262.

В то же время в крестьянских хозяйствах были значительные запасы хлеба и картофеля. Валовой сбор хлебов, за исключением территорий, занятых германскими войсками, и величина продовольственных заготовок равнялась в мил. тонн*):

	валовой сбор	заготовки	в %
1916/17	65,0	8,9	13,6
1917/18 г.	62,3	2,5	4,0

Хлеба было много, но хлеб этот не доходил до горожан и фабричных рабочих, так как частная торговля в стране преследовалась советскою властью и аппарат ее был разрушен, правительственный же заготовительный аппарат, как мы видели, перестал функционировать. Тогда впервые появились так называемые мешечники, — мужчины и женщины с мешками, большею частью из фабричных и ремесленников, совершавшие регулярные поездки в какую-либо деревню (иногда за 1000 верст) за хлебом и другими продовольственными продуктами. Эти мешечники многих спасли от голодной смерти**).

Ленин и другие коммунисты, конечно, не хотели признать, что наступивший голод является закономерным результатом их продовольственной политики и разрушения торгового аппарата. В нескольких речах, произнесенных в мае и июне 1918 г., он пытался найти «истинного» виновника этого голода и доказать, что все обвинения против коммунистов, как будто это они виноваты в голоде, совершенно неосновательны. Он убеждал своих слушателей, что этот голод «есть бедствие международное», что оно создано «империалистической войной» и что «теперь да-

*) Н. Кондратьев, Рынок хлебов, стр. 43, 238/45.

***) Н. Орлов, Девять месяцев продовольственной работы советской власти, стр. 341.

же самые богатые страны испытывают неслыханный голод*).

Основные линии продовольственной политики советской власти были определены декретами 13 мая, 11 июня, 2 апреля, 6 и 20 августа 1918 г. и 11 января 1919 г.

Изданный 13 мая 1918 г. декрет о продовольственной диктатуре вводил в действие закон о хлебной монополии, изданный Временным Правительством еще 26 марта 1917 г., но никогда им на практике не применявшийся, и до 13 мая 1918 г. не применявшийся и Советской властью. Этот закон обязывал каждого владельца хлеба все избытки, сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче по твердым ценам в недельный срок. Декрет призывал всех трудящихся и неимущих крестьян к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками, и объявлял всех имеющих излишки хлеба и не вывозящих его на сыпные пункты врагами народа, которых надлежит заключать в тюрьму на срок не менее 10 лет, подвергать все их имущество конфискации и изгонять навсегда из общин. В случае противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов, декрет предоставлял народному комиссару продовольствия право применять вооруженную силу.

Декретом «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями», изданным 11 июня 1918 г., повсеместно учреждались волостные и сельские комитеты деревенской бедноты, задачей которых было оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных из-

*) Собрание сочинений, т. XV, стр. 305, 307, 309, 312; т. XVI, стр. 372.

лишков из рук кулаков и богатеев и распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий лицам, круг которых определяется теми же Комитетами бедноты. Это распределение хлеба, мануфактуры и сельскохозяйственных орудий производится на тем более льготных условиях, чем успешнее идет отобрание излишков у зажиточных крестьян.

Еще ранее, в конце марта, народный комиссар продовольствия вошел в Совет народных комиссаров с докладом, в котором указывал на необходимость организации товарообмена с деревней. «Анализ существующего положения, по его мнению, приводит к выводу, что только снабжение деревни тем, чего она требует, т. е. предметами первой необходимости, может вызвать на свет спрятанный хлеб. Все другие меры лишь паллиативы». Товарообмен этот должен был быть организован на уравнительных, коммунистических началах, — «таким образом, что известная единица (напр. волость) получает мануфактуру, сельскохозяйственные орудия и т. д., пропорционально сданным продовольственным продуктам (напр. 1 аршин на 1 пуд хлеба) и распределяет товар между своими членами равномерно. Таким образом, в сыпке хлеба становится заинтересованным все население волости, и беднота понудит имеющих хлеб к его сдаче»^{*}).

Совет народных комиссаров согласился с этими соображениями и выдал 25 марта комиссариату продовольствия 1162 мил. рублей, около 27 мил. довоенных рублей (бюджетный индекс на 1 апреля 1918 г. был равен 43,2), на приобретение нужных крестьянам товаров, с помощью которых предполагалось получить из деревни до 120 мил. пудов хлеба (2 мил тонн).

^{*}) Н. Орлов, Девять месяцев продовольственной работы советской власти, стр. 182-3.

2 апреля был издан декрет об организации товарообмена с деревней в государственном масштабе для усиления государственных заготовок хлеба и других продовольственных продуктов, в котором также видная роль была отведена деревенской бедноте. В распоряжение Народного Комиссариата Продовольствия по этому декрету передавалось определенное количество промышленных товаров для обмена на хлеб и другие продовольственные продукты, заготавливаемые по государственным ценам. Хлеб предполагалось брать у зажиточных крестьян, а промышленные товары, поступавшие в обмен за взятый хлеб, должны были распределяться между нуждающимся населением, и к организации этого распределения должна была быть привлечена деревенская беднота. Мы решительно отрицаем возможность наименования этой операции обменом; она представляла собою экспроприацию продуктов промышленности, приобретаемых в обмен на хлеб зажиточных крестьян, в пользу деревенской бедноты. В инструкции к декрету определенно указано: «Выдача товаров непосредственно отдельным сельским хозяевам за сданный ими хлеб ни в каком случае не допускается. Необходимо производить распределение товара между всем нуждающимся населением внутри волостных и районных объединений, дабы побудить неимущих воздействовать на имеющих хлеб, понуждая его к сдаче». Собиравшийся хлеб оплачивался по норме четверть товарами, три четверти деньгами.

Но силы комитетов бедноты для организации хлебных и других заготовок в необходимом количестве оказалось недостаточно. Ленин обратился к фабричным рабочим с призывом организовать «крестовый поход» за хлебом в деревню*). 20 мая 1918 года при народном комиссариате продовольствия

*) Собрание сочинений, т. XV, стр. 271-278.

было организовано Управление главного комиссара и военного руководителя всех продовольственных отрядов, реорганизованное затем в Управление продовольственной армии. Первоначально продовольственные отряды создавались от случая к случаю, когда и где понадобятся. Так возникли продовольственные отряды рабочих, продовольственные части из добровольцев, отряды из рабочих и надежных крестьян, членов комитетов бедноты. Вскоре, однако, главной основой этой армии стали рабочие отряды. 27 июня Московским Советом профессиональных союзов была созвана чрезвычайная конференция, на которой, после доклада о продовольственном положении, была выбрана военно-продовольственная комиссия, переименованная затем в Военно-продовольственное бюро Всероссийского Центрального и Московского Совета профессиональных союзов. Первое время у продовольственных рабочих отрядов не было ни определенной организации, ни определенной системы действий. Лишь 6 августа Советом народных комиссаров был издан декрет об организации продовольственных отрядов из рабочих и беднейших крестьян для поездок в хлебные губернии в целях приобретения хлеба по твердым ценам или его реквизиции у кулаков. Половина заготовленного хлеба отдавалась организации, сформировавшей отряд; другая половина поступала в распоряжение народного комиссариата продовольствия. В общем, декрет выглядел довольно безобидно; и чтобы постигнуть его истинную природу, мы должны обратиться к «Инструкции продовольственным отрядам», изданной народным комиссаром по продовольствию 20 августа. По этой инструкции, каждый продовольственный отряд должен состоять не менее как из 75 человек при 2-3 пулеметах. Отряды на территории уезда размещаются так, чтобы в кратчайший срок можно было 2-3 отряда соединить вместе; между

отрядами устанавливается постоянная кавалерийская связь. Политический комиссар, явившись с продовольственным отрядом в деревню, собирает сход деревенской бедноты и предлагает избрать комитет для сбора хлеба от кулаков и для заведывания распределением хлеба и промышленных товаров между нуждающимися. Комитет бедноты совместно с политическим комиссаром отряда отдает затем приказ населению о сдаче всего имеющегося огнестрельного оружия, часть которого передается вновь избранному Комитету бедноты для формирования дружины при Комитете. Затем продовольственные агенты при помощи отряда и членов Комитета бедноты приводят в известность все излишки хлеба у населения; из этих излишков часть оставляется на месте для бедняков, не имеющих достаточных запасов своего хлеба; остальной хлеб вывозится в ближайшие сыпные пункты и государственные склады.

Наконец, для внесения порядка в работу продовольственных организаций и отрядов 11 января 1919 г. был издан декрет о разверстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями. Все количество подлежащих отчуждению хлебов разверстывается народным комиссариатом продовольствия между отдельными губерниями; к этой разверстке распоряжением губ. продов. комитетов прибавляется количество хлеба и зернового фуража, необходимого для нужд местного городского и крестьянского населения, не имеющего в потребной норме своего хлеба.

Лишь некоторые из этих продовольственных мероприятий дали ожидаемые результаты. Заготовки хлеба по твердым ценам не могли ничего дать, так как советская власть совершенно не хотела считаться с падением покупательной способности советского рубля. Когда Временное Правительство, не желавшее брать хлеб у крестьян, платя им обесцененными день-

гами, 27 августа 1917 г. удвоило цены на хлеб, Ленин и другие коммунисты повели ожесточенную кампанию против Временного Правительства. Летом 1918 г. Ленин говорил об этом удвоении твердых цен: когда Временное Правительство в августе 1917 г. эти цены удвоило, «тогда социалисты всех фракций против этой меры протестовали и возмущались этим фактом. Тогда не было ни одного органа печати (левой, С. П.), который не возмущался бы этим поведением Керенского и который не разоблачал бы, что тут за спиной министров-республиканцев, кабинета меньшевиков и социалистов-революционеров, были проделки спекулянтов*). Но несмотря на эту критику Временного Правительства, советская власть 8 августа 1918 г. сама вынуждена была утроить твердые цены на хлеб, которые с осени 1917 г. оставались неизменными и сильно отстали от роста цен на хлеб на вольном рынке. Вследствие продолжавшегося быстрого падения покупательной способности рубля, покупка хлеба по твердым ценам приобрела характер экспроприации хлеба у крестьян без его оплаты.

Столь же плохо обстояло дело и с товарообменом, организованным комиссариатом продовольствия. Ответственный работник по продовольствию, коммунист М. Фрумкин рассказывает, что в 1918/9 г. организованное продовольственниками снабжение крестьян промышленными товарами носило характер премии «за оказание политической помощи при извлечении хлеба. Никакого «обязательного товарообмена» не было, шло распределение незначительного количества товаров, которые не покрывали и 20% сдаваемых по разверстке продуктов. Шло распределение по душевым нормам, а не в соответствии со сданным хлебом. Души наделялись именно те, которые меньше всего производили и еще меньше сдавали». «В 1918-19

*) Собрание сочинений, XV, стр. 290.

сельскохозяйственном году, когда товаров у нас было несколько более, кое-что попадало и сдатчикам сельскохозяйственных продуктов, но, по мере сокращения наших товарных фондов, губернские исполнительные комитеты задерживали значительную часть «товарообменного фонда» для удовлетворения городских нужд, и лишь незначительная часть, во всяком случае не больше половины, попадала в деревню, где распределение шло в первую очередь среди пролетарских и полупролетарских элементов. Состоятельные крестьяне проводили пассивный бойкот нашего, так называемого, товарообмена. Коллектив мог получать от продовольственного органа через потребительское общество причитающиеся ему по душевым нормам товары лишь в том случае, если сельский совет представлял в уездный продовольственный комитет зачетные квитанции, полученные от сдатчиков хлеба. Состоятельные крестьяне во многих местах рвали квитанции или производительно использовывали их на цыгарки, приговаривая: если нам товары не достаются, то пусть и эти лодыри (беднота) ничего не получают»*).

Комитеты бедноты много сделали для внесения классовой борьбы в деревню, но в продовольственном отношении они дали мало. Пополненные в производящих губерниях выходцами из голодающих губерний, располагавшие и властью, и оружием, они осенью и зимой 1918/9 г. пытались провести перераспределение в свою пользу земли, скота, инвентаря, хлеба и вообще всех сельскохозяйственных запасов, присваивая также и всю мануфактуру, поступавшую в деревню. При этом они часто весь отбираемый у зажиточных крестьян хлеб брали в свою пользу, ничего не отправляя в голодающие столицы и фабричные го-

*) М. Фрумкин, Товарообмен, кооперация и торговля, 1921, стр. 7-8; Четыре года продовольственной работы, 1922, стр. 69.

рода.*) В богатых хлебом губерниях они были слабы, в потребляющей полосе — сильны, но их сила не находила надлежащих объектов приложения в виде больших запасов хлеба. Их действия восстановили против них все другие слои сельского населения, которые объединились и выступили против них с оружием в руках,**) что вынудило VI всероссийский съезд советов (6-9 ноября 1918 г.) распустить их, как государственные организации, на территории РСФСР, восстановив в своих правах сельские и волостные советы. Комитеты бедноты существовали и в 1919 г., но уже как частные организации. На Украине они существовали и после перехода к новой экономической политике; они были реорганизованы лишь в 1925 г.

Серьезные положительные результаты в деле продовольствия дали только продовольственные отряды рабочих. С момента издания декрета о продовольственной диктатуре Советскою властью была осознана необходимость создать такой аппарат, при помощи которого было бы возможно осуществлять принуди-

*) Н. Орлов, Девять месяцев продовольственной работы Советской власти, стр. 375/6

**) Так, в ноябре 1918 г. недовольство населения «вылилось в вооруженные восстания против комитетов бедноты. Восстания охватили целый ряд губерний, при этом наибольшей остроты положение достигло... в Центр. Черноземной области. В Тамбовской губ. при ликвидации кулацкого восстания (цитату мы приводим из статьи коммуниста, С. П.) пришлось пускать в ход артиллерию. Материал следственных комиссий по выяснению причин мятежа в Сосновском районе Тамбовской губернии, который был центром восстания нескольких уездов как Тамбовской, так и Пензенской и Рязанской губ., показывает, что повсеместным лозунгом первого периода этих восстаний было: «долой комитеты бедноты». Восставшие разгоняли комитеты бедноты, уничтожали их документы и имущество, убивали председателей и членов этих организаций. Очень скоро, однако, движение принимало такой оборот, когда его целью становилась борьба против всех органов советской власти». В. Аверьев, Комитеты бедноты, На аграрном фронте, 1930, III, стр. 69.

тельным порядком, путем применения вооруженной силы, выколачивание хлеба и других сельскохозяйственных продуктов из деревни. Такой аппарат был создан ею в виде продовольственных отрядов рабочих. В 1918/9 г. продовольственная армия имела в своем составе в разное время от 20.000 до 45.000 человек. К концу 1919/20 продовольственного года она равнялась 20.000 чел.*) Работа комиссариата продовольствия в эти годы носила характер военных фуражировок в завоеванной стране.

Рабочие отряды оправдали ожидания советской власти. В «священной войне за хлеб» пролетарий одержал победу над крестьянином, город над деревней. В отчете о деятельности народного комиссариата по продовольствию за 1918-19 год мы находим следующую характеристику результатов этого вооруженного похода на деревню. Во всех докладах губернских продовольственных комитетов «отмечается, что добровольная ссыпка хлеба не дала почти никаких результатов, и только в тех местностях, где были отдельные продовольственные отряды, удавалось учесть и собрать излишки хлеба... Даже в тех губерниях, где добровольная ссыпка хлеба в первое время была значительной, скоро оказалось невозможным собрать что-нибудь без продовольственных армейских частей. В Симбирской губ. хлеб сначала шел «самотеком», но вот крестьяне запаслись деньгами и хлеб перестал поступать на ссыпные пункты. Самая энергичная агитация не имела никакого успеха в Симбирской губ. Продовольственный комитет настойчиво подчеркивает, что только благодаря обилию рабочих продовольственных отрядов и отдельных продовольственных армейских частей удалось собрать для голодаю-

*) Подробности об организации продовольственных отрядов и их работы см. Второй год борьбы с голодом, Москва, 1919, стр VII, 5-10; Календарь-справочник продовольственника, Москва 1921, стр. 7, 48/9, 93/6.

щих центров громадное количество хлеба. Вообще, касаясь этого вопроса, губернские продовольственные комитеты указывают, что теперь с достаточной ясностью определилась полная невозможность осуществлять в будущем хлебную монополию без продовольственных армейских частей, спаянных прочной и строгой военной организацией... Такова логика жизни и было бы бессмысленно против нее бороться*). Какую громадную услугу советской власти оказали эти вооруженные продовольственные отряды, можно видеть из размеров хлебных заготовок в 1918/9 и 1919/20 гг. (в мил. центнеров):

1914/5 г.	—	50
1915/6	—	82
1916/7	—	89
1917/8	—	25
1918/9	—	18
1919/20	—	30

Цифры заготовок 1914/1917 гг. в эти годы советской властью достигнуты не были, но 30 мил. центнеров хлеба — это цифра все же очень внушительная. Вооруженный поход за хлебом на деревню хотя и вызвал бесконечный ряд крестьянских восстаний, широко раскинувшихся по стране (в феврале 1919 г. в Москве говорили, что крестьянские восстания происходят в 64 уездах), но все эти движения крестьян скоро были подавлены, и победа осталась на стороне лучше вооруженных и организованных городских рабочих. Отбирая у крестьян хлеб, подавляя восстания, они сохранили за собою политическую и экономическую диктатуру, приобретенную в октябрьские дни.

Вооруженные продовольственные отряды рабочих были распущены постановлением Совета труда и обороны от 21 апреля 1920 г., возложившим примене-

*) Второй год борьбы с голодом, 1919, стр. 6.

ние вооруженной силы по взятию на учет сельскохозяйственных продуктов и по выкачке излишков, а также по борьбе с мешечничеством, на войска Внутренней охраны, находящиеся в распоряжении Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Изъятие всех «излишков» из крестьянских хозяйств в 1918-1921 гг. имело целый ряд весьма тяжелых народно-хозяйственных результатов. Главным народно-хозяйственным следствием хлебной повинности было сокращение посевов, особенно у зажиточной части крестьянства.

Как мы знаем, производимый в крестьянских хозяйствах хлеб имеет разные назначения. Главная часть его остается в произведших его хозяйствах и идет на пропитание семьи крестьянина и отчасти на корм скоту; вторая часть поглощается внутри-деревенским оборотом, малосеющие крестьяне покупают хлеб, нужный им для своего пропитания, у своих многосеющих соседей; третья часть идет на городской рынок и частью возвращается в деревню; четвертая идет в экспорт. При сокращении посевов, крестьяне стараются прежде всего сохранить обычный уровень питания семьи; поэтому количество хлеба, идущего по первому пути, является наиболее устойчивым; менее устойчива величина внутри-деревенского оборота, еще менее — отчуждения на городской рынок; наибольшие колебания обнаруживают размеры экспорта. При росте посевов особенно сильно увеличивается экспорт и отчуждения на городской рынок. Следовательно, то значительное понижение среднего высева на двор, которое мы констатировали в годы коммунистической политики, совершенно закономерно должно было привести к сильному сокращению его притока на городской рынок. Крестьянское хозяйство утратило свои рыночные отрасли и вернулось к архаической форме натурального хозяйства. Русский крестьянин вовсе не

был столь коммунистически добродетельным, чтобы даром отдавать городу свой труд и продукты этого труда; тому самому городу, который шел на него с оружием, с насильническими отрядами, и ничего не давал взамен, ничего не производил, ничем не помогал разоренному крестьянскому хозяйству. Поставщиками хлеба и других продуктов на городской рынок являлись в России главным образом хозяйства, засевавшие более 8 дес.; сеявшие менее 4 десятины обыкновенно прикупали часть нужного им хлеба, сеявшие от 4-8 дес. имели небольшие избытки хлеба на продажу*). Коммунистическая партия, согласно своим социально-классовым целям, преследовала зажиточных крестьян, производящих продукты на рынок, объявляя их «кулаками», т. е. эксплуататорами всей массы трудового крестьянства. Их хозяйства энергично разрушались и органами власти, и комитетами бедноты. Сами зажиточные крестьяне сознательно сокращали свои посевы, ограничивая свое производство размером нужды своей семьи в хлебе, чтобы избежать преследований и не затрачивать свой труд даром. Вся та часть продуктов, которая раньше предназначалась крестьянами на рынок, попросту перестала производиться. Крестьянин ушел в свое деградировавшее до чисто натуральной формы хозяйство, как рак-отшельник при малейшей опасности уходит в свою раковину.

В области промышленных изделий он перешел к домотканной одежде, собственному шитью, лаптям и валенкам, обуви, к изготовлению примитивной упряжи и транспортного инвентаря. Крестьянское хозяйство возвращалось к изжитому типу замкнутого самодовлеющего, натурального хозяйства.

За годы коммунистической политики динамика посевных площадей и валовой производительности

*) А. Михайловский, Баланс рыночного хлеба за 1926/7 и 1927/8 гг. Статистическое Обозрение 1930, V, стр. 22-28, 32-43, 142-147.

сельского хозяйства выражается в следующих цифрах:

	посевная площадь*		валовая производительность**)	
	мил. гектаров	в индексах	в. миллиард. довоенных руб.	в индексах
1913	105,0	100	10,51	100
1917	96,5	91,9	9,72	92,5
1918	—	—	9,62	91,5
1919	—	—	7,86	74,8
1920/1	—	—	6,42	61,1
1921/2	81,6	77,5	5,46	51,0
1922/3	68,8	65,5	7,84	74,6

Если за годы мировой войны производительность сельского хозяйства упала на 8%, то за годы коммунистической политики она упала по крайней мере на 30%, а может быть и значительно более, судя по сокращению его валовой продукции. Товарная часть сельского хозяйства упала гораздо более, чем на 30%, и городское население пережило тяжкий кризис в продовольственном деле. Крестьянская беднота, беспосевные и малосеющие крестьяне не только не кормят фабричного рабочего, но являются его конкурентом в борьбе за хлеб. Чем больше хлеба они покупают у многосеющих крестьян, тем меньше остается хлеба у последних для фабричных рабочих и горожан. Поэтому классовая политика советской власти и коммунистической партии, выразившаяся в поддержке сельских батраков и бедных крестьян и истреблении «кулаков», имела крайне тяжкие экономические последствия для горожан и фабричного пролетариата: за-

*) Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-1924 гг., I, стр. 119.

***) Подсчет, сделанный в статистическом бюро Госплана и опубликованный Б. Гухманом в «Экономическом Обзрении», 1929 г., IX, стр. 114.

житочный крестьянин, кормивший рабочего, был разорен; бедный крестьянин развивал свои потребности и спрос, отнимая хлеб у горожанина и рабочего. Союз пролетариата с беднейшим крестьянством и начатая этим союзом гражданская война с хозяйственным мужиком лишила города и фабрики хлеба.

Особенно тяжелые последствия эта политика преследования зажиточных крестьян и изъятия всех продовольственных запасов имела на территории, периодически страдающей от засухи. В губерниях средне-волжских, нижневолжских, приуральских и киргизских крестьянство обязано делать большие запасы хлеба в урожайные годы, чтобы прокормить себя и скот в годы неурожайные. Когда на этой территории урожай 1920 г. был изъят «под метелку», а 1921 г. оказался засушливым и неурожайным, наступил голод, унесший больше жизней, чем даже голод 1891 г. Посевная площадь в этих губерниях с 1920 по 1922 г. сократилась на 45%. Ленин уже в конце 1920 г. знал, что успешный ход заготовок в этом году «достигнут ценою громадных лишений, голода и бескормицы в крестьянстве, которые могут еще усилиться». «Если я указал на то, что продовольственная работа дала нам за отчетный (1919-1920, С. П.) год несравненно лучшие продовольственные ресурсы, то надо сказать, что в этом тоже лежал один из главнейших источников кризисов, потому что... центр этих продовольственных разверсток сосредоточен был в тех местностях, где излишки хлеба не были очень велики. Эти излишки гораздо больше в различных окраинных республиках—в Сибири, на Северном Кавказе, но именно там всего меньше был налажен советский аппарат, именно там Советская власть была менее устойчива, и оттуда был очень затруднен транспорт. Получилось так, что увеличенные продовольственные ресурсы мы собрали из наименее урожайных губерний, и этим кризис крестьянского хозяйства чрезвычайно обострился. Эти

обстоятельства привели нас к тому, что крестьянское хозяйство, после продолжавшейся так долго войны, так ослабело, что неурожай оказался и на почве понижения засева, и ухудшения средств производства, и понижения урожайности, рабочей силы и т. д. Неурожай оказался (в 1920 г. С. П.) громаднейший, и лучший, чем все таки мы ожидали, сбор продовольственных излишков оказался спутником такого обострения кризиса, который, может быть, готовит нам еще большие трудности и бедствия в предстоящие месяцы»*)).

Хозяйственный кризис был еще усилен прекращением в 1920 г. гражданской войны и демобилизацией красной армии, которая вернула в страну, в села и города и на фабрики, «сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти занятия и средства к жизни». «Расходящаяся армия, говорил Ленин 27 марта 1921 г., не встречает возможности получить правильного применения своего труда. И вот вам превращение этой мелко-буржуазной силы в анархический элемент, который выражает свои требования в волнении»**).

Как это суждение характерно для Ленина! Пока красноармейцы сражались за советскую власть, умирали за нее, они были героями. Они победили, война кончена, они возвращаются домой, и находят фабрики разоренными, крестьянские дворы обнищавшими, свои семьи повсюду голодающими. Они представляли собой наиболее активную, волевою часть нации; и они не могли безропотно принять ожидавшую их безработицу, нищету, холод и голод. Поэтому они стали в глазах Ленина «мелкобуржуазной силой» и «анархическим элементом». Но с их требованиями, выразившимися в волнениях и восстаниях, нужно было считаться.

*) Собрание сочинений, XVII, стр. 421; XVIII, I, стр. 101-102.

***) Там же, XVIII, I, стр. 148, 165; также стр. 98/9.

Мы имеем только очень глухие и отрывочные сведения о бунтах и восстаниях демобилизованных в начале 1921 г. красноармейцев. Ленин в своей речи на X съезде коммунистической партии признал, что «крестьянство формой отношений, которая у нас установилась, недоволено, что оно этой формы соотношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте пересматривать». По окончании гражданской войны «мы наткнулись на большой — я полагаю, на самый большой — внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас». «В 1921 г. мы безусловно имели на лицо недовольство громадной части крестьянства»^{*)}). Особенно крупные размеры приняла в феврале 1921 г. крестьянская волна в Западной Сибири, Тамбовской и Саратовской губерниях. «Брожение в крестьянстве было огромно, среди рабочих также господствовало недовольство. Они были утомлены и изнурены. Ведь существуют же границы человеческих сил. Три года они голодали, нельзя голодать в течение четырех или пяти лет. Голод, естественно, оказывает огромное влияние на политическую активность». В Петербурге и Москве «весною 1921 г. господствовало недовольство среди рабочих»^{**)}). Кронштадское восстание в марте 1921 г.

^{*)} Там же, XVIII, I, стр. 127; II, стр. 84, 86.

^{**)} Там же, XVIII, I, стр. 310; II, стр. 87. «Недовольство петербургских рабочих в феврале 1921 г. вылилось в форму всеобщей забастовки.

«явилось как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было». В кронштадтских событиях, по мнению Ленина, «вполне оформленного, ясного, определенного (было) очень мало. Туманные лозунги «свободы», «свободы торговли», «раскрепощения», «советов без большевиков» или пере выборы советов, или избавление от «партийной диктатуры» и так далее и тому подобное»^{*)}). Все эти движения и бунты, по оценке Ленина, представляли для советской власти «опасность, во много раз превышавшую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе. На этот счет не должно быть ни у кого заблуждений, ибо оно было бы самым роковым». Мелкобуржуазная стихия, — значит, прежде всего крестьянство, — «не раз в течение революции показывала себя, как самого опасного врага пролетарской диктатуры. А теперь, — и это основной вывод и урок текущего года, — она показала себя еще раз, как враг самый опасный, больше всего могущий иметь сторонников и поддержки в стране, могущий изменить настроение широких масс, перебрасываться даже на часть беспартийных рабочих»^{**)}).

Ленин не только осознал опасность, угрожавшую власти коммунистической партии, но и сделал из нее практические выводы. Он предложил и провел ликвидацию системы коммунистической политики. Перелом экономической политики проведен был неожиданно, внезапно. Еще 11 октября 1920 г. был издан декрет о бесплатности всех отпускаемых государством продуктов, а также оказываемых государством частным лицам и хозяйствам услуг. Но уже 15 марта 1921 г. были введены продовольственный налог и торговля хлебом. Наконец, 3 февраля 1921 г. президиумом Всероссийского центрального исполнительного коми-

^{*)} Там же, XVIII, I, стр. 165, 211.

^{**)} Там же, XVIII, I, стр. 104, 113.

тета был одобрен и передан на утверждение мартовской сессии Комитета проект об отмене всех существующих государственных и местных денежных налогов и сборов. До утверждения этого законопроекта, взимание денежных налогов было постановлением президиума приостановлено. А через 1½ месяца в основу государственного бюджета были положены денежные налоги.

В своей исторической речи на X съезде коммунистической партии 15 марта 1921 г. и последующих выступлениях Ленин признал банкротство коммунистической политики в области сельского хозяйства и предложил партии отменить продовольственную разверстку и заменить ее натуральным продовольственным налогом, восстановить в некоторой мере рыночную продажу продуктов сельского хозяйства и стимулировать хозяйственную инициативу крестьян. «Разверстка, — говорил Ленин, — предполагала: изъять все излишки, установить обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды. Теоретически не обязательно принимать, что государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма. Как переходную меру в стране крестьянской, которая имеет промышленность, а промышленность работает, и если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота. Этот самый оборот — стимул, побудитель, толчек для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который по возможности будет определен заранее. Основное, чтобы был стимул, побудитель, толчек мелкому земледельцу в его хозяйствовании. Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем». Говоря о

попытке, при существовании миллионов мелких производителей, запретить рыночную связь между хозяйствами, обмен, куплю-продажу и торговлю, Ленин пришел к выводу, что «такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробуящие подобную политику, терпят неминуемый крах. Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов «помышлением, словом и делом» грешил, впадая именно в такую политику. Постараемся от этих ошибок исправиться. Непременно надо от них исправиться, иначе совсем будет плохо»*)

Как констатирует отчет народного комиссариата земледелия за 1921 г., переход к продовольственному налогу, — «это не только уступка крестьянству, это стремление поставить в качестве основного принципа сельскохозяйственной политики личную заинтересованность отдельного крестьянина»**).

Ленин признавал, что восстановление личной заинтересованности и рынка приведет к возрождению капиталистических форм хозяйства. Но он их не боялся. «Что такое свобода оборота? — спрашивал он в своей исторической речи. — Свобода оборота, это свобода торговли, а свобода торговли, значит назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаро-производителя на владельца капитала и на владельца рук, деление на капиталиста и на наемного рабочего, т. е. воссоздание снова капиталистического на-

*) Отчет народного комиссариата земледелия за 1921 г., стр. 21.

**) Там же, XVIII, I, стр. 134, 199-200.

емного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и к условиям хозяйства мелкого землевладельца, не может не наблюдать этого. Спрашивается, как же так, может ли коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий? На это надо ответить, что вопрос, разумеется, в практическом разрешении чрезвычайно труден... Можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких землевладельцев, не подрывая этим самым корни политической власти пролетариата? Можно ли это? — Можно, ибо вопрос в мере»*)).

Суть дела, следовательно, заключалась в нахождении конкретного компромисса между двумя враждебными принципами хозяйственной жизни. С одной стороны, чтобы сохранить власть, коммунистическая партия должна была сделать уступку требованиям крестьян, пойти на свободу оборота**); необходимо было, во что бы то ни стало, увеличить количество производимых в стране материальных благ, поднять производительные силы народного хозяйства. Ленин определенно признал на съезде, что «мы находимся в условиях такого обнищания, разорения, переутомления и истощения главных производительных сил — крестьян и рабочих, что этому основному соображению — во что бы то ни стало увеличить количество продуктов — приходится на время подчинить все»***).

*) Там же, XVIII, I, стр. 128-9.

***) Там же, XVIII, I, стр. 133.

*) Там же, XVIII, I, стр. 139, также 196-7. В своих выступлениях по вопросам новой экономической политики Ленин никогда ни слова не говорил о роли Л. Б. Красина, бывшего в это время представителем советской власти в Лондоне. Между тем, роль

Через год, на XI съезде коммунистической партии, Ленин следующим образом характеризовал положение вещей: «Наша цель — ... доказать (крестьянину), что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищало-го, мучительно голодающего мелкого крестьянина ему сейчас помогают на деле. Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо. Вот в чем значение новой экономической политики, вот в чем основа всей нашей политики... Крестьянин нам кредит оказывает и, конечно, после пережитого не может не оказывать. Но этот кредит не может быть неисчерпаемым. Это надо знать и, получивши кредит, все-таки поторапливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными. «Но сейчас все-таки, после стольких месяцев и стольких лет отсрочки, вы, любезнейшие правители, приобрели самый верный, надежный способ помочь нам выйти из нужды, нищеты, голода, разорения. Вы умеете, вы это доказали?» Вот какой экзамен на нас неминуемо надвигается, и он решит в последнем счете судьбу нэп'а (новой экономической политики) и коммунистической власти в России». «Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскор-

эта была очень велика. Ленин в своей речи 15.III.1921 требовал, чтобы коммунистический съезд немедленно вынес постановление о переходе к новой экономической политике и чтобы это его постановление было в тот же вечер по радио сообщено «всем, всем, всем». Съезд исполнил требование Ленина. И на следующий день, 16 марта 1921 г., Красин подписал в Лондоне первый торговый договор СССР с Англией. Очевидно, переговоры Красина с Ллойд-Джорджем сыграли не малую роль в отказе советской власти от коммунистической политики и в ее переходе к политике восстановления производительных сил народного хозяйства Союза ССР.

блял, он нас грабил... Но капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете? Ведь вот какие голоса раздавались в прошлом году весной. Они не всегда ясно слышались, но составляли подпочву всего прошлогоднего весеннего кризиса. «Люди-то вы превосходные, но то дело, экономическое дело, за которое вы взялись, вы делать не умеете». Вот самая простая и самая убийственная критика, которую крестьянство в прошлом году, а через крестьянство целый ряд слоев рабочих, направляли против коммунистической партии. И вот почему пункт в вопросе о нэп'е, этот старый пункт, приобретает такое значение. Проверка нужна настоящая. Рядом действует капиталист, действует грабительно, берет прибыли, но он умеет. А вы — вы по новому пробуете: прибылей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие расписаны и расписаны так, что вы, святые люди, в рай живыми проситесь, а дело делать умеете? Нужна проверка, настоящая проверка... с точки зрения народной экономики. Отсрочки коммунистам были даны всякие, в кредит, а было дано столько, сколько ни одному другому правительству не давалось. Конечно, коммунисты помогли избавиться от капиталистов, от помещиков, крестьянство это ценит, и оно в кредит отсрочки давало, но все до известного срока. А затем уже проверка: умеете ли вы хозяйничать не хуже, чем другие?»*).

Все эти соображения привели Ленина к выводу, что коммунисты должны перенять у капиталистов умение хозяйничать и восстановить в какой-то мере рыночную форму хозяйства. Как в этой речи, так и в своих позднейших выступлениях Ленин приводил два ряда аргументов в пользу реформы продовольственной политики. Политические аргументы сводились к указаниям на недовольство крестьян существ-

*) Там же, XVIII, стр. 26-28.

вующей постановкой продовольственного дела, выразившееся в широких крестьянских восстаниях в начале 1921 г. в Сибири, Тамбовской и Саратовской губерниях, и восстании матросов в Кронштадте, этой «красе и гордости русской революции» (слова Троцкого), которое еще не было подавлено, когда Ленин произносил свою речь 15 марта (оно было ликвидировано 17 марта). В этих восстаниях особенно смущало Ленина то обстоятельство, что руководящую роль в них играли демобилизованные красноармейцы, которые, возвратясь с фронта, нашли свои хозяйства деградированными и разоренными, а семьи голодающими. В конце 1922 г. Ленин отмечал с удовлетворением, что после перехода к политике восстановления, «крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 г., так сказать, определяли общую картину России, почти совершенно исчезли»*).

Экономические соображения Ленина были также элементарно просты. Хлеба нет у рабочих и горожан не потому, что крестьяне не хотят его давать, а потому, что они сильно сократили его производство. Чтобы рабочие и горожане имели хлеб, надобно пробудить у крестьян волю к производству излишков; волю эту можно стимулировать только предоставлением им права собственности на продукты их труда и права свободной продажи излишков на рынке. За крестьянином, чтобы он прекратил свою итальянскую забастовку, должно было быть признано право собственности на все производимые им продукты, не только право пользования, но и право продажи. Но в восстановлении рыночного оборота и гражданско-правовых отношений нуждались не одни крестьяне, а все народное хозяйство в целом, захиревшее под мертвящим влиянием коммунистической политики. Сами коммунисты признали, что «продовольст-

*) Собрание сочинений, т. XVIII, часть II, стр. 86.

венный налог выступил на сцену потому, что обнаружившееся во всех областях хозяйства катастрофическое падение производства реальных ценностей, общее обнищание страны потребовали предоставления хозяйственной инициативы, подъема хозяйственной самодеятельности населения, для которых не могло быть места при всеобщей монополии и всеобщей уравнительности»^{*)}). Для крестьян переход к новой экономической политике означал прежде всего восстановление в гражданских правах, — как говорил Л. Крицман, «не только прекращение черного передела, но и крушение установленных в эпоху гражданской войны внутри-деревенских отношений: уничтожение безвозмездного принудительного использования беднотой мертвого и живого инвентаря зажиточных, уничтожение политического «засилья» бедноты в деревне и связанных с ними экономических (для бедноты) преимуществ»^{**}).

Экономическая политика восстановления народного хозяйства, проводившаяся советской властью в 1921-1928 гг., не вполне отвечала тому проекту ее, который был изложен Лениным в его речи 15 марта 1921 г. и утвержден X съездом коммунистической партии.

Так, по проекту Ленина рыночный оборот, в котором получали право участвовать крестьянские хозяйства, должен был носить местный характер (повидимому, в пределах губернии и при условии пользования только гужевой перевозкой) и представлять собою не торговлю, даже не куплю-продажу между производителями, а натуральный обмен продуктов сельского хозяйства на изделия и продукты промышленности. Обоим этим ограничениям придавалось

^{*)} Четвертая годовщина народного комиссариата продовольствия, 1921, стр. 11.

^{**}) Л. Крицман, Классовое расслоение в советской деревне, Москва 1926, стр. 10.

первоначально и Лениным, и коммунистической партией большое значение. Жизнь, однако, их быстро преодолела.

Уже в ноябре 1921 г. Ленин писал: весной мы «говорили о наших задачах именно как об оформлении товарообмена. Целый ряд декретов и постановлений, громадное количество статей, вся пропаганда, все законодательство с весны 1921 года было приспособлено к понятию товарообмена. Что заключалось в этом понятии? Каков, если можно так выразиться, предполагаемый этим понятием план строительства? Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось, — сейчас вы это все прекрасно знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы, — что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу... С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля». От продуктообмена советской власти пришлось перейти к «оживлению внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении). Торговля — вот то звено в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921-1922 годов, за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии»*).

*) Собрание сочинений, XVIII, I, стр. 366, 379. Очень ярко принципы новой экономической политики были сформулированы председателем Высшего Совета народного хозяйства А. И. Рыковым в его речи на 4-м всероссийском съезде советов народного хозяйства. Продовольственный налог, по его словам, «это есть

С переходом к политике восстановления было прекращено разжигание гражданской войны в деревне, были установлены более или менее устойчивые земельные отношения, была раскрепощена хозяйственная инициатива старательного крестьянства и восстановлен рынок на продукты сельского хозяйства. Земельный кодекс 1922 г. прекратил перераспределение земель между волостями и селениями (ст. 141, 142), ограничил частоту переделов (ст. 121), признал за крестьянами право собственности на произведенные ими земельные мелиорации (ст. 118, 119, 131), и предоставил крестьянам право свободного избрания формы землепользования (ст. 90, 91, 134, 135, 136).

В документах этого времени совершенно исчезли оценка единоличных хозяйств как «проходящих и отживающих», и предложения искусственного насаждения коллективных форм хозяйства за счет единоличных в целях перехода к социалистическому (или коммунистическому) строю хозяйства.

Отказ от коммунистической политики немедленно дал положительные результаты. Дальнейшее падение производительных сил народного хозяйства остановилось и уступило место их подъему, сначала медленному, затем более быстрому. Восстановительный процесс шел очень неравномерно. Он захватывал ту или другую отрасль народного хозяйства тем скорее, чем более была настоятельна потребность, ею удовлетворяемая, и при прочих равных условиях вос-

изъятие у крестьянства только части и, по возможности, небольшой его продуктов в пользу государства и оставление ему всего остального, как буржуазной собственности, которой он может распоряжаться по своему усмотрению. Это есть установление института собственности в буржуазном смысле этого слова и совершенно неизбежно ведет к развитию, легальному развитию буржуазии на экономической базе, которая создается в деревне после изъятия продналога». А. И. Рыков, Речь на 4-м съезде Советов народного хозяйства, стр. 3-4.

становление шло тем быстрее, чем сильнее была дезорганизация данной отрасли в предшествовавший период. Отрасли, создающие средства производства вступили в процесс восстановления позднее отраслей, обслуживающих личные потребности населения. В общем, восстановительный процесс заключался в тенденции к восстановлению довоенных размеров пропорций и экономических связей между отдельными элементами народного хозяйства*).

Показателями изменений, произведенных в сельском хозяйстве переходом к политике восстановления народного хозяйства, могут служить данные о динамике посевных площадей, о количестве скота и величине валового дохода от сельского хозяйства (миллионов гектаров, центнеров, голов и довоенных рублей по ценам 1913 года):

	посевные площади: все	под хлебами	под техн. растениями	валовой сбор зерн. хлебов	рабочих лошадей	коров	валовая продукция**)	сельск. хозяйства
1913	105,0	94,4	4,5	801,0	27,3***	29,5***	10,510	
1921	90,3	79,8	—	422,9	—	—	5.460	
1922	77,7	66,2	4,0	562,7	20,0	24,8	7.840	
1923	91,7	78,6	4,0	573,8	19,9	26,1	8.330	
1924	98,1	82,9	5,8	514,0	20,0	27,1	8.800	
1925	104,3	87,3	7,2	746,8	20,3	28,6	10.300	
1926	110,3	93,7	6,8	783,4	21,6	29,7	11.170	
1927	112,4	94,7	7,2	728,1	23,2	29,9	11.000	
1928	113,0	92,2	8,6	733,2	24,3	30,8	11.147	

*) В. Громан. Контрольные цифры к народнохозяйственному плану на 1925/6 год. Плановое хозяйство, 1925, VII, стр. 104.

***) По данным Б. Гухмана, Экономическое обозрение 1929 г., IX, стр. 114.

***) За 1916 г.

По этим данным, продовольствие населения, благодаря росту посевной площади под зерновыми хлебами, в 1925-1928 гг. значительно улучшилось по сравнению с 1921-1924 гг. Однако, довоенный уровень сбора хлебов достигнут не был, в то же время количество населения в стране значительно обогнало свой довоенный уровень.

Таким образом, ни экспроприация помещичьих земель, ни отказ от политики продовольственных разверсток и восстановление рыночной торговли продуктами сельского хозяйства не разрешили одной из основных проблем русского народного хозяйства, — обеспечения продовольствием населения. Союз ССР в годы новой экономической политики, несмотря на очевидный прогресс крестьянского хозяйства, неуклонно шел к тяжелому продовольственному кризису, который и разразился в 1929 году. Народно-хозяйственные результаты этой аграрной политики 1917-1927 гг. очень наглядно выражены в следующих данных об изменении в строении хлебного баланса страны (в миллионах центнеров зерновых хлебов):

	до войны 1914 г.			в 1926/7 г.		
	валовая прод.	товарная прод.	в %	валовая прод.	товарная прод.	в %
Помещики	98,4	46,2	46,9	—	—	—
Крестьяне: кулаки*)	311,5	106,6	34,2	101,1	20,7	20,4
„ середняки и бедняки	410,0	60,5	14,8	664,3	76,4	11,5
Совхозы и колхозы	—	—	—	13,1	6,2	47,3
Всего	820	213,2	26,0	778,5	103,3	13,3

*) В эту строку таблицы отнесены хозяйства зажиточных крестьян, а не только «кулаков», т. е. лиц, эксплуатировавших остальную массу крестьянства, середняков и бедняков, путем

Цифры эти не могут претендовать на точность, но в общем и целом они правильно рисуют хлебные балансы России 1913 г. и 1926/7 г. Аграрная революция совершенно уничтожила помещичьи хозяйства, в три раза сократила продукцию зажиточных крестьян, имевших значительные запашки, значительно увеличила продукцию хозяйств средних и беднейших крестьян и создала небольшое количество коллективных и советских хозяйств. В итоге продукция зерновых хлебов упала на 5%. Но на товарную часть хлебной продукции аграрная революция оказала катастрофическое действие: она упала на половину. Сокращение посевов у зажиточных крестьян естественно должно было понизить товарность их продукции; но она упала и в хозяйствах средних и бедных крестьян, которые, увеличив свою валовую продукцию на 62%, увеличили количество хлеба, выпущенного на рынок, только на 26,3%. Очевидно, большинство крестьян воспользовалось результатом аграрной революции прежде всего для повышения своего личного потребления; они перестали вести полуголодное существование и стали есть досыта.

Это резкое снижение количества товарного хлеба, производимого страной, с 213,2 мил. центнеров до 103,3, привело, прежде всего, к сильному упадку экспорта хлеба за границу. Россия перестала быть

ростовщического кредита, торговли и кабальных форм найма. Большинство зажиточных крестьян имели трудовые хозяйства, требовавшие работы в них от зари до зари, больших знаний и больших хозяйственных способностей от их руководителей. Обозначение всех зажиточных хозяйств «кулацкими» представляет собою чисто партийную квалификацию их, совершенно не отвечающую действительности. В 1926/7 г., при советской власти, эти якобы «кулацкие» зажиточные хозяйства, конечно, не занимались ни ростовщичеством, ни торговлей, ни кабальными формами найма. Их зажиточность создавалась трудоспособностью и квалифицированностью их руководителей.

житницей Европы. Но в конце 1927 г. недостаток товарного хлеба уже начал остро чувствоваться и внутри страны, в городах, у фабричных рабочих; через год, осенью 1928 г. вступил в силу первый 5-летний план реконструкции народного хозяйства, проектировавший ускоренную индустриализацию страны, и, следовательно, дальнейшее обострение продовольственного кризиса. До революции городское население получало сельскохозяйственные продукты в порядке рыночного товарооборота. Ликвидация крупного землевладения привела к совершенно неожиданному для советской власти результату — к сильному падению снабжения городов сельскохозяйственными продуктами; городской пролетариат, завоевавший политическую власть, начал голодать. Уже в мае 1928 г. Сталин указывал, что «основа наших хлебных затруднений состоит в том, что рост производства товарного хлеба идет у нас медленнее, чем рост потребностей на хлеб. Растет промышленность. Растет количество рабочих. Растут города. Растут, наконец, районы производства технического сырья (хлопок, лен, свекла и т. д.), предъявляющие спрос на товарный хлеб. А производство товарного хлеба растет убийственно медленным темпом». — «Разве это не факт, что мы уже достигли довоенных норм посевных площадей? Да, факт. Разве это не факт, что валовая продукция хлеба уже в прошлом году равнялась довоенной норме производства, т. е. доходила до 5 миллиардов пудов хлеба? Да, факт. Чем объяснить в таком случае, что, несмотря на эти обстоятельства, мы производим товарного хлеба вдвое меньше, а вывозим за границу хлеба раз в двадцать меньше, чем в довоенное время? Объясняется это прежде всего и главным образом изменением строения нашего сельского хозяйства в результате Октябрьской революции, переходом от крупного помещичьего и крупного кулацкого хозяйства, дававшего наибольшее ко-

личество товарного хлеба, к мелкому и среднему крестьянскому хозяйству, дающему наименьшее количество товарного хлеба. Уже одно то, что до войны мы имели 15-16 мил. индивидуальных крестьянских хозяйств, а теперь мы имеем 24-25 мил. крестьянских хозяйств, — уже одно это говорит о том, что основной базой нашего сельского хозяйства является мелкое крестьянское хозяйство, дающее минимум товарного хлеба». Поэтому выход из продовольственных затруднений «состоит прежде всего в том, чтобы перейти от мелких, отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба. Выход — в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии»^{*)}).

Уже в конце 1927 г. неожиданно обнаружился сильный упадок государственных заготовок хлеба. Если в последние три месяца 1926 г. было заготовлено 4,9 мил. тонн хлеба, то в 1927 г. за те же три месяца было заготовлено только 2,7 мил. тонн, на 2,2 мил. тонн менее. Чтобы выйти из этих затруднений в деле продовольствия, власть в начале 1928 г. прибегла к чрезвычайным мерам принуждения, — применению ст. 107 Уголовного Кодекса^{**)} к зажиточным крестьянам, не сдавшим хлеба, раздаче 25% конфискуемого у зажиточных крестьян хлеба деревенской бедноте,

^{*)} И. Сталин. На хлебом фронте. Правда, 1928.VI.2, перепечатано в «Вопросах Ленинизма». 10-е изд. 1934, стр. 211, 211/2, 214.

^{**)} По 107 статье Уголовного Кодекса РСФСР злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок карается лишением свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой.

конфискации хлебных излишков в административном порядке, незаконным обыскам в целях выявления излишков, постановке заградительных отрядов, запрещению базарной торговли хлебом и его внутридеревенской купли-продажи и т. д.*). Заготовки хлеба «производились в 1927/8 г. отчасти в принудительном порядке... Штрафы и конфискации... действительно практиковались во второй половине 1927/28 г. при производстве хлебозаготовок». На Северном Кавказе власть прибегла к мобилизации бедноты, как и в 1918-1919 гг.: «станичное и сельское население, особенно беднота, были посажены на паек, из местных ресурсов производились недостаточным слоям регулярные выдачи»**). В городах появились заборные книжки и карточки на хлеб.

Этот возврат к порядкам периода продразверстки и комитетов бедноты, памятных для населения с 1918-1920 гг., носил временный характер. В июле 1928 г. власть вернулась к нормальным приемам заготовок***). 1928-29 г. прошел сравнительно спокойно, без особых эксцессов. Но при обсуждении величины контингента хлебных заготовок в 1929-30 г. произошел конфликт между народным комиссаром торговли и Экспертным Советом при Центральном Статистическом Управлении, который утверждал, что урожай 1929 г. ниже урожая 1928 г., при котором было заго-

*) Из постановлений пленума Центр. комитета коммунистической партии в апреле и июле 1928 г., Савельев и Поскребышев. Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, Москва-Ленинград 1931, стр. 440/1, 464/5.

***) А. Михайловский, Баланс рыночного хлеба за 1926/7 и 1927/8 гг. Статистическое Обозрение, 1930, V, стр. 32, 36, 41.

***) Пленум Центр. комитета коммунистической партии, заседавший 4-12 июля 1928 г. постановил ликвидировать «экстраординарные» январские меры, в частности: практику обхода дворов, незаконные обыски и всякого рода нарушения революционной законности; рецидивы продразверстки, закрытия базаров; повысить цены на хлеба.

товлено 9,4 мил. тонн продовольственных хлебов; поэтому заготовить в этом году 13,3 мил. тонн продовольственных хлебов, как проектировал народный комиссар торговли, нельзя*). Советское правительство, однако, утвердило план заготовок в 13,3 мил. тонн. Чтобы заготовить нужное ему количество хлеба, оно прибегло к изданию двух декретов, совершенно изменивших правовой характер заготовок и превративших их в обязательную государственную повинность, исполняемую под страхом тяжелых уголовных наказаний.

Первым из этих декретов, изданных 28 июня 1929 г., изменялась статья 61 Уголовного Кодекса. По старой редакции этой статьи, отказ от выполнения повинности, имеющей общегосударственное значение, в первый раз карался административным взысканием, налагаемым соответствующим органом власти в пределах, законом установленных; во второй раз — принудительными работами на срок до шести месяцев или штрафом в размере неисполненной повинности; неисполнение повинности группой лиц по предварительному соглашению каралось лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года или штрафом в двойном размере повинности.

По новой редакции, отказ от выполнения повинностей и общегосударственных заданий карается в первый раз штрафом, налагаемым соответствующим органом власти, в пределах до пятикратного размера стоимости наложенного задания или повинности; во второй раз — лишением свободы или принудитель-

*) Этот конфликт между властью и статистиками имел очень тяжелые последствия. Он привел к их увольнению из государственных учреждений, преследованию и арестам; они были обвинены во вредительстве, судимы судом революционного трибунала, заточены в тюрьмы и изоляторы. Центр. Статист. Управление было закрыто декретом от 23 января 1930 г. и продолжение его работ передано в одну из секций Гос. Плановой Комиссии (Госплаиа).

ными работами на срок до одного года; за те же действия, совершенные группой лиц по предварительному соглашению с оказанием активного сопротивления органам власти в проведении повинности или заданий, виновные подвергаются лишению свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества, с выселением из данной местности или без такового.

Второй декрет настолько своеобразен, что мы приведем его текстуально:

«Идя навстречу многочисленным ходатайствам бедняцко-средняцких масс районов хлебного производства и, в целях обуздания кулацко-спекулянтских элементов, Всероссийский Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров РСФСР постановляет: 1. Разрешить сельским советам в тех случаях, когда общим собранием граждан (сельским сходом) принято постановление о выполнении в порядке самообязательства всем селом хлебозаготовительного плана и в связи с этим произведена раскладка задания между отдельными хозяйствами, налагать на отдельных хозяев, не выполняющих указанных решений и уклоняющихся от сдачи хлеба, штрафы в административном порядке, в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба, с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества соответствующих лиц. 2. При отказе от сдачи хлеба группами хозяйств и противодействии по проведению хлебозаготовительного плана, предоставить право возбуждать против указанных лиц уголовное преследование по части 3 ст. 61 Уголовного Кодекса РСФСР. 3. Из взыскиваемых в порядке настоящего постановления штрафных сумм, а также сумм, поступающих от продажи с торгов имущества, производится в обязательном порядке отчисление 25%, с обращением их в соответствующие фонды кооперирования и коллективизации деревенской бедноты данной местности».

На Украине аналогичный декрет был издан 3.VII.1929 г. Известно, как принимались в то время «добровольные» постановления сельских сходов и сельских советов: так как они производились открытым голосованием, то никто не смел голосовать против властей предержащих. Материальное заинтересование бедноты в изъятии запасов у зажиточных крестьян в форме 25% отчислений должно было, по опыту 1918-1921 гг. и первой половины 1928 г., обеспечить успех этой организации продовольственного дела.

План заготовок был выполнен; и тем не менее уже осенью 1929 г., вследствие недостатка хлеба в стране, пришлось перейти на пайковое довольствие*). Обычные меры административно-принудительного характера не могли дать советской власти то количество хлеба, в котором она нуждалась. Продовольственные и экспортные затруднения привели Совет народных комиссаров к решению добыть хлеб и другие продук-

*) Кальвин Б. Хувер, бывший членом американской анкетной комиссии, изучавшей в 1929/30 г. положение дел в СССР и проведший в нем несколько месяцев, рассказывает в своей книге о виденном: «Условия жизни в России в течение этого года были самыми скверными со времени Великого голода и перехода к новой экономической политике. Миллионы населения страдают от серьезного недоедания и в некоторых частях Сов. Союза мы наблюдали настоящий голод. В виду такого положения продовольственного дела, сов. правительство решило сохранить уровень жизни рабочих в больших городах за счет всех прочих классов и групп населения. Снабжение почти всеми товарами в Москве лучше чем где бы то ни было в СССР. В течение долгого времени даже хлебный паек московских рабочих был выше, чем в других городах. Каждый отысканный фунт пищевых продуктов, разысканный где-либо в деревне, тотчас из нее увозился. Предполагается, что крестьянам оставляется определенный минимум пищевых продуктов, но во многих случаях у них отбирают всю муку и весь зерновой хлеб. Если какую-либо часть страны постигнет неурожай, крестьяне должны сами искать спасения от голодной смерти, несмотря даже на то, что в предыдущем году они сдали все свои излишки государству». (Calvin B. Hoover, *The Economic Life of Soviet Russia*, 1931, p. 329).

ты сельского хозяйства путем создания большого числа советских хозяйств и сплошной коллективизации крестьянских хозяйств, создания колхозов, которые находились бы, подобно национализированным фабрикам, железным дорогам и кооперативам, в полном подчинении советской власти и отдавали бы ей по ее приказу любые количества хлебов, технических растений и продуктов животноводства по твердым ценам.

В деле совхозного строительства решающее значение имели следующие мероприятия. Политическое Бюро при Центр. Комитете коммунистической партии в апреле 1928 г., а затем июльский пленум Центр. Комитета постановили организовать в течение 4-5 лет в РСФСР и на Украине ряд новых крупных совхозов по производству хлеба в районах, где есть свободные земли, не освоенные крестьянами, с таким расчетом, чтобы к концу этого срока иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 мил. пудов. В августе 1928 г. постановлением Центр. Исп. Комитета СССР был создан зернотрест, которому было поручено выполнение решений партии и правительства по устройству зерновых фабрик.

Вольные земли нашлись только в засушливых степях юго-востока, так что половина занятой ими площади имеет менее 350 миллиметров осадков. Поэтому, основной задачей агротехники в этих зерновых совхозах было сохранение влаги и использование снегового покрова. Средний размер этих зерновых фабрик поражает своей величиной: в 1929 г. он равнялся 100 тысяч гектаров, в 1930 г. — 116 тысяч, в 1931 г. — 90 тысяч.

Затем советская власть приступила к организации мясных и молочных фабрик. 20.XII.1929 г. был организован союз советских хозяйств «Скотовод», 20 марта 1930 г. «Свиновод», затем в том же году «Овцевод» и «Маслотрест». В 1930 г. средний размер

совхоза «Скотовода» составлял 143 тыс. гектаров, «Овцевода» — 113 тыс. гектаров. Овцеводческие совхозы расположены преимущественно в местах с количеством осадков до 200 миллиметров в год на территории сухих степей. Основными задачами этих мясных фабрик было обеспечение скота водою, заготовка кормов и возведение построек на время зимней стужи. Задачи эти при организационной спешке, недостатке агрономических кадров и безхозяйственности заведующих разрешались очень плохо и скот погибал сотнями тысяч голов.

По свидетельству О. Шиллера, эксперта по сельскому хозяйству при германском посольстве в Москве, «в 1932 г. значительная часть совхозов зернотреста находилась в очень плохом состоянии, в том числе и такие, как напр. «Гигант» и «Верблюд» на Северном Кавказе, которые до сих пор считались образцовыми хозяйствами. Засорение полей сорными травами было так велико, что уборка комбайнами урожая была невозможна. Односторонняя установка на эту новейшую уборочную машину оказалась тяжелой производительной ошибкой. Зерновые совхозы лишь с большим трудом достали в соседних колхозах более простые уборочные машины, как сноповязалки или лобогрейки. Поля, не поддавшиеся уборке жатвенными машинами, они должны были попросту скосить ручными косами»^{*)}). С течением времени эти недостатки в работе советских хозяйств были устранены. О росте их числа и посевной площади дают общее представление следующие данные:

	1929	1933	1938
число совхозов	1.536	4.208	3.961
посевная площадь			
в них (тыс. га)	2.274	14.139	12.411

^{*)} О. Schiller, Die Krise der sozialistischen Landwirtschaft in der Sowjetunion. Berlin 1933, S. 35.

Они владеют, по данным 1937 г., 51,1 мил. гектаров земли. Очевидно, совхозное строительство не могло удовлетворить быстро растущий со стороны городского населения и промышленных районов спрос на продукты сельского хозяйства. Отставание темпов развития сельскохозяйственной продукции, в особенности ее товарной части, от темпов развития крупной промышленности и городского населения неизбежно должно было вести к его полуголодному существованию. Если советская власть хотела сохранить ускоренные темпы индустриализации, ей нужно было изыскать способ усиленного изъятия зерновых хлебов и продуктов животноводства из крестьянских хозяйств. Он был найден в их коллективизации.

Лозунг коллективизации был провозглашен коммунистической партией еще на XV съезде, в декабре 1927 г., когда обнаружили первые признаки продовольственного кризиса. Съезд постановил, что «в настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне. Категорически указывая на то, что этот переход может происходить только при согласии на то трудящихся крестьян, партия признает неотложным широко развернуть пропаганду необходимости и выгоды для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству и всемерное поощрение на практике имеющихся уже и заметно растущих элементов крупного коллективного хозяйства в деревне».

Как рассказывал впоследствии Сталин на XVI съезде партии в 1930 г., поворот в сторону колхозного строительства подготовлялся «всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачест-

вом и ходом наших хлебозаготовок в их новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-средняцких масс. Подготавливался он развитием сельскохозяйственной кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготавливался он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущества коллективных форм хозяйства перед индивидуальными хозяйствами. Подготавливался он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники... Совхозы с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом, явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации. Вот на какой основе возникло то массовое колхозное движение миллионов бедняков и середняков, которое началось во второй половине 1929 г. и которое открыло собой период великого перелома в жизни нашей страны»*)).

Мы не можем принять это объяснение. Некоторые моменты указаны в нем верно; другие совершенно не отвечают действительности. Конечно, работой тракторов и комбайнов в совхозах крестьяне заинтересовались; но достаточно вспомнить, как плохо велось хозяйство в совхозах в 1927-1929 гг., чтобы понять, что совхозы должны были производить на крестьян отталкивающее впечатление. Такое же впечатление должны были производить и колхозы. Сельскохозяйственная кооперация в СССР не могла приучать крестьян к коллективному хозяйству, так как ничего кооперативного в ней не было. Реальное значение имели только новое разжигание классовой борьбы в деревне,

*) XVI съезд всесоюзной коммунистической партии. Стенографический отчет, 1930, стр. 30.

организация бедняков для борьбы и насилий над хозяйственными крестьянами, обладавшими избытком сельскохозяйственных продуктов и борьба, под именем «кулаков», против зажиточного крестьянства.

Руководящие социально-политические начала проектируемой сплошной коллективизации крестьянских хозяйств были установлены на пленуме Центр. Комитета коммунистической партии 17 ноября 1929 г. Пленум постановил, что «партия должна упорной и систематической работой обеспечить сплочение батрацко-бедняцкого ядра в колхозах... Важнейшей задачей партийных организаций является всемерное усиление участия и руководящего влияния пролетарских элементов в городах, пролетарских и полупролетарских слое деревни в колхозном движении. К строительству колхозов должны быть привлечены также фабрично-заводские рабочие*). Мощным резервом, из которого должны черпаться руководящие кадры строителей социалистического земледелия, являются индустриальные рабочие. Ц. К. считает необходимым... направить в деревню... не менее 25 тысяч рабочих с достаточным организационно-политическим опытом. В подборе этих рабочих профессиональные союзы должны принять активное участие, выделяя наиболее передовых рабочих». Постановлением Совета народных комиссаров от 4 сент. 1930 г. эти 25-тысячники были закреплены на работе в колхозах еще на год.

Многие из этих рабочих не знали крестьянского хозяйства, и никто из них не знал агротехники и эко-

*) Коммунисты даже утверждали, что рабочие играли главную роль в организации колхозов. «Колхозное движение, — откровенно признает Я. Никулихин, — не есть самостоятельное движение мелких производителей, колхозы не возникли самоотеком. Колхозы создавались, крепились и развивались благодаря руководству и организаторской помощи пролетариата». Я. Никулихин, Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в первой 5-летке. Партийное издательство, 1934, стр. 4.

номики крупного сельскохозяйственного предприятия. Они совершенно не были подготовлены к работе, которая была поручена им коммунистической партией. Некоторые из них откровенно описали в своих заявлениях в партийные органы то нелепое положение, в котором они оказались. Так, один рабочий обратился в районный комитет со следующим заявлением: «Настоящим прошу бюро районного комитета разобрать данное заявление и немедленно заменить мой ответственный пост, на котором я поставлен партией и советской властью. Потому что при наличии тех небольших знаний, которые я имею, нельзя справиться с возложенной на меня работой и выполнить в срок то великое дело, которое поручила мне партия и перед которой я являюсь ответчиком за порученный пост. Я вошел в такой тупик, из которого не выйти. Хожу как дурак и ничего не соображаю и не знаю, за что взяться. Прошу принять меры к снятию меня с этого поста». Заявление другого рабочего не менее решительно. «Я нахожусь в Бежаницкой районной колхозной секции на руководящей работе. Прошу снять меня с этой работы по следующей причине. Я совершенно неграмотный, самоучкой дошел до того, чтобы немного разбираться в печатном шрифте. Я считаю, что правильного руководства не может быть там, где неграмотный руководитель. Я не могу разобраться в рукописях, циркулярах, различных постановлениях, поэтому ничего не могу провести в жизнь. Об этом я еще указывал в заявлении в отборочную комиссию, но комиссия признала мотивировку неуважительной. Прошу направить меня на производство»*).

Из 651 человек 25-тысячников, направленных на колхозное строительство в Ленинградскую область,

*) Оба письма опубликованы в брошюре А. Максимова «Двадцатипятидесятники в колхозах», Ленинград, 1931, стр. 32-33.

за год были сняты с работы или ушли с нее 199 человек, или 30,6%*).

Для установления необходимого единства в планировании и руководстве сельским хозяйством и сосредоточения в едином центре управления совхозами и колхозами, Центр. Исп. Комитет постановил 7.XII.1929 г. образовать объединенный Народный Комиссариат земледелия Союза ССР.

27 декабря 1929 г. на заседаниях Конференции аграрников марксистов Сталин заявил, что советская власть перешла от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса**).

5.I.1930 г. Центр. Комитет коммунистической партии принял соответствующее постановление. 1 февр. 1930 г. Центр. Исп. Комитет и Совет Нар. комиссаров предоставили краевым и областным исп. комитетам право применять «все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев», с передачей их конфискованного имущества в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, вступающих в колхозы.

Основною формой колхозного строительства была признана сельскохозяйственная артель, а не коммуна***); было намечено, что коллективизация основ-

*) Там же, стр. 39.

***) Труды первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов, т. I, Москва, 1930, стр. 446.

***) Коммуны считались в первые годы после октябрьской революции высшей, идеальной формой коллективного хозяйства. Затем было открыто, что коммуна — учреждение мелкобуржуазного характера. На XVII съезде партии Сталин дал след. критику ее организационных принципов: «В отличие от артели, где обобществлены только средства производства, в коммунах до последнего времени были обобществлены не только средства производства, но и быт каждого члена коммуны, т. е. члены ком-

ных зерновых районов, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ, должна быть в основном закончена осенью 1930 г. или, во всяком случае, весной 1931 г., всех других районов — осенью 1931 г. и не позже весны 1932 г. Еще раньше, 21.VI.1929 г. Центр. Исп. Комитет и Сов. Нар. комиссаров признали «особое значение» за организацией крупных колхозов, имеющих более 2.000 гектаров посева*). В это же время была установлена обязанность колхозов сдавать государству по заготовительным ценам все свои товарные излишки.

Совокупность этих мероприятий, энергично проводимых органами советской власти на местах и коммунистическими организациями, при активной поддержке деревенской бедноты и городских рабочих, в несколько месяцев преобразила русскую деревню.

*) К числу нелепостей того времени принадлежит создание гигантских колхозов в десятки тысяч гектаров, объединяющих несколько селений, в то время как на лицо не было ни соответствующей технической базы, ни кадров организаторов, способных вести столь крупное хозяйство. Так напр., в Средне-Волжском крае в начале 1930 г. были образованы колхозы в 84 тыс. гектаров (с 50 селениями), 55 тыс. гектаров (с 29 селениями, 5.767 хозяйствами, 33.533 чел. населения), 50 тыс. гект. и др. (Известия 1930, I, 20).

муны в отличие от членов артели не имели в личном владении домашнюю птицу, мелкий скот, корову, зерно, приусадебную землю. Это значит, что в коммунах личные, бытовые интересы членов не столько учитывались и сочетались с интересами общественными, сколько заглушались последними в интересах мелкобуржуазной уравниловки. Понятно, что это обстоятельство является самой слабой стороной коммуны. Этим собственно и объясняется, что коммуны не имеют большого распространения и попадаются лишь единицами и десятками». («Известия» 1934 г., 28 января).

Темпы коллективизации были поразительны. Процент коллективизированных крестьянских хозяйств равнялся*):

1928 г., 1 июля	1,7%
1929 г., 1 июля	3,9
” октябрь	4,1
1930 г., 20 января	21,0
” 10 марта	58,0

В пять месяцев русское крестьянство было коллективизировано более чем на половину.

В то же время началось падение животноводства. Количество скота (в мил. голов) за интересующие нас годы (на весну) изменилось следующим образом**):

	лошади	крупн. рогатый скот	овцы и козы	свиньи
1929 г.	34,0	68,1	147,2	20,9
1930	30,2	52,5	108,8	13,6
1931	26,2	47,9	77,7	14,4
1932	19,6	40,7	52,1	11,6
1933	16,6	38,6	50,6	12,2

Таким образом, с первого же года проведения сплошной коллективизации крестьянских хозяйств началось катастрофическое падение животноводства.

Эти результаты принудительной массовой коллективизации крестьянских хозяйств заставили советскую власть пересмотреть и смягчить свои директивы, умерить усердие коммунистов и советских работников в деревне. Было официально заявлено, что директивы советской власти и коммунистической партии были поняты неправильно, что генеральная ли-

*) Материалы первого всесоюзного съезда колхозников-ударников, Москва, 1933, стр. 38/9.

***) Доклад Сталина в «Известиях», 1934, 28 января.

ния партии была «искривлена». Центральный Комитет коммунистической партии признал 15.III.1930 г., что при проведении сплошной коллективизации был нарушен «принцип добровольности в колхозном строительстве. В ряде районов добровольность заменяется принуждением к вступлению в колхозы под угрозой раскулачивания, под угрозой лишения избирательных прав и т. д. В результате в число «раскулаченных» попадает иногда часть середняков и даже бедняков, причем в некоторых районах процент «раскулаченных» доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав — до 15-20. Наблюдаются факты исключительно грубого, безобразного, преступного обращения с населением со стороны некоторых низовых работников... (мародерство, дележка имущества, арест середняков и даже бедняков и т. п.). При этом в ряде районов подготовительная работа по коллективизации и терпеливое разъяснение основ партийной политики как бедноте, так и середнякам, подменяется бюрократическим, чиновничьим декретированием сверху. Наряду с этими искривлениями наблюдаются в некоторых местах недопустимые и вредные для дела факты принудительного обобществления жилых построек, мелкого скота, птицы, нетоварного молочного скота и в связи с этим попытки к головотяпскому перескакиванию с артельной формы колхозов, являющейся основным звеном колхозного движения, к коммуне... Наконец, Центральный Комитет считает необходимым отметить совершенно недопустимые искривления партийной линии... в области товарооборота между городом и деревней. Мы имеем в виду... упразднение в ряде мест рынков и базаров, ведущее к ухудшению снабжения города».

После оглашения этого постановления начался быстрый распад принудительно созданных колхозов и процент коллективизированных крестьянских хозяйств стал быстро падать:

1930 г., 10 марта	58%
апрель	37
май	28
июнь	24
сентябрь	21

Интересно установить, откуда происходят те земли, которые в первые годы принудительной коллективизации поступили во владение колхозов и колхозников. Обстоятельную справку по этому вопросу дал народный комиссар земледелия Яковлев, руководивший всей кампанией по сплошной коллективизации крестьянских хозяйств. На съезде колхозников-ударников в 1933 г. он сообщил: «Те крестьяне, которые состоят теперь в колхозах, в 1928 г., когда они были единоличниками, засевали 60 мил. гектаров, а теперь они засевают 90 мил. гектаров. Крестьяне, вступившие в колхоз, засеяли свою землю, ту, которую они обрабатывали, когда были единоличниками. Они засевают теперь, кроме того, землю кулаков, а ведь кулаки миллионов 15 гектаров засевали. Где эта земля теперь? Почти вся у колхозов. Любой из вас пусть вспомнит: где та земля, которая в вашем селе раньше засеивалась кулаком? У кого она теперь? У вас. Дальше, те крестьяне, которые остались еще единоличниками, ведь сократили свои посевы, — они сеют меньше, чем раньше. Где та часть их земли, которую они более не засевают? Опять-таки у колхозов. Кроме того, колхозы распахали новых земель по крайней мере 10 мил. гектаров»^{*}). По другим сведениям, прирост посевной площади складывается из 12 мил. гектаров, засевавшихся раньше «кулаками», 8 мил. гектаров, засевавшихся прежде трудовыми единоличны-

^{*}) Материалы первого всесоюзного съезда колхозников-ударников, Москва 1933, стр. 88.

ми хозяйствами, ныне от них отобранных, и 9 мил. гектаров новых земель, разработанных под посев*).

Термин «кулак» имел в русской деревенской жизни совершенно определенное содержание. Особенно много внимания описанию «кулака» уделил Глеб Успенский. По определению К. Д. Кавелина, «кулак — это притеснитель, разжившийся бездушной, бессердечной эксплуатацией бедных и беспомощных, «жмач», как у нас выражаются, пиявка, которая напивается чужими бедами и горем**). Кулачество развелось в пореформенной русской деревне на основе ее крайней бедности и нужды в кредите. Развитие кредитной кооперации в дореволюционной России уничтожило главный корень этого бытового явления. В советской деревне кулачества не было. Коммунисты, однако, вновь пустили этот старый термин, наполнив его новым содержанием.

В законодательных актах мы не найдем определения этого понятия, игравшего и продолжающего играть такую фатальную роль. В дореволюционной России зажиточные крестьяне приобретали свой достаток не только эксплуатацией своих сельчан, но и собственным трудом. Уже в 1880-х гг. на юге России, в Новороссии и на Северном Кавказе получили широкое распространение жнеи различных систем, конные молотилки, железные плуги и буккера, конные соломорезки, рессорные фургоны и пр. Буккер и жнейка произвели переворот в экономике крестьянского хозяйства: они удвоили рабочую способность семьи. В северных уездах Таврической губернии уже в последней четверти XIX века крестьянские хозяйства делились на следующие группы по размерам посева:

*) Правда 1933, X, 2.

***) Собрание сочинений, т. II, стр. 635.

не сеющих	6,7— 9%
с посевом до 5 десятин*)	11 —12
— — 5-10	20 —22
— — 10-25	38 —41,8
— — 25-50	15,1—19
более 50	3— 4,4

Зажиточные крестьяне, сеющие более 20 десятин, во время уборки урожая работали днем и ночью; подростки и молодые женщины падали во время работы к вечеру и тут же засыпали, так что в хату их относили сонными. Наемные рабочие не хотели работать так, как работали семьи зажиточных крестьян, и называли их работу каторжною. Зажиточность этих крестьян создавалась не эксплуатацией своих соседей, а их собственным трудом**). Все они получили от коммунистов кличку «кулаков» и были ликвидированы.

По свидетельству проф. Аугагена, прожившего много лет в Советской России и лично наблюдавшего начало сплошной коллективизации русского крестьянства в 1929/1930 г., «под кулаком мы не должны представлять себе крупного крестьянина западноевропейского типа; часть из них пользовалась до войны хозяйственным достатком, но с тех пор их хозяйства были разорены и, несмотря на некоторый подъем в годы новой экономической политики, по нашему мнению, они все должны быть отнесены к среднему и мелкому крестьянству. Главным законодательным признаком кулака является то, что он когда-то в своей жизни имел постоянных наемных рабочих, хотя бы одного»***). Фактически в кулаки бы-

*) Десятина равна 1,09 гектара.

***) В. Постников, Южно-русское крестьянское хозяйство, Москва, 1891, стр. 89, 111, 146, 165.

***) Die Rote Wirtschaft, ein Sammelwerk, 1932, Seite 109.

ла записана главная масса крестьян, производивших хлеб на продажу и кормивших им городское население СССР. Как в период комитетов бедноты, эти производящие хлеб и другие сельскохозяйственные продукты хозяйства были отданы властью на поток и разграбление деревенской бедноте.

В журнале «На аграрном фронте» мы находим следующую характеристику процесса раскулачивания, как он практиковался в 1929/1930 году:

«Система мероприятий по раскулачиванию, которая имеет место в настоящее время, выражается в следующем:

«1. Отобрание у хозяйств, признанных кулацкими всех средств производства.

«2. Изъятие из рук этих хозяйств денежных накоплений (с употреблением полученных в результате этого изъятия денежных сумм главным образом на покрытие членских и паевых взносов входящей в колхоз бедноты и на погашение числящейся за кулацкими хозяйствами задолженности по штрафам, недоимкам и кооперативному кредиту).

«3. Отобрание у кулацких хозяйств жилых и хозяйственных построек, а также домашнего имущества и продовольственных запасов.

«4. По отношению к некоторым кулацким хозяйствам — выселение: а) за пределы деревни, но в том же районе (с выделением им рабочего скота и инвентаря для ведения на новых местах трудового хозяйства); б) за пределы района, главным образом на Север, в Сибирь и Дальневосточный край; в последнем случае подвергаются выселению или кулацкие семьи в полном составе, или главы семей, или же семьи без домохозяина, когда последний за контрреволюционные выступления подлежит аресту и тюремному заключению»*).

*) На аграрном фронте, 1930, V, стр. 86.

Местные организации часто с одинаковым усердием отбирали у «кулаков» и лошадь и молотилку, и сало, и моченые яблоки. «Кулаков» оставляли «в одних портках». Их имущество «шло почти повсеместно не на укрепление колхоза (кроме средств производства), а в раздел среди малоимущих (порой тех же самых активистов, которые производили изъятие)»*).

В другой книжке того же журнала мы находим еще следующие подробности. «Смысл процесса раскулачивания в районе (т. е. на местах, в советской деревне. С. П.) сводился не к лишению средств производства класса кулаков, не к использованию этих средств для укрепления производительной базы колхозов, словом не к ликвидации кулака как класса, а к изъятию у отдельных лиц имущества (вплоть до склянок с несколькими каплями иода) и передачи его в собственность колхозов, учреждений и отдельных лиц, главным образом служащим и бедноте в порядке продажи (был случай продажи двухэтажного полукаменного дома, изъятых в порядке раскулачивания, одной из организаций за 1 р. 50 коп.; другого дома за 41 коп.; швейной машины за 7 рублей; брюк суконных за 20 коп. и т. д.). Дело, как видим, сводилось не к ликвидации определенного класса, а, во-первых, к изъятию имущества, по мнению того или иного представителя районной или деревенской организации вредного лица; во-вторых, к удовлетворению потребительских интересов отдельных групп батрачества, бедноты и служащих, и наряду с этим, в-третьих, к сведению классовых, а подчас и личных счетов с данным отдельным лицом. Весь этот процесс проходил под знаменем: Довольно вы поносили хорошую шубу, дайте теперь нам поносить»*).

Но самой жестокой мерой было выселение «ку-

*) Там же, стр. 89, 134.

***) На аграрном фронте, 1930, VII-VIII, стр. 94, 96.

лаков» и их семей на Север и в Сибирь, часто с заключением в концентрационных лагерях и принудительными работами на лесозаготовках. Инициатором этих мер был, повидимому, Ю. Ларин. На конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. он поставил вопрос, на который требовал «ясного» ответа: «что же сделать в будущем с нынешними кулацкими семьями? Ведь у нас на кулацкое население приходится до пяти процентов жителей деревни, несколько миллионов человек. Мы не стоим на той точке зрения, что всех кулаков и их потомство надо немедленно расстрелять». Ларин рекомендовал заменить расстрел следующими мерами: 1) полной и без всякого вознаграждения передачей кулацкого имущества государству, 2) выселением кулацких семей из районов их прежней жизни и 3) отдачею на принудительный труд в сельскохозяйственные коммуны. После проведения этих мер советская власть может «амнистировать» кулаков и их потомство*). Осуществление получила только часть этой программы. Как рассказывает проф. Аугаген, «ликвидация кулачества выразилась в ссылке крестьян, которые не совершили никаких преступлений, которые не принимали участия ни в каких политических конспирациях, единственной виною которых было то, что они своим трудолюбием и производительностью своего труда достигли хозяйственного достатка. В ту зиму (1929-1930 г.) ушло в ссылку не менее 500.000 человек»**).

Так был ликвидирован советской властью тот слой руководителей европеизированных крестьянских хозяйств, производящих продукты на рынок, который с таким трудом был создан за время жизни двух поколений крестьян после падения крепостного права в 1861 г.

*) Труды первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов, том I, стр. 74-76.

**) Die Rote Wirtschaft, 1932, S. 109-110.

Затруднения по изъятию заготавливаемого хлеба из колхозов и единоличных хозяйств привели советскую власть к мысли заменить договорную систему заготовок твердыми обязательствами по сдаче зерна государству по определенным нормам. По постановлению Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 13 апреля 1930 г. колхозы в районах преимущественно зернового хозяйства обязаны были сдавать государству от одной четверти до одной трети валового сбора, исходя из расчета среднего урожая; при урожае выше или ниже среднего нормы сдачи могли быть повышены или снижены; в незерновых районах норма сдачи не должна превышать одну восьмую валового сбора; с бобовых сдача должна быть не менее 50% валового сбора. С подсолнуха не менее 70% сбора.

До конца 1932 г., когда была разрешена колхозная торговля, этот декрет не применялся, и все товарные «излишки» колхозных хозяйств непосредственно поступали в распоряжение заготовительных учреждений. В конце 1932 г. правительство решило, для упорядочения продовольственного дела, принять следующие меры:

1) Вместо договоров на поставку зерновых хлебов был введен хлебный налог, ставки которого ежегодно утверждаются Советом народных комиссаров СССР.

2) Установлена оплата работ машино-тракторных станций на колхозных полях натурою, долею урожая, напр., за вспашку и засев полей под зерновые хлеба, их уборку и обмолот машино-тракторные станции получали 20% урожая.

3) Разрешена после исполнения государственных поставок продажа колхозами, колхозниками и единоличниками хлеба и других сельскохозяйственных продуктов на колхозных базарах по вольным, ненормированным ценам.

4) Для руководства работой совхозов и колхозов, при совхозах и машино-тракторных станциях были созданы политические отделы из присланных из центра коммунистов. На эти отделы была возложена задача очистить колхозы и машино-тракторные станции от классово-чуждых элементов, воспитать у колхозников сознание необходимости первоочередного выполнения обязательств перед государством по сдаче продуктов и стать проводниками государственного руководства колхозами*).

Нормы хлебных поставок в центнерах были установлены постановлением Совета народных комиссаров и Центрального Комитета коммунистической партии от 20 февраля 1933 г. Нормы сдачи зерна единоличными крестьянскими хозяйствами были установлены на 5-10% выше норм, установленных для колхозов, не обслуживаемых машино-тракторными станциями. Если мы примем за 100 валовой сбор хлебов в 1928-1930 гг., то эти нормы составят в центнерах и процентах валового сбора**):

	нормы сдачи зерна колхозами				нормы сдачи единоличными хозяйствами		
	средний урожай центнер.	необслуж. МТС цент. в %	обслуж. МТС цент. в %	необслуж. МТС цент. в %	обслуж. МТС цент. в %	необслуж. МТС цент. в %	обслуж. МТС цент. в %
Северный край	8,5	0,8	9,4	2,3	27,1	0,9	10,6
Ивановская обл.	9,2	0,8	8,7	2,4	26,1	0,9	9,8
Московская "	8,7	1,7	19,5	3,0	34,5	1,9	21,8
Центр. черноз.	8,4	3,0	35,7	4,3	51,2	3,3	39,3
Украина	9,0	3,1	34,4	4,3	47,8	3,4	37,8
Северный Кавказ	7,0	2,5	35,7	3,5	50,0	2,8	40,0
Уральская обл.	8,7	1,9	21,8	3,2	36,8	2,1	24,1
Казахстан	6,8	2,0	29,4	2,9	42,6	2,2	32,4

*) Давыдов, Роль политотделов в укреплении колхозного строя. На аграрном фронте, 1935, I, стр. 30.

***) Бюллетень Экономического Кабинета проф. Прокоповича, Прага 1933 г., № 103.

Тяжесть этой системы поставок увеличивалась еще обязательством сдачи яровых хлебов не с фактически засеянной и убранной площади, а с установленного властью плана посева; такой способ обложения принуждал колхозы и единоличников засеивать во что бы то ни стало всю площадь, назначенную по плану. Мясозаготовки по декретам от 23.IX.1932 и 28.VIII.1933 также установлены были не со штуки скота, а с двора колхозника и единоличника, независимо от того, есть ли у него скот и сколько. Твердые нормы сдачи, независимые от урожая, в годы плохих урожаев могут оказаться не только тяжкими, но и разорительными. Обложение единоличных крестьян было установлено на 5-10% выше обложения колхозов, хотя при расчете на крестьянский двор в колхозе приходится посева на двор почти вдвое больше, чем засеивает двор единоличника; колхозники были обложены на 5% выше колхозов и на 5% ниже единоличников.

Торговля на колхозных базарах по вольным ценам была разрешена в очень странной форме. Железные дороги не принимали грузов от частных отправителей. Поэтому продукты на базары могли быть привезены только пассажирами-мешочниками, проводящими их в форме ручной клади или багажа. Чтобы привезти в Москву центнер мяса, нужно «проехать 500-600 километров вдвоем, ибо в багаж мясо сдавать нельзя, в пассажирском вагоне его тоже везти нельзя. Чтобы провезти мясо в этих условиях полной неорганизованности доставки его в центр, мясо надо замаскировать, запаковать в корзины или чемоданы и везти, если речь идет о 4 или 5 пудах, уже вдвоем, так как одному больше двух пудов везти нельзя». Невыгодно также для колхозника требование, чтобы он лично производил продажу продуктов своего хозяйства на базарах. «Вопрос сейчас сводится к тому, чтобы помочь колхознику доставить его

продукты на рынок и продать их с наименьшей затратой времени и сил. Надо учесть, что колхозник-производитель больше всего сейчас ценит трудодень, что у него и вкуса большого нет к тому, чтобы продавать по 50 или 100 граммов масла и возиться с разрубкой, развеской мяса. Он должен быть обеспечен такими условиями, при которых мог бы продать свой товар как можно быстрее». Колхознику нужна помощь торгового посредника, который взял бы на себя доставку продукта его хозяйства на базар и его продажу в розницу потребителям. Поэтому, несмотря на запрещение торгового посредничества в базарной торговле, в сбыте мясных, молочных и овощных продуктов «скупка у колхозников продуктов и перепродажа их на рынке носят массовый характер»*).

На колхозных рынках было сбыто крестьянами продуктов их хозяйства: в 1932 г. на 7,5 миллиардов рублей, в 1937 г. на 17,9 млрд. р., в 1938 г. на 24,4 млрд. р. Чрезвычайно высокие, голодные цены на продукты продовольствия в годы войны, постепенно снижавшиеся в послевоенные годы, дали крестьянам неоккупированных немцами и не разоренных войною областей, энергично работавших на своих хозяйствах и имевших продукты на продажу, большие заработки.

Мы должны еще вкратце остановиться на хозяйстве единоличных крестьян, в колхозы не вошедших. Их положение определяется тем, что они являются в Союзе ССР представителями преследуемой формы хозяйства, обреченной советской властью на уничтожение. При образовании колхозов ближе расположенные к селению земли включались в колхозные массивы, единоличникам отводилась земля за границами колхозной, далеко от дворов и во многих случаях худшего качества. Такой способ перераспределения зе-

*) Социалистическое земледелие, 12 янв. 1936 г.

мель особенно тяжело ударил по единоличным хозяйствам на Украине и в Белоруссии, где переделы земель давно уже прекратились и каждый крестьянин имел если не полное право собственности, то право наследственного владения и распоряжения принадлежавшими ему полосами, позволявшее рачительным хозяевам заботиться об углублении их пахотного слоя и повышении урожайности, и на северных подзолах и суглинках, на которых земля требует навозного удобрения. И во всей своей последующей деятельности единоличники являются ограниченными в своих хозяйственных правах по сравнению с колхозниками. В органе Аграрного Института Коммунистической Академии мы находим такой директивный взгляд на права единоличника в статье Кирова: «Став на путь коллективизации, мы должны прийти к 100-процентной коллективизации, и растягивать без конца этого нельзя. И для успешного решения этой задачи крайне важно, чтобы колхозники были во всем поставлены в преимущественное положение перед единоличником, чтобы единоличник в колхозе видел для себя единственный выход к лучшей, зажиточной жизни. Надо жизнь колхоза построить таким образом, чтобы сразу можно было отличить колхозника от неколхозника, чтобы каждый колхозник реально на деле каждый день чувствовал свое преимущество перед единоличником»^{*)}).

Единоличные хозяйства специальным обследованием не подвергались и мы очень мало знаем о строении их хозяйства. Лишь по Московской обл. в 1935 г. было проведено их изучение; опубликованы только самые общие сведения об обследованных хозяйствах^{**}). По этой анкете сельское хозяйство было един-

^{*)} С. Киров. Марксизм-Ленинизм — это единственная наука, которая учит трудящихся побеждать своих врагов. На аграрном фронте, 1934, XII, стр. 11.

^{**}) План, 1935, XII, стр. 59.

ственным средством существования только для 23% единоличников; в 77% хозяйств один или несколько человек семьи имели заработок у себя в районе или на стороне. По основным источникам дохода хозяйства распределялись след. образом: 23% хозяйств получали основной доход от земледелия, 23% — от работы по найму, 19,5% — от работы по найму и от сельского хозяйства, 24,5% — от извоза и 10% — от самостоятельных промыслов и других источников.

Процесс принудительной коллективизации крестьянских хозяйств за 1929-1938 гг. привел к почти полной ликвидации единоличных крестьянских хозяйств (в тысячах, на 1 июля каждого года):

	число дворов в колхозах	% коллективизации	число единоличн. дворов	всего крестьянских дворов
1928	416,7	1,7	24.573	24.989,7
1929	1.007,7	3,9	24.462	25.469,7
1930	5.998,1	23,6	19.727	25.725,1
1931	13.033,2	52,7	11.672	24.705,2
1932	14.918,7	61,5	9.428	24.346,7
1933	15.258,5	65,6	8.001,4	23.259,9
1934	15.717,2	71,4	6.295,7	22.012,9
1935	17.334,9	83,2	3.500,3	20.835,2
1936	18.448,4	90,5	1.936,6	20.385,0
1937	18.499,6	93,0	1.392,4	19.892,0
1938	18.847,6	93,6	1.309,9	20.157,5

Советские экономисты обращают в этом процессе внимание только на колоссальный рост числа колхозных крестьянских дворов и чрезвычайное падение числа единоличных дворов, в колхозы не вошедших. Однако, замалчиваемая ими сторона этого процесса имеет, по нашему мнению, первостепенное народнохозяйственное значение. Мы имеем в виду общее уменьшение числа крестьянских дворов в стране. Крестьянское население дореволюционной России несомненно страдало от аграрного перенаселения. Уменьшение числа хо-

зяйственных дворов на 20% должно было соответственно увеличить площадь землепользования оставшихся на земле крестьян и, следовательно, улучшить условия их хозяйственной деятельности. Значительная часть избыточных 20% крестьянского населения нашла приложение своему труду в промышленности; за последние десять лет главным источником пополнения рядов фабричного пролетариата были единоличные крестьяне, разоряемые и изгоняемые из деревни политикой коллективизации.

Показателем характера и меры влияния политики коллективизации крестьянского хозяйства на производительность национального сельского хозяйства могут служить данные о динамике посевных площадей (в мил. гектаров), валовом сборе зерновых хлебов (в мил. центнеров), количестве скота (в мил. штук) и валовом доходе (в мил. рублей 1926-27 года):

(См. таблицу на стр. 206)

	Посевная площадь		валовой		валовая продук-	
	вся	под зернов. хлебами	сбор зерн. хлебов	лошади (на июнь года)	рогатый скот	ция сельск. хозяйства
1913	105,0	94,4	801,0	35,8*)	60,6*)	12.607
1922	77,7	66,2	562,7	24,1	45,8	10.620
1928	113,0	92,2	733,2	35,5	66,4	15.100
1929	118,0	95,9	717,4	34,6	67,1	14.745
1930	127,2	101,8	835,4	30,8	53,0	14.008
1931	136,3	104,4	694,8	26,2	47,9	13.944
1932	134,4	99,7	698,7	19,6	40,7	13,072
1933	129,7	101,6	898,0	16,6	38,4	14.017
1934	131,4	104,7	894,0	15,7	42,4	14.591
1935	132,8	103,4	901,0	15,9	49,2	16.097
1936	133,8	102,4	827,3	16,6	56,7	14.900**)
1937	135,3	104,4	1.202,9	16,7	57,0	19.759
1938	136,9	102,4	949,9	17,5	63,2	20.123

*) За 1916 г.

***) Цифра приблизительная, определенная по величине падения сбора зерновых хлебов и росту количества рогатого скота в 1936 г.

В 1933 г. был изменен способ учета урожая зерновых. До тех пор учету подвергалось зерно, собираемое сельскими хозяевами в амбары. С 1933 г. начал подвергаться учету урожай на корню, в поле, или биологический урожай, со скидкой 10% на неизбежные потери во время уборки. Но фактические потери при тех способах уборки, которые в настоящее время применяются в Советской России, составляют, по данным советской печати, 20-25% урожая на корню. Следовательно, советская статистика давала с 1933 г. заведомо преувеличенную цифру сбора зерновых хлебов, несравнимую с теми цифрами, которые исчислялись этой статистикой по 1932 г. включительно. Чтобы получить сравнимые данные, мы должны вычесть на потери при уборке из цифры урожая на корню не 10%, а значительно более. Наряду с официальными данными о размерах урожая на корню, в советской экономической печати были также опубликованы данные о размерах собранного в амбары урожая в колхозах. Н. Ясный собрал эти данные за 1933-1936 и 1937-1939 гг. и сравнил их с биологическим урожаем. Это сравнение дало след. результаты (в центнерах, миллионах центнеров и процентах)*):

	урожай с гектара		весь сбор хлебов		амбарный
	биолог.	амбар.	биолог.	амбар.	меньше
					биологиче
					ского в %
1933	8,8	6,7	898	682	24,1
1934	8,5	7,1	894	744	16,8
1935	8,7	7,5	901	771	14,4
1936	8,1	6,4	830	655	21,1
1937	11,5	9,2	1.203	959	20,3
1938	9,3	7,4	949	759	20,0
1939	10,7	8,2	1.065	822	22,8

*) N. Jasny, *The Socialized Agriculture*, 1949, pp. 544, 548, 730-731, 735, 738, 745.

В 1933 г. еще продолжало действовать разложение крестьянского хозяйства, произошедшее в 1931-1932 гг.; 1936 г. был неурожайным, и официальная цифра урожая была исчислена в преувеличенном размере. В 1934-1935 гг., при скидке с биологического урожая 10%, разность между амбарным и официальным урожаем достигает приблизительно 15%. Когда в 1937 г., был прекращен вычет 10% на утери*), разность между амбарным и официальным урожаем повысилась до 20-23%. В 1942 г. было запрещено вообще учитывать амбарный урожай в колхозах.

В 1939 г. эта система учета была распространена на технические культуры и затем на все культуры, так что государственная инспекция по определению урожайности должна исходить из биологического урожая на корню с одного гектара**). Следовательно, осыпавшиеся при жнитве, перевозке и обмолоте зерна хлебов, оставшиеся в земле клубни картофеля и свекла или хлопок, не убранные с поля из-за выпada снега, по инструкции 21 июля 1939 г. должны были включаться в валовую продукцию и доход от сельского хозяйства***).

*) Словарь-справочник по социально-экономической статистике, Москва 1944, стр. 88; N. Jasny, Intricacies of Russian National-Income Indexes, The Journal of Political Economy, vol. LV, No. 4, p. 302.

**.) Очередные задачи Государственной инспекции по определению урожайности при Госплане СССР, Плановое хозяйство 1947, II, стр. 38.

***.) По этой инструкции, утвержденной Экономическим Советом при Совете Народных Комиссаров Союза ССР в размеры урожая включаются, сверх продуктов, фактически собранных при уборке урожая:

1) по хлопку — количество сырца, опавшего на землю или оставшегося после сбора в створках коробочек и содержащегося в несобранных коробочках, а также потерь при транспортировке;

2) по льну-волокну и конопле-волокну — количество

Посевная площадь под хлебами и их амбарный чистый сбор на человека дали за интересующий нас период следующий рост (в гектарах и центнерах):

(См. таблицу на стр. 210)

продукции, недоучтенной в отчетах совхозов и колхозов, и оставшейся в поле и на стлищах (в мочилах) вследствие неполной уборки стеблей при тереблении и при подъеме со стлищ (выемке из мочил) тресты;

3) по сахарной свекле — количество свеклы, недоучтенной в отчетах совхозов и колхозов и все потери свеклы с момента копки до окончания уборки и вывозки, как-то: невыкопанные корни или части корней свеклы, потери от неправильной обрезки хвостиков и ботвы, корни, оставшиеся неподобранными во время уборки, потерянные при транспортировке и скормленные скоту, хищение, потери от увядания при хранении свеклы в поле до вывозки;

4) по картофелю — количество картофеля, недоучтенного в отчетах колхозов и совхозов о ходе его уборки, включая и картофель, выкопанный в порядке летней подкопки; неучтенный расход картофеля на общественное питание и корм скоту на поле во время уборки, а также потерянный во время транспортировки, подвергшийся хищению; безучетные выдачи картофеля за работы на уборке;

5) по подсолнечнику, семенам льна, северной конопли и клеveщины — количество семян, недоучтенных в отчетах колхозов и все потери семян с момента созревания до окончания уборки и обмолота, как-то: семена, осыпавшиеся на корню от перестоя, при уборке и транспортировке до взвешивания на колхозном току, семена, оставшиеся в поле на неубранных растениях, оставшиеся в мякине, шляпках, в ворохе и соломе после обмолота и провеивания, и семена, подвергшиеся хищению на поле.

	посевная площадь под хлебами			сбор хлебов			
	население	вся	на че- ловека	валовой сбор	высев*)	чистый сбор	на че- ловека
1913/14	139,3	94,4	0,68	801,0	121,8	679,2	4,9
1922/23	134,3**)	66,2	0,49	562,7	85,4	477,3	3,6
1928/29	154,2	92,2	0,60	733,2	118,9	614,3	4,0
1929/30	157,4	95,9	0,61	717,4	123,7	593,7	3,8
1930/31	160,4	101,8	0,63	835,4	131,3	704,1	4,4
1931/32	163,2	104,4	0,64	694,8	134,7	560,1	3,4
1932/33	165,7	99,7	0,60	698,7	128,6	570,1	3,4
1933/34	162,5**)	101,6	0,63	682,0	131,1	551	3,4
1934/35	159,3**)	104,7	0,66	744	135,1	609	3,8
1935/36	161,2**)	103,4	0,64	771	133,4	638	4,0
1936/37	163,6**)	102,4	0,63	655	132,1	523	3,2
1937/38	167,0**)	104,4	0,63	959	134,7	824	4,9
1938/39	170,5	102,4	0,60	759	132,1	627	3,7
1939/40	174,0	99,7	0,57	822	128,6	693	4,0

В течение всего этого периода посевная площадь под зерновыми хлебами при расчете на одного человека оставалась почти неизменной, чистый сбор хлебов, благодаря росту урожаев, несколько увеличился, с 3,8 центн. на человека в первую пятилетку до 3,86 центнера во вторую; однако, довоенный уровень сбора хлебов, 4,9 центнера на человека, достигнут не был. Если создание большого числа советских хозяйств и почти сплошная коллективизация крестьянских хозяйств с очень крупными затратами на машинно-тракторные станции лишь в малой степени увеличили производство хлебов, то мероприятия эти в чрезвычайных размерах повысили их товарность. С 1929 г. вопрос об успешности государственных заготовок хлеба и др. продуктов занимает центральное место в сельскохозяйственной политике советской власти. Советские

*) Высев на гектар принят равным 1,29 центн.

***) Цифры приблизительные.

хозяйственники в своих агитационных выступлениях совершенно откровенно называют своевременное выполнение обязательств по сдаче хлеба государству и натуральной оплаты работы машинно-тракторных станций «первейшей заповедью» колхозов*). Сталин констатировал на XVIII съезде коммунистической партии в марте 1939 г., что «высокая товарность совхозно-колхозного производства является его важнейшей особенностью, имеющей серьезнейшее значение для снабжения страны. В этой именно особенности колхозов и совхозов заключается секрет того, что нашей стране удалось так легко и быстро разрешить зерновую проблему, проблему достаточного снабжения громадной страны товарным зерном*). Действительно, товарность колхозного зернового хозяйства гораздо выше товарности единоличного советского крестьянского хозяйства, как показывают следующие сравнительные данные о строении хлебного баланса страны в 1926-27 и 1938-39 гг. (в мил. центнеров):

	в 1926/27 г.			в 1938/39 г.		
	валов. прод.	товарн. прод.	в %	валов. прод.	товарн. прод.	в %
Совхозы	13,1	6,2	47,3	87,7	40,1	45,7
Колхозы				858,6	324,6	37,8
Единоличн. крестьянские хозяйства	765,4	97,1	12,7	4,3	0,8	17,7
Всего	778,5	103,3	13,3	950,7	365,5	38,4

Товарность колхозного зернового хозяйства приближается к высоте товарности дореволюционного

*) Правда, 1939,7.VII; Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд. стр. 515.

**) И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК.ВКП(б), 1939.

помещичьего хозяйства и превышает товарность дореволюционных зажиточных крестьян. Еще выше стоит товарность совхозов. Поэтому, благодаря переходу от системы единоличного крестьянского хозяйства к системе коллективных и советских хозяйств, товарность всего сельского хозяйства СССР за период 1926-1938 гг. повысилась почти в три раза, на 47,7%, превзойдя товарность сельского хозяйства 1913 г. Только товарность эта имеет совершенно иную народно-хозяйственную природу, чем товарность в других странах или в России до октябрьской революции. В других странах и в дореволюционной России рост товарности означал и означает изменение экономического строения сельского хозяйства, отмирания в нем натуральных элементов и роста связи хозяйства с рынком. Рост товарности в сельском хозяйстве при советской системе хозяйства означает усиление нажима на крестьянское хозяйство в целях изъятия из него возможно большего количества продовольственных продуктов и промышленного сырья. Если бы завтра эти принудительные мероприятия были отменены, мера товарности этого хозяйства сразу значительно упала бы*).

О росте государственных заготовок зерновых хлебов дает общее представление следующая таблица (в мил. центнеров):

*) Очень тяжела для населения и вредна для сельского хозяйства установленная в СССР организация хлебозаготовок. Советская власть требует, чтобы колхозы и единоличники одновременно с уборкой хлеба производили и его обмолот, и завоз на хлебозаготовительные пункты. В дореволюционной России обмолот хлеба и его отправка на станции производилась обычно после окончания уборки хлеба.

	чистый сбор зерн. хлебов	заготовка хлебов	в индексах	в % от чистой продукции
1926/27	662,5	117,8	100	17,8
1927/28	605,9	112,2	95,2	18,5
1928/29	614,3	107,9	91,6	17,6
1929/30	593,7	160,8	136,5	27,1
1930/31	704,1	221,4	188,0	31,4
1931/32	560,1	228,4	193,9	40,8
1932/33	570,1	185,2	157,2	32,5
1933/34	551	228,7	194,1	41,5
1934/35	609	226,6	192,4	37,2
1935/36	638	249,3	211,6	39,1
1936/37	523	260,0	220,7	49,7

Цены, по которым производятся государственные заготовки, чрезвычайно низки. Поэтому они нигде не публикуются, и мы имеем о них лишь отрывочные, случайные сообщения. Так мы знаем, что в 1934-1935 г. заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты, по которым советская власть брала эти продукты у крестьян, находились в следующем соотношении с коммерческими ценами, по которым эти продукты продавались населению в Москве (за килограмм в копейках)*):

	заготовительные цены	продажные коммерческие цены
Овес	5,5	75
Рожь	6,4	2.50 (мука)
Пшеница	10,1	2.60 (мука)
Просо	5,8	3.00 (пшено)
Молоко, литр	15	1.80
Масло коровье	250	26.00

*) Бюллетень Экономического Кабинета проф. Прокоповича, № 124, октябрь 1935 г., стр. 91.

После войны в 1940-х гг. за килограмм пшеницы правительство платило крестьянам около 10 копеек, продавая из своих магазинов пшеничную муку по 13 рублей за килограмм*). С 1933 г. правительство производит также закупки зерновых хлебов по твердым ценам, устанавливаемым правительством. Первоначально эти закупки производились по ценам, установленным для обязательных поставок хлеба. В последующие годы закупочные цены были повышены, так что в настоящее время они занимают среднее место между ценами обязательных зернопоставок и ценами, складывающимися на рынке. Убыток, который получают колхозы, колхозники и крестьяне-единоличники от продажи хлеба государству по пониженным ценам, вместо его продажи на вольном рынке по значительно более высоким ценам, покрывается отчасти предоставленным им правом покупать из специального закупочного фонда необходимые им промышленные товары, которые не продаются всему населению, а только продавцам хлеба. Эти дефицитные товары продаются крестьянам примерно из расчета 1 : 3, т. е. на один рубль проданного хлеба можно приобрести товаров на три рубля. Это соотношение различно по разным товарам, в нем учитывается как значение данного товара для каждой местности, так и дефицитность товара, его недостаток на рынке, и прочие подобные моменты. Если мы прибавим государственные закупки хлеба к обязательным поставкам, то получим для лет второй пятилетки следующие размеры государственного хлебного фонда (в мил. центнеров):

*) N. Jasny, *The Socialized Agriculture of the USSR*, p. 375.

	закупки	заготовки и закупки*)	в индексах	в % от чистой продукции
1932/33	2,6	187,8	159,4	32,9
1933/34	4,1	232,9	197,7	42,3
1934/35	35,9	262,4	222,8	43,1
1935/36	34,6	283,9	241,0	44,5
1936/37	37,8	297,8	252,8	56,9
1937/38	—	318,5	270,4	38,7
1938/39	—	315	267,4	50,2
1939/40	—	350	297,1	50,5

Таким образом, с помощью организации совхозов и колхозов советская власть заготовляла в 1935 и 1936 гг. около 28-30 миллионов тонн зерновых хлебов, а в исключительный урожай 1937 г. даже 31,8 мил. тонн, вместо 11,2 мил. тонн в 1927 г.; созданная ею система обязательных поставок и закупок привела в 1935 и 1936 гг. к концентрации в ее руках более 40% чистой продукции зерновых хлебов в стране. В 1938 и 1939 гг. этот процент превзошел 50%. Заготовки других сельскохозяйственных продуктов, как продовольственных, так и служащих сырьем для промышленности, росли приблизительно в таких же размерах (в тыс. тонн)**):

*) За четыре года войны, 1941-1944 гг., заготовки и закупки зерновых хлебов составили 700 мил. центнеров, по 175 мил. в среднем в год. Н. Вознесенский, Военная экономика СССР, 1947, стр. 90.

***) Обязательные поставки колхозов распространяются на зерно, рис, картофель, овощи (капусту, столовую свеклу, морковь, лук, огурцы и помидоры), семена масличных культур (подсолнечника, льна-кудряша, клеверицы, сои, горчицы, рапса, кунжута), сено, мясо, молоко и брынзу, шерсть, кожевенное сырье и яйца. В некоторых областях введены обязательные поставки льна-долгунца и конопли. Поставки технических, плодоягодных и некоторых других культур производятся колхозами по контрактационным договорам, имеющим силу закона. Сюда относятся хлопок, сахарная свекла, табак и махорка, эфиромасличные, лекарственные и новолубяные культуры, каучуконосы, фруктовые, ягодные и виноградные насаждения и субтропические культуры.

	1927/28	1932/33	1937/38
Мясо (убойный вес)	451,8	648,0	794,5
Молоко и молочн. продукты (в переводе на молоко)	—	1.934,2	4.990,3
Яйца (вагонов)	14.345	2.747	9.977
Хлопок-волокно	215,3	382,0	808,7
Лен-волокно	123,3	287,0	—
Шерсть	29,5	40,6	78,9
Сахарная свекла	9.771	6.120	21.450
Подсолнух	1.072	562,7	1.075,8

Сопоставляя данные о государственных заготовках по главным сельскохозяйственным культурам с величиною их валового урожая (в миллионах центнеров), мы найдем, что советское государство брало в свое распоряжение следующую часть продукции этих культур:

	1928 г.			1937 г.		
	собрано	лено	в %	собрано	лено	в %
Зерновые хлеба	733,2	112,2	15,3	1.202,9	318,5	26,5
Сахарная свекла	101,4	97,7	96,4	218,6	214,5	98,2
Хлопок сырец	8,2	6,7	81,7	25,8	25,4	98,5
Подсолнух	21,3	10,7	50,2	20,8	10,8	51,7
Лен-волокно	3,2	1,2	37,5	5,7	—	—

Какое место в государственных заготовках сельскохозяйственных продуктов занимают совхозы и колхозы, можно видеть из следующей таблицы распределения заготовленного хлеба по разным формам хозяйств (в мил. центнеров):

	1929/30	1933/34	1937/38
Совхозы: сдано государству	3,9	21,5	41,2
Колхозы: государств. поставки	15,1	142,3	101,7
„ оплата работы М.Т.С.	—	27,2	112,3
„ государств. закупки	—	4,1	29,5
Единоличники: государств.			
поставки	118,8	23,2	18,8
Натуральная плата за помол	23,0	15,4	18,8
Всего	160,8	234,1	318,5

Участие различных форм хозяйства в государственных заготовках хлеба выражается в следующих величинах (в процентах):

	1929/30	1933/34	1937/38
Совхозы	2,4	9,2	12,9
Колхозы	9,2	74,3	81,2
Единоличные хозяйства	73,9	9,9	} 5,9
Плата за помол	14,3	6,6	

Последнее сообщение о величине натуральной платы за помол (так называемого гарнцевого сбора) мы нашли в советской печати за 1935 г.; он равнялся тогда 6,8 мил. центнеров. В 1940 г. этот сбор был отменен; было признано, что сбор этот, занимавший раньше серьезное место в хлебных ресурсах государства, теперь уже потерял свое прежнее значение, изжил себя и является тормозом развития колхозных мельниц, лишая колхозы заинтересованности в поддержании существующих мельниц и строительстве новых.

По словам «Правды», колхозы, получая от государства денежную стоимость гарнца из расчета не по рыночной стоимости зерна, а по низкой заготовительной цене, «не в состоянии были покрыть этими средствами расходы по содержанию мельниц. Таким образом, гарнцевый сбор не стимулировал колхозы к строительству новых мельниц и к тому, чтобы поддерживать в исправном состоянии существующие. В результате мельничное хозяйство стало приходить в упадок. Старые водяные и ветреные мельницы изнашивались, за ними не следили, не ремонтировали их, а новых не строили. Количество сельских мельниц по сравнению с доколхозным периодом сократилось больше, чем наполовину. Сейчас насчитывается немного больше 100 тысяч мельниц, включая и бездействующие. В 1937 г. колхозные мельницы переработали свыше 450 мил. пудов (7,4 мил. тонн) зерна,

тогда как на трудодни колхозниками было получено свыше 1.800 мил. пудов (29,5 мил. тонн). Таким образом, на местных мельницах была перемолота всего одна четвертая часть зерна, полученного колхозниками. В ряде районов размол зерна сопряжен с большими затруднениями, а в некоторых зерно вообще негде размолоть. В Московской области одна действующая мельница приходится на 25 колхозов и на 1000 колхозных дворов. В Макинском районе Акмолинской области колхозное мукомолье до того запущено, что колхозники принуждены варить пшеничную кашу из зерна, так как его негде размолоть. В других районах советскому крестьянину решительно негде смолоть зерно. Из чего же крестьяне пекут в этих краях нужный им для пропитания хлеб? Архангельские крестьяне нашли выход: «в некоторых колхозах Коношского района, Архангельской области, кое-где стали прибегать к ручным жерновам». «Правда» указывает на другой выход — возврат к водяным и ветреным мельницам*).

В приведенной выше таблице роста государственных хлебозаготовок останавливает на себе внимание особо высокий процент этих заготовок (от чистой продукции зерновых хлебов в стране) в два засушливых и малоурожайных года: 1931 г., достигший 40,8%, и 1936 г. — 56,9%. Заготовки могли достигнуть такого размера, непосильного для крестьян, только благодаря тому, что заготовительные органы отбирали у крестьян весь хлеб, который они могли только взять. Как мы видели, норма обязательных хлебных поставок на 1933/34 г., когда размер государственных заготовок почти совпадал с размерами заготовок 1931/32 г., достигали в Центральной Черноземной области, Украине, на Северном Кавказе и

*) «Правда» 1940, 19 февраля, 20 марта, 17 апреля и 28 августа.

в Казахстане 29,4-35,7% валового сбора зерновых при среднем урожае в колхозах, не обслуживаемых машино-тракторными станциями, и 42,6-51,2% в колхозах, этими станциями обслуживаемых. Эти государственные поставки дочиства опустошили хлебные амбары крестьян в черноземных областях, отобрали у них не только все излишки, но и тот зерновой хлеб, который был необходим крестьянам для пропитания их семей и подкорма скота. По свидетельству Отто Шиллера «в высшей степени скудный для колхозных крестьян результат хозяйственного 1931 г., когда за целый год работы они получили во многих случаях такой доход, который был достаточен для покупки одной пары сапог, а в других случаях — решительно ничего, сильно понизил у них интерес к коллективной организации труда. У многих сложилось убеждение, что в колхозах работают даром и поэтому лучше всего возможно меньше работать на колхоз»*). Среди крестьян этих областей начался в 1932 г. голод**); лошади во время полевых работ не получали овса, телята не выпаивались за недостатком муки, свиней нечем было кормить; посевная площадь под хлебами в 1932 г. была сокращена на 4,7 мил. гектаров, засеянные поля были плохо обработаны под посев, посев был произведен поздно; уборка хлебов была произведена также с большим опозданием и большими потерями. Причиной плохого урожая 1932 г. была не засуха, а разложение крестьянского хозяйства и падение его производительной способности под влиянием коллективизации и государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов. Крестьяне попросту не хотели работать на колхозных полях. «Нежелание крестьян сдавать хлеб государству, говорит

*) O. Schiller, Die Krise der sozialistischen Landwirtschaft, SS. 62-63.

***) W. H. Chamberlin, Russia's Iron Age, 1934, p. 101.

Шиллер, было местами настолько сильным, что они, несмотря на пережитую в 1932/33 г. нужду в хлебе, не хотели напряженно работать на уборке хлеба, и в ожидании того, что весь хлеб у них все равно отберут, оставили часть урожая гнить на полях. В ноябре и декабре советская печать была полна сообщениями об этом сопротивлении крестьян»^{*)}). Хлебный кризис носил особенно острый характер в главных зерновых районах Союза ССР. «Особенно силен колхозный саботаж по сообщениям газет, продолжает Шиллер, на Северном Кавказе... Но и на Украине и Нижней Волге саботаж принял большие размеры. Правительство борется с сопротивляющимися элементами самыми жестокими мерами. Вновь началась травля кулаков со всеми сопутствующими ей явлениями, известными из опыта 1929 г. и 1930 г. Начались опять массовые ссылки. Выселялись целые деревни, на Северном Кавказе ушло в ссылку все население трех районов. Происходит большая чистка личного состава колхозов, а также советского и партийного аппарата». «Самым опасным в саботажном движении последнего времени являются многочисленные случаи, показывающие, что правительство не может полагаться даже на членов партии и местные партийные органы и органы управления. Последние столкновения с оппозицией показывают, что эти колебания в собственных рядах партии захватывают и ее головку»^{**)}).

Поэтому голод продолжался и в 1933 г. За 1930-1933 гг., как мы видели выше, произошло катастрофическое сокращение количества скота в стране. Колхозы и совхозы, в которые был отдан коллективизированный у крестьян скот, за полную бесхозяйст-

^{*)} O. Schiller, Die Krise der sozialistischen Landwirtschaft, S. 73.

^{**)} Там же, стр. 75 и 81.

венностью в них, не могли дать скоту в своих стадах заботливого и регулярного ухода. По той же причине они плохо заготавливали грубые корма, сено и солому; усиленные государственные заготовки зерновых культур, продовольственных и кормовых, лишали скот интенсивных кормов, овса и муки. Конечно, много скота было убито крестьянами, не желавшими отдавать свой скот в колхоз; но этого рода явления играли второстепенную роль.

Для продовольствия русского народа большое значение имеет и абсолютный, и относительный рост посевных площадей под картофелем, овощами и бахчевыми культурами. Большим недостатком продовольственного дела в дореволюционной России было недостаточное количество в ней огородов. В настоящее время этот недостаток исправлен в значительной мере под влиянием работы Отделов рабочего снабжения при фабриках и заводах и организации индивидуальных рабочих огородов, так что рабочие в Советской России, несмотря на германское разорение, не голодают. Сильно увеличился в России после революции также посев технических и кормовых культур.

Посевная площадь (в тысячах гектаров) и продукция технических культур (в мил. центнеров), подсолнуха (в мил. центнеров), чая (в тысячах центнеров) и цитрусовых (в миллионах штук) росли в Советской России приблизительно следующим образом*):

*) Naum Jasny, *The Socialized Agriculture of the USSR*, 1949, pp. 566-569, 606, 776, 790-792, 795-796. Некоторые цифры, у Н. М. Ясного отсутствующие, взяты нами из разных советских изданий.

	хлопок*)		сахарная свекла		лен-долгунец		подсолнух		цитрусовые			
	тыс. гект.	млн. цент.	тыс. гект.	млн. цент.	тыс. гект.	млн. цент.	тыс. гект.	млн. цент.	тыс. гект.	млн. цент.		
1913	636	7,4	649	108,8	1015	4,5	969	7,8	0,9	1,3	0,2	—
1922	70	0,2	182	18,9	1027	—	2165	—	—	—	—	—
1928	969	8,2	770	101,4	1364	3,2	3905	21,3	3,5	2,5	0,8	2,0
1932	1742	12,0	1538	66,6	2510	5,0	5306	22,7	25,5	6,5	2,0	12,7
1937	1616	23,5	1193	218,6	2126	5,7	3250	20,8	44,7	71,1	5,6	293,5
1942,	1555	28,1	1200	300,0	1840	8,5	3150	28,3	70,0	—	27,0	—
план												
1940	1485	22,4	1226	213,1	2109	5,7	3543	33,4	50,0	—	17,0	—
1945	1084**)	13,0	840**)	100,7	1035	—	2890**)	18,0	51,0	120,0	13,0	420,0
1950,	1517	30,3	1368	260,0	2000	8,0	3700	37,0	62,0	179,0	29,0	—
план												
1950,	2070	37,5	1319	272,0	1967	—	3555	30,6	—	—	—	—
испол.												

*) Чистое волокно составляет 32% неочищенного хлопка. В конце 1920-х гг. в СССР была сделана неудачная попытка культивировать хлопок на не-поливных землях; приведенные нами цифры относятся только к его культуре на поливных землях. Площадь ирошаемых посевов хлопка в Казахстане, на Северном Кавказе и Украине, урожай в центнерах с гектара и весь сбор не-поливного хлопка по данным М. Н. Ясного (цитированная книга, стр. 791, 795) равнялись: (См. табл. стр. 223).

***) По данным А. Андреева в «Известиях», 1947, 7 марта.

Подводя итог всем приведенным выше данным, мы должны установить, что за 11 лет планового строительства Союза ССР, с 1927/8 года по 1938/9 г. сельское хозяйство в Союзе сделало значительные успехи. Чтобы определить народно-хозяйственный вес и значение этих успехов, мы должны их сравнить с ростом населения Союза, живущего сельским хозяйством. Тогда мы получим следующую таблицу (в миллионах человек и рублей 1926/7 г.):

	1927/8	1932/3	1937/8	1938/9	в % от 1927/8
Чистая продукция сельского хозяйства	9.220	7.000	10.300	9.400	102,2
Население все	150,7	165,7	167,0	170,5	113,1
— живущее сельским хозяйством:					
Крестьяне единоличники	118,0	45,6	3,2	3,0	—
Крестьяне колхозники	1,9	71,6	74,0	75,6	—
Рабочие и служащие совхозов и машино-тракт. станций	2,3	5,0	5,3	5,4	—
Всего	122,2	122,2	82,5	84,0	68,7
Доход от сельского хозяйства на человека (рублей)	75,3	57,3	124,8	111,9	148,6

Мы видим из этой таблицы, что народный доход

*) Смотри выше, глава II, Население, стр. 55-56; Социалистическое строительство Союза ССР, 1939, стр. 16;

N. Jasny, The Socialized Agriculture of the USSR, 1949, p. 775.

Таблица к сноске *) на стр. 222

	площадь посева	урожай с гектара	весь сбор
1928	2	0,5	1
1932	430	1,6	680
1937	508	4,6	2.346
1942, план	560	6,0	3.360
1950, план	183	5,0	910

от сельского хозяйства за эти 11 лет почти не вырос; зато сильно уменьшилось количество населения, живущего от сельского хозяйства, более чем на 30%; производительность труда русского крестьянина, благодаря машино-тракторным станциям, значительно возрасла; вырос на 50% и доход от сельского хозяйства на человека, в нем работающего; мы не знаем только, какую часть этого дохода получает население, живущее сельским хозяйством, и какую берет себе государство. Как мы видели выше, оно брало себе в 1938-1940 гг. 50% чистой продукции зерновых хлебов*).

В 1941-1942 гг. германские войска доходили до Петербурга (Ленинграда), Москвы, Тулы, Сталинграда и Кавказских гор. По подсчетам Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению злодеяний германских оккупационных властей, на оккупированной германцами территории Советского Союза (в новых границах) находилось в 1940 г.:

Жителей	88 мил. чел.	44,8%
Посевной площади	71 мил. га	47,0
Сбор зерновых хлебов	452 мил. центн.	38,0
Сбор сахарной свеклы	179 мил. центн.	84,0
Лошадей	11,6 мил. голов	56,6
Рогатого скота	31,0 мил. голов	48,0

Германские оккупанты сожгли более 70.000 сел и деревень и отобрали у населения или убили:

7 мил. лошадей,
17 мил. голов крупного рогатого скота
27 мил. овец и коз,
20 мил. свиней.

*) По данным Центрального Статистического Управления, доходы крестьян по расчету на одного работающего в сельском хозяйстве увеличились за 1940-1949 гг. более чем на 30 процентов, и за год 1948-1949 на 14 процентов.

Население, лишенное крова, переселилось в «подземки», — выкопанные в земле четырех-угольные ямы с земляной крышей; за отсутствием керосина, крестьяне вернулись к лучине. За отсутствием лошадей и волов, под посев и огород землю обрабатывали мотыгами, в лучшем случае — пахали на коровах; во многих местах в плуг впрягались женщины и дети. Все сельское население оккупированной территории жило на границе голода. Восстановление сельского хозяйства в оккупированных областях началось немедленно по удалении немцев. Еще до окончания войны в них было построено 1.260.000 жилых домов; четвертый 5-летний план развития народного хозяйства СССР проектировал постройку еще 2.240 тысяч домов. Земледелие и скотоводство достигли в них в 1944 г. следующих размеров (в мил. центнеров и голов):

	1940	1944 г.	в %%
Сбор зерновых хлебов	452	266	58,5
Сбор сахарной свеклы	179	44	24,6
Количество лошадей	11,6	4,5	38,8
— крупного рогатого скота	31,0	20,6	66,5

В числе лошадей и рогатого скота большой процент приходится на долю молодняка, к работе неспособного и молока не дающего. Полевые работы в 1944 г. производились в больших размерах на коровах. В колхозах рабочие нормы на коров были установлены в размере 1/3 норм, принятых на работе при конной тяге; трудодни колхозникам, работавшим

на своих коровах, начислялись в двойном размере. По тем неполным данным, которые опубликованы Государственной плановой Комиссией о развитии сельского хозяйства в послевоенные годы, развитие земледелия шло следующим образом (в миллионах гектаров и центнеров)*):

	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Посевная площадь	104,3	102,4	110,4	124,2	130,2	147,4
Сбор зерновых	667	600*)	948	1.130	1.246	1.246
„ хлопка	12,5	16,8	20,3	—	—	37,5
„ сахарной свеклы	89	150	210	—	—	272

*) Цифра прнблизительная.

*) По Л. Володарскому, Возрождение районов СССР, пострадавших от немецкой оккупации, стр. 38, посевная площадь достигла в 1945 г. 69% довоенного уровня; за 1946-1949 гг. сведения заимствованы из трехмесячных отчетов Центрального Статистического Управления, печатаемых в «Известиях» и «Правде».

Посев, урожай и сбор зерновых хлебов изменились следующим образом*):

	1939	1940	1945	1950
Площадь посева	99,7	111,1	85,5	103,6
Урожай с гектара:				
на корню	10,7	10,7	7,8	12,0
— амбарный	8,2	8,5	6,3	9,6
Сбор хлебов:				
на корню	1065	1190	667	1246
— амбарный	822	952	535	997

О развитии животноводства мы располагаем следующими сведениями (за 1941-1946 гг. на начало года, за 1947-1948 гг. на конец года, в миллионах голов)**):

	1941	1943	1945	1946	1947	1948	1950
Лошадей	20,5	8,8	10,5	10,8	11,9	12,9	13,7
Рогатого скота	56,0	31,0	46,9	46,8	52,0	56,1	57,2
Овец и коз	93,0	61,0	69,4	69,1	84,7	97,8	99,0
Свиней	28,0	7,6	10,4	8,6	13,4	20,3	24,1

1946 год был засушливым и неурожайным; в этом году был плохой урожай зерновых хлебов и кормов для скота. Недостаток кормов вызвал незначительную убыль количества скота, вместо проектировавшегося прироста. В следующем 1947 г. валовая продукция земледелия значительно увеличилась, но продукция скотоводства упала, по сравнению с 1946 годом (в процентах):

*) N. Jasny, The Socialized Agriculture of the USSR, pp. 522, 523, 549, 550; А. Аидреев в «Известиях» 1947, 7 марта; Плановое хозяйство, 1951, тетрадь III, стр. 37.

***) План 1946-50 гг., стр. 37; Социалистическое сельское хозяйство, 1948, X, стр. 41; «Известия» 1949, 19 и 23 апр.; Н. Вознесенский, Военная Экономика СССР, 1947, стр. 97; Большая советская энциклопедия, 1948, стр. 934-935.

Валовая продукция земледелия	148%
„ „ скотоводства	84*)
„ сельского хозяйства	132

В 1941-1945 гг. войны советская власть ограничивалась только местными мерами содействия восстановлению сельского хозяйства на территориях, освобожденных при отступлении германской армии. В ряду этих мер общий характер имел, повидимому, только указ Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета коммунистической партии 22 августа 1943 г.**) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Указ этот приказывал:

1. Возвратить к 1 сентября 1943 г. в области, освобожденные от немцев, весь скот, из них эвакуированный, в следующих количествах:

лошадей	52.939
крупного рогатого скота	197.166
овец и коз	342.421

2. Признать за линейными работниками железнодорожного транспорта в освобожденных от немецкой оккупации областях и в прифронтовой полосе, живущими на территориях колхозов, право пользования приусадебными участками в размере до 0,15 гектара на семью; дать областным и краевым исполнитель-

*) Эта цифра, как свидетельствующая о значительном упадке скотоводства, не была опубликована в отчетах Государственной плановой Комиссии и вычислена нами. Так как в СССР валовая продукция скотоводства составляет 25% валовой продукции всего сельского хозяйства, то ее вычисление не представило большого труда. Конечно, вычисленная нами цифра представляет собою только приблизительную величину.

**) Известия 1943 г., 22 августа.

ным комитетам и советам народных комиссаров право наделять железнодорожных работников, из числа связанных с движением поездов, земельными участками, находящимися в полосе отчуждения железных дорог и свободных земель государственного фонда в размере пахотных земель до 0,5 гектара и сенокоса до 1 гектара.

По окончании войны, 18 марта 1946 г. был утвержден Верховным Советом четвертый 5-летний план восстановления и развития народного хозяйства СССР в 1946-1950 гг. В области сельского хозяйства план этот ставит задачу полного восстановления и обеспечения дальнейшего развития земледелия и животноводства в районах, пострадавших от немецкой оккупации, и затем превзойти довоенный уровень сельского хозяйства в целом по СССР в значительных размерах. Из мероприятий по сельскому хозяйству, намечаемых планом, крупное народнохозяйственное значение могут иметь следующие:

1) Устройство вокруг Москвы, Ленинграда, Баку, Харькова, Киева, промышленных центров Урала, Донецкого и Кузнецкого бассейнов, Горького, городов Сибири и Дальнего Востока и всех других крупных городов картофельно-овощных и животноводческих баз, обеспечивающих полностью снабжение этих центров овощами, картофелем и, в значительной мере, молоком и мясом, а также парниково-тепличных хозяйств для снабжения населения городов и промышленных центров в зимне-весенний период ранними овощами и зеленью.

2) Постройка в колхозах, при машино-тракторных станциях и в совхозах малого размера гидростанций, ветростанций и тепловых электростанций для освещения изб, обмолота хлебов, мельниц, подачи воды на скотные дворы, столярные и механические мастерские и т. п. Первые сельские электростанции

возникли почти одновременно в лесной зоне, в Свердловской, Молотовской и Ярославской областях еще до войны. Совет народных комиссаров СССР 8 февраля 1945 г. вынес постановление о развитии сельской электрофикации. Мы располагаем следующими сведениями о развитии сельских электрических станций*):

	1940	1945	1946	1947	1950	1950
				план	план	нсп.
Число электрифицир.						
колхозов	10.000	12.984	15.400	22.013	70.000	—
Мощность сельских станций						
(киловатт)	275.000	340.000	382.000	—	1.800.000	770.000**

*) Etudes et conjoncture. Economie mondiale 1948, mai, p. 23.

**) «Правда» 17 апр. 1951 г.

В конце 1946 г. процент электрофицированных колхозов равнялся:

в Свердловской области	83%
Челябинской	27
Ставропольской	22
Московской	21
Ярославской	19

В Армянской республике было электрофицировано 23% колхозов, в Украинской республике 18%. В 1950 г., по четвертому 5-летнему плану, должно быть электрофицировано более 56.000 колхозов.

3) Восстановление и дальнейшее расширение в колхозах и совхозах степных и лесостепных районов полезащитных лесонасаждений и усиление работы по строительству прудов и водоемов.

Проект усиленных посадок полезащитных лесных полос и копки прудов и водоемов был конкретизирован в распоряжении советской власти в конце 1948 года. В степной и лесостепной растительных зонах европейской части Союза ССР сельское хозяйство страдает главным образом от засух и суховеев. Быстрое таяние весной снега, бурный сток весенних вод, образование оврагов, выдувание и смывание плодородного почвенного покрова, понижение уровня почвенных вод при небольшом количестве летних дождей, — все эти процессы ведут к периодическим засухам и понижению плодородия черноземных степей. Особенно губительно на урожай действуют сухие ветры из пустынь Средней Азии. До сих пор борьба против засух велась, главным образом, путем накопления на полях снега зимою с помощью постановки загородей из хвороста, мешающих сдуванию снега в овраги, и задержания весенних талых вод. Меры эти большого влияния на урожай степного земледелия оказать не могли. Поэтому 24 октября 1948 г. был издан

Советом Министров СССР и Центральным Комитетом коммунистической партии указ о плане полезащитных насаждений, внедрений травопольных севооборотов и строительстве прудов и водоемов в черноземной части европейского Союза ССР, — всего посадки к 1965 г. 6:148.900 гектаров леса и постройки 44.228 водоемов. Главными постановлениями этого указа являются следующие:

1) Признать необходимым создание в течение 1950-1965 гг. шести крупных государственных лесных полос по обеим берегам р. Урала, от горы Вишневой до Каспийского моря, двух полос по р. Волге от Саратова до Астрахани, двух полос по р. Дону от Воронежа до Ростова на Дону и двух полос по р. Северному Донцу от Белгорода до его впадения в р. Дон, а также лесных полос по возвышенным местам: четырех полос в направлении Чапаевск-Владимировка на Волге, трех полос по водоразделу между Волгою и Иловлей от Камышина до Сталинграда, четырех полос по линии Сталинград-Черкесск в предгорьях Кавказа, трех полос по водоразделам между Пензою и Каменском на Северном Донце. На этих восьми государственных направлениях проектируется занять лесными насаждениями 117.900 гектаров.

2) Создать следующие защитные лесонасаждения: в малолесных районах на землях государственного лесного фонда 960.500 гектаров; на землях колхозов, их силами и средствами с помощью государства 4.168.500 гектаров; на землях совхозов 580.000 гектаров.

3) В целях преграждения передвижения песков в степных и полустепных районах на плодородные земли Поволжья, Северного Кавказа, центрально-черноземных областей и Украинской ССР обязать Министерство лесного хозяйства СССР в 1949-1955 гг. произвести закрепление и облесение песков на площади 322.000 гектаров.

4) Обеспечить в колхозах и совхозах в 1949-1955 гг. широкое развитие строительства прудов и водоемов в естественных ложбинах, у истоков рек, в верховьях балок и оврагов и в других естественных понижениях, а также строительства водоемов на малых реках для получения гидроэнергии для нужд сельского хозяйства. В колхозах проектируется устройство 41.300 водоемов, в совхозах 2.928.

Центральное место в этом плане облесения черноземных степей занимают государственные лесные полосы, которые должны оградить наши степи от пагубного влияния среднеазиатских суховеев. Насаждение этих полос будет очень трудным и очень долгим. Наши большие реки имеют высокие правые берега и низкие — левые. Посадка лесных полос на пойменных берегах Урала, Волги, Дона и Северного Донца не может иметь никакого значения в борьбе с суховеями; посадка же лесных полос на правых берегах этих рек и по водоразделам потребует большого ухода за саженцами, их полива и защиты от суховеев, притом в течение многих лет; полезное же действие этих лесных полос обнаружится лишь через 25-30 лет после их посадки. Поэтому, в ближайшие два десятилетия практическое значение будут иметь только лесные насаждения и устройство прудов на полях и в оврагах колхозов.

Но если посадка лесных полос может принести положительные результаты только через несколько десятков лет, то другая реформа, постройка каналов на Аму-Дарье и между Волгой и Доном и трех гидростанций на Волге и Днепре для орошения и обводнения земель, страдающих от засухи, даст результаты уже через несколько лет. Считается, что на юге России острозасушливые годы повторяются раз в 25-30 лет, средnezасушливые раз в 3-4 года*). По по-

*) Социалистическое сельское хозяйство 1950, X, стр. 10.

становлениям советского правительства принятым 21 августа-21 сентября 1950 г., в 1957 г. должны быть закончены канал на Аму-Дарье протяжением в 1100 километров, Волго-Донской канал в 101 километров, и три гидростанции следующих размеров:

	производство киловатт энергии	длина ороситель- ных каналов (кил.)	орошение пахотных земель (га)	обводнение сеинокосов и пастбищ (га)
Канал на Аму- Дарье	100.000	1.200	1.300.000	7.000.000
Волго-Донской канал	160.000	758	750.000	2.000.00
Гидростанция в Сталинграде	1.700.000	—	1.500.000	11.500.000
— — Куйбышеве	2.000.000	—	1.000.000	—
— — Каховке	260.000	910	1.500.000	1.700.000
Всего	4.220.000	2.868	6.050.000	22.200.000

Эти стройки, когда они будут закончены, могут если не совсем уничтожить, то в большой степени ослабить суховеи в черноземной России. Они значительно увеличат продукцию зерновых хлебов, технических растений и животноводства в Советской России.

ГЛАВА V

ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛХОЗНОГО ХОЗЯЙСТВА

Колхозное хозяйство представляет собою хозяйство не одного предприятия, а целой системы или комплекса хозяйственных предприятий и единиц, а именно: коллективного хозяйства, нескольких десятков, иногда сотен хозяйств его членов и машино-тракторной станции, производящей ряд работ на землях колхоза. В 1937 г. на средний колхоз приходилось 76 крестьянских дворов; одна машино-тракторная станция обслуживала 42 колхоза. Центральное место в этом хозяйственном комплексе занимает колхоз; хозяйства крестьян, членов колхоза, и хозяйство машино-тракторной станции должны помогать колхозу вести его хозяйство. Контролирует и в значительной мере администрирует этот хозяйственный комплекс народный комиссариат земледелия через посредство его местных органов, земельных отделов районных исполнительных комитетов. Весь этот колхозный комплекс до сих пор находится в состоянии неустойчивого равновесия; в нем много несогласованностей и противоречий, сильно затрудняющих его описание. Главное место между ними занимает борьба крестьян, сидящих на приусадебных участках, за свою хозяйственную самостоятельность со стремлением коллективного хозяйства ее если не совсем уничтожить, то сильно сократить. В дореволюционной России развитию крестьянского хозяйства большую

помощь оказывало кооперирование некоторых отраслей их деятельности, — покупки продуктов и предметов потребления, сбыта продуктов их хозяйства, кредита. В этих формах коллективной взаимопомощи личная инициатива и предприимчивость крестьянина не только не уничтожалась, но находила новую опору. Колхоз — организация совершенно иной природы, чем кооператив; это своеобразный опыт государственной организации сельского хозяйства, имеющий тенденцию уничтожить личную хозяйственную предприимчивость и ответственность входящих в него крестьян и перековать их в простых рабочих государственного коллектива, исполняющих свою работу под страхом уголовных наказаний.

Чтобы превратить русских крестьян в колхозников, Советская власть в чрезвычайно широкой мере прибегла к введению уголовных наказаний за противодействие крестьян колхозному строительству. Она объявила тяжкими преступлениями действия, ни в одной стране преступлениями не считающимися, и назначила за их совершение самые тяжелые наказания, вплоть до расстрела.

Статья 17 колхозного устава предусматривает право правления колхоза налагать на колхозников за бесхозяйственное и нерадивое отношение к общественному имуществу, за недоброкачественную работу, за нарушение дисциплины колхозного труда и за другие нарушения устава различные взыскания и дает перечень этих взысканий. Правление может возлагать на виновных обязанность переделать недоброкачественную работу без начисления трудодней, выносить им предупреждение, выговор, порицание на общем собрании, налагать штраф в размере до пяти трудодней, перемещать на низшую работу, временно отстранять от работы. В тех случаях, когда принятые меры оказываются недействительными, правление ставит перед общим собранием вопрос об исключе-

нии неисправимых членов артели. Те случаи, когда колхозник расхищает общественную собственность колхоза или вредительно относится к имуществу и скоту колхоза и машинам тракторной станции, устав рассматривает как подрыв основ колхозного строя и помощь врагам народа. Лица, в этом виновные, по ст. 18 устава привлекаются к уголовной ответственности и несут наказание по соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик, а в наиболее тяжких случаях караются по закону 7 августа 1932 г., изданному в год полного разложения крестьянского хозяйства под влиянием принудительной коллективизации. Закон этот карает хищения колхозного имущества расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — каторжными работами на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества. Хищением в смысле закона 1932 г. признаются также грабеж, растрата или присвоение колхозного имущества путем подлога и т. п. В 1933 г. Центральный исполнительный комитет предписал карать по этому закону лиц, уличенных в саботаже сельскохозяйственных работ, во вредительском преуменьшении норм высева, во вредительской работе по пахоте и севу, ведущей к порче полей и снижению урожая, в умышленной поломке тракторов и машин, в уничтожении лошадей, в тех же целях срыва сельскохозяйственных работ. Как пособники хищений по закону 1932 г. могут преследоваться должностные лица (члены правлений колхозов, счетоводы и т. п.), преступные действия или бездействие которых, например непринятие мер к охране социалистической собственности, запутывание учета и т. п., способствовали хищениям. Наконец, закон 1932 г. карает лиц, применяющих или проповедующих применение насилия и угроз к колхозникам, с целью заставить последних выйти из колхоза и тем его разрушить, каторжными работами на срок от пяти до

десяти лет. Менее тяжкие случаи порчи колхозного имущества и хищений колхозной собственности преследуются по статьям 79, 129, 130, 162 и 169 Уголовного кодекса РСФСР*). Главными из этих постановлений являются:

1) Статья 79¹ Уголовного Кодекса, декретированная 20.I.1930, за хищнический убой и умышленное изувечение скота, а также подстрекательство к этому других лиц с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъему, карает лишением свободы на срок до двух лет с высылкой из данной местности или без таковой. Верховный суд разъяснил, что статья эта применяется только в отношении «кулаков»; к середнякам и беднякам она не должна применяться. В ней имеется в виду убой и «изувечение» крестьянами принадлежащего им скота.

2) 26.XII.1930 был запрещен убой на мясо конского молодняка и всех лошадей, кроме явно непригодных к хозяйственной работе, под страхом штрафа в размере 10-кратной стоимости убитого животного по государственным заготовительным ценам, а у кулаков, кроме того, конфискации всего принадлежащего им скота.

7.XII.1931 редакция этого постановления была несколько видоизменена, было указано, что к кулакам и частным скупщикам должна быть применена ст. 79¹ Уголовного Кодекса, и что за убой, изувечение и преступно небрежное обращение с лошадьми в совхозах и колхозах виновные подвергаются лишению свободы на срок от 6 месяцев до 3 лет.

3) 27.V.1932 пленуму Верховного Суда Союза ССР было поручено на ближайшем заседании заслу-

*) «Колхозное Право», изд. Всесоюзного Института юридических наук народного комиссариата юстиции Союза ССР, Москва 1940, стр. 146-148, 231-233.

шать доклады верховных судов союзных республик о проводимой ими борьбе с хищническим и небрежным отношением к лошадям и дать конкретные указания на места. Было поручено прокурору Верховного Суда СССР усилить прокурорский надзор за выполнением всеми организациями решений партии и правительства по сохранению лошадей и бережному их использованию.

4) В постановлении от 18.II.1930 пленум Верховного Суда разъяснил, что порча обобщественного сельскохозяйственного инвентаря квалифицируется по ст. 79 Уголовного Кодекса, а в особо злостных случаях по главе о контрреволюционных преступлениях. Это разъяснение относилось к умышленной порче инвентаря. Если поломка и порча машин в колхозах и совхозах являлась результатом халатного и небрежного к ним отношения со стороны работников колхозов и совхозов, то эти случаи должны квалифицироваться по статье 111 Уголовного Кодекса, с учетом социальной опасности этих действий и их особо вредных последствий. Случаи умышленной порчи, по постановлению Верховного Суда от 28 марта 1930 г., квалифицируются как контрреволюционное преступление. Народный комиссариат земледелия и колхозцентр предписали 12.IV.1930 во всех случаях, когда по халатности или умыслу работника машина вышла из строя, привлекать виновных к дисциплинарной и уголовной ответственности, согласно разъяснению пленума Верховного Суда РСФСР от 28.III.1930.

За контрреволюционные преступления (ст. 58) назначаются следующие наказания: лишение свободы на 3 года и более, конфискация имущества, всего или части, изгнание из пределов СССР, расстрел. Ст. 111 грозит лишением свободы на срок до трех лет.

5) 13.II.1931, за порчу или поломку принадлежащих совхозам, машино-тракторным станциям и колхозам тракторов и сельскохозяйственных машин, ес-

ли порча или поломка вызвана преступно-небрежным отношением к этому имуществу, назначаются принудительные работы на срок до шести месяцев; за те же действия, совершенные неоднократно или причинившие крупный ущерб, — лишение свободы на срок до трех лет.

6) По постановлению Верховного Суда РСФСР от 26.XII.1931, кража хлеба с колхозных полей наказуется принудительными работами до одного года или лишением свободы до пяти лет.

7) 7.VIII.1932 был издан декрет об охране и укреплении общественной собственности. «Центральный Исполнительный Комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа, в виду чего решительная борьба с расхитителями общественного имущества является первейшей обязанностью органов советской власти». Исходя из этих соображений, Центральный Исполнительный Комитет и Совет народных комиссаров СССР постановили: «Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т. п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от хищения. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества.

«Повести решительную борьбу с теми противообщественными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилия и угрозы или проповедуют применение насилия и угроз к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхоза, с целью насильственного разрушения колхоза. Применять в качестве меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по этим делам».

8) Центральный Исполнительный Комитет СССР 30.I.1933 постановил: «Применить к лицам, уличенным в саботаже сельско-хозяйственных работ, краже семян, во вредительском преуменьшении норм высева, вредительской работе по пахоте и севу, ведущей к порче полей и снижению урожая, в умышленной поломке тракторов и машин, в уничтожении лошадей — как к расхитителям колхозной собственности, постановление от 7.VIII.1932 об охране общественной собственности».

«Всякий обман в деле учета колхозной продукции, колхозного труда и колхозного урожая должен рассматриваться как пособничество кулаку и антисоветским элементам, как попытка расхищения колхозного имущества — в виду чего должен караться по закону об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепления общественной (социалистической) собственности».

9) 22.VIII.1932 ЦИК и СНК обязали Государственное политическое управление, органы прокуратуры и местные органы власти принять меры к искоренению спекуляции, применяя к перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от 5 до 10 лет без права применения амнистии.

10) 19.I.1933 издано постановление: «Колхозы, не выполнившие своих обязанностей по сдаче хлеба государству в установленные календарные сроки, подвергаются через сельские советы денежному штрафу в размере рыночной стоимости невыполненной части обязательств и к этим колхозам предъявляется требование о досрочном выполнении всего годового обязательства, подлежащего взысканию в бесспорном порядке.

«Единоличные хозяйства, не выполнившие своих обязательств по сдаче зерна государству к установленному сроку, привлекаются к судебной ответственности по ст. 61 Уголовного Кодекса РСФСР и в других республиках — по соответствующим статьям Уголовного Кодекса этих республик».

Ст. 61 Уголовного Кодекса устанавливает три меры наказания: 1) штраф в пределах до пятикратного размера стоимости наложенного задания; 2) лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года; 3) лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества, со ссылкой или без таковой. «Выявленный кулак, не выполнивший в срок твердого задания, должен быть немедленно же привлечен к уголовной ответственности по 3 ч. 61 ст. Уголовного Кодекса с применением конфискации имущества, ликвидации кулацкого хозяйства и ссылки самих кулаков, «являющейся наиболее реальным и непосредственно достигающим основной цели мероприятием» (постановление Коллегии Народного Комиссариата Юстиции от 15:II.1931)».

11) 30.I.1933 постановлено: «В отношении единоличников, ударившихся в спекуляцию и упорно отказывающихся обрабатывать и засеивать занимаемые ими земли, как это имело место в некоторых районах Северного Кавказа — местные органы власти должны принимать суровые меры, вплоть до лишения приусадебной земли, а в отдельных случаях, как крайнюю

меру — высылать из пределов края в места менее плодородные».

По указу президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. кража, присвоение или растрата колхозного имущества карается заключением в исправительно-трудовом лагере (каторжными работами) на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации; хищение, совершенное повторно, организованной группой или в крупных размерах — тем же заключением на срок от восьми до двадцати лет с конфискацией имущества.

По последним опубликованным данным, сельскохозяйственные земли СССР распределялись в 1937 г. следующим образом между различными формами хозяйства (в тыс. гектаров):

	сельскохоз. земли*)	посевные площади
Советские хозяйства (совхозы)	51.100	12.163
Колхозы	359.686	115.980
Приусадебные участки колхозников	9.065	5.021
Единоличные крестьяне	2.049	1.075
Рабочие и служащие	—	1.074
Всего:	421.900	135.313

Количество крестьян, сидящих и работающих на земле, равнялось:

	число дворов**)	в них человек***) обоего пола в 1939 г.	трудоспо- собных****)
В колхозах	18.499.600	75.616.400	40.716.000
В единоличных хозяйствах	1.392.400	3.018.050	—
Всего:	19.892.000	78.634.450	—

*) «Колхозы во второй сталинской пятилетке», Москва 1939 г., стр. 9, 11.

***) Там же, стр. 1.

****) По данным переписи 17 января 1939 г. «Правда» 29 апр. 1940 г.

*****) «Колхозы во второй пятилетке», стр. 35.

В среднем, следовательно, на один крестьянский двор приходилось:

	сельскохоз.			
	земель (гект.)	посева (гект.)	человек об. поля	трудоспо- собных
В колхозах	19,44	6,27	4,0	2,20
На приусадебн. участ. ках колхозников	0,49	0,27		
В единоличных хо- зяйствах	1,47	0,77		

Это средние величины по всему Союзу СССР. По отдельным республикам и зонам количество землепользования, обобществленного посева и рогатого скота на колхозный двор весьма значительно отклонялось от этих средних по Союзу (гектаров и голов):

	землеполь- зование	обобществл. посев	рогатый скот
Европейский Север	20,89	3,24	2,42
Центр.-нечерноземная область	9,65	4,68	1,44
Центр.-черноземная „	9,94	5,55	1,35
Украинская ССР	9,28	5,59	1,68
Сев. Кавказ и Крым	18,77	9,28	2,92
Средняя и Нижняя Волга	30,24	12,36	2,34
Западная Сибирь	44,99	8,88	3,71
Казахстан	118,49	8,82	3,48
Восточная Сибирь	73,33	7,83	4,72
Грузия	6,61	1,84	3,47
Узбекская ССР	12,24	3,40	1,70
С. С. С. Р.	19,94	6,54	2,18

В тексте к статистическому сборнику по колхозам во второй пятилетке говорится по поводу этих данных, что размеры земельных площадей в среднем на колхозный двор отражают на себе «крайне неравномерное размещение сельскохозяйственного населения на территории СССР. Это неравномерное размещение является в значительной мере историческим наследием прошлого... Однако и до настоящего времени сохранилась еще бóльшая неравномерность в размещении населения. В районе лесостепной части Украины, например в Винницкой и Каменец-Подольской областях, на колхозный двор приходится менее 4 гектаров пашни, в то время как в районах востока размеры пашни на колхозный двор превышают 20 гектаров (Казахская ССР, Сталинградская, Чкаловская области и др.). В районах с наибольшей плотностью сельскохозяйственного населения (лесостепная часть Украины, некоторые центральные районы Европейской части РСФСР) неиспользованные трудовые резервы весьма значительно увеличатся с завершением комплексной механизации сельского хозяйства. Отсюда вытекает задача планового перераспределения трудовых ресурсов колхозов в промышленность и в многоземельные районы востока»*).

Колоссальный рост промышленности и городов в СССР за годы первой и второй пятилетки происходил главным образом за счет притока в города крестьянского населения. По данным советской статистики, из сельских мест в города переселилось за 1929-38 гг. 22,8 миллионов человек. Еще больше сократилось крестьянское население, живущее работой на своих дворовых участках. Число крестьянских дворов и их население уменьшилось за этот период времени следующим образом (в миллионах):

*) «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. VI.

	крест. дворов	в них душ
1929	25,5	122,4
1938	20,3	78,6
убыло	5,2	43,8
„ в %%	20,4	35,8

Этот процесс социального перековывания крестьян-земледельцев и промышленных рабочих шел само-теком, без всякого контроля и регулирования органами власти: бежали из деревни в города прежде всего те крестьяне, которые не хотели примириться с принудительной коллективизацией их земельных участков, скота и инвентаря.

В то же время усиленная механизация сельского хозяйства, главным образом в зерновых районах, увеличивала избыток рабочих сил в густонаселенных областях Европейской России. Первая машинно-тракторная станция была организована Украинским объединением советских хозяйств в советском хозяйстве имени Шевченко в Одесском округе в 1925 г.; в 1928 г. совхоз обслуживал своими тракторами 26 сел с общей площадью в 24.000 гектаров земли. Договор крестьян со станцией заключал в себе условие, что все межи на полях, отделяющие индивидуальные земельные участки крестьян, уничтожаются; собранный урожай распределяется между отдельными дворами селения пропорционально числящимся за ними земельными наделами*). Следующая таблица показывает рост числа тракторов и комбайнов (в тыс. штук) и мощности тракторного парка (в мил. лошадиных сил):

*) А. Маркевич, Межселенные машинно-тракторные станции, 5-е изд. 1929 г.

	1928	1932	1937	1938
тракторов	26,7	148,5	454,5	483,5
их мощность	0,3	2,2	8,4	9,3
комбайнов	—	14,1	128,8	153,5
% механизации земледелия	2	17	57	58

Машинно-тракторные станции обслуживали в 1938 г. 93,3% посевной площади колхозов; комбайнами было убрано 39,9% этой площади. В 1937 г. основные фонды машинно-тракторных станций в Союзе ССР достигли 5.944 мил. рублей, или 698,6 мил. золотых долларов. Оборудование советского сельского хозяйства тракторами, комбайнами и другими сельскохозяйственными машинами дало большой рост производительности труда главным образом в зерновых районах. Затрата человекодней на гектар посева и центнер зерна составляла*):

	на гектар посева	на центнер зерна
В единоличных крест. хозяйствах в 1923-25 гг.	20,82	3,20
В колхозах в 1933 г.	12,30	1,73
„ „ 1937 г.	10,55	0,02

Но сельскохозяйственные машины мало применимы в животноводстве, культуре технических растений и овощей; даже в зерновом хозяйстве тракторы и комбайны находят лишь ограниченное применение в нечерноземных и горных областях. Пахота под яровые и посев яровых на тракторной тяге и уборка зерновых комбайнами производилась в 1937 г. на следующем проценте занятой в колхозах соответствующими культурами площади**):

*) «Колхозы во второй пятилетке» стр. IX-X, 57; «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке», Москва, 1939, стр. 4.

***) «Колхозы во второй пятилетке», стр. 33-34; «Производительность и использование труда в колхозах», стр. 129.

	пахота		уборка
	под яровые	посев яровых	зерновых комбай- нами
1. Украинская ССР	85,0	39,9	39,6
Северный Кавказ и Крым	90,6	80,1	60,3
Средняя и Нижняя Волга	91,4	75,5	58,9
Урал	76,9	54,4	43,5
Западная Сибирь	68,4	50,1	45,9
Казахстан	66,8	43,0	44,0
11. Европейский Север	34,1	3,3	2,7
Северо-западная область	45,9	4,2	2,2
Центр.-нечерноземная „	59,2	15,9	6,9
Белорусская ССР	55,9	5,9	1,4
Верхне-Волжская область	52,2	19,9	9,7
111. Азербайджанская ССР	78,5	40,7	9,1
Грузия	29,7	8,2	8,3
Армения	40,7	10,3	9,3

Если на черноземе, особенно в степи, тракторный плуг и комбайн, одновременно и жнущий и обмолачивающий зерновые хлеба, получили широкое распространение, то на нечерноземных полях они, несмотря на все усилия советских администраторов, занимают очень скромное место. Не трудно понять, почему. На целинных землях нечерноземной полосы гумусовый слой обычно не превышает 8-13 сантиметров, причем большое количество земель имеет гумусовый слой менее 8 сантиметров*). Пахотные земли этой полосы также имеют очень мелкий почвенный слой. Пахота этих земель тракторными плугами на глубину 20-25 сантиметров вывернула бы подпочвенный слой и понизила бы, или погубила урожай посеянного хлеба. Работать же на глубину 8-13 сантиметров этими мощными плугами — не экономно.

*) «Социалистическое сельское хозяйство» 1940, кн. VII, стр. 69.

Тракторный плуг выгоден там, где в прежнее время пахота производилась малороссийским плугом, в который впрягалось три пары волов; но где крестьянин пахал землю великорусскою сохою на одной лошади, там трактор — бюрократическая затея. Такой же затеей он является в горах Кавказа с их малыми и покатыми клочками обработанной земли. Комбайны полезны на черноземе, где солома высыхает на корню и обмолот зерна производится тотчас вслед за жнивьем. Но в нечерноземной полосе, где для высушки соломы и колоса хлеб нужно на много дней оставлять на полях в бабках, а потом сушить в овинах, — там комбайны работают плохо; они оставляют много зерна невымолоченным в колосьях, а если и зерно не вполне созрело и высохло, портят и зерно. В Горьковской (Нижегородской) области в 1940 году был такой случай: — «Утром гусеничный трактор подвез к участку ржи комбайн. И гусеничный трактор и комбайн — в хорошем рабочем состоянии, но убирать рожь нельзя: — в ней много «подгона», т. е. поздних, еще зеленых стеблей. Комбайнер пробовал убирать эту рожь, — «получается солод», жижеобразная смесь. Такую смесь можно убирать только простыми машинами или вручную. А комбайнеру пришлось бы ждать той поры, когда «подгон» созреет. Но покуда зеленые побеги созреют, все спелые колосья, т. е. 90% урожая, осыплются»^{*}). Такие случаи хлебов в два яруса встречаются сравнительно редко и не имеют большого значения. Решающее значение имеет медленное высыхание соломы во всей нечерноземной полосе. Повидимому, значение этого обстоятельства начинают понимать советские хозяйственники. Очень показательна в этом отношении следующая статья, напечатанная в «Правде» в 1940 г.: — «Колхозы республик и областей нечерноземной полосы только начинают уборку колосовых культур. Сейчас

^{*}) «Правда» 10 августа 1940.

уже видно, что здесь придется собирать хлеб, когда выпадают значительные осадки. Значит, необходимо позаботиться о просушке скошенного хлеба. В колхозах нечерноземной полосы имеются значительные площади полегшего, прибитого к земле дождями хлеба, который трудно просыхает и легко прорастает сорняками. Когда такой хлеб достигает восковой спелости, его надо немедленно скашивать, применяя порой и ручную уборку. Особой заботы требует просушка в снопах. Снопам должны складываться не в крестцы, а в бабки. В крестцах колосья соприкасаются с влажной землей. Нужно также вспомнить о ригах и овинах. О них забыли, а сушить хлеб в овинах и в ригах придется многим колхозам»^{*)}).

Таким образом, механизация сельского хозяйства наталкивается на целый ряд технических препятствий, преодолеть которые очень трудно. Поэтому конная тяга и соответствующих размеров земледельческие орудия играют до сих пор очень большую роль в сельском хозяйстве ряда областей СССР. Если на Средней и Нижней Волге конная тяга составляла в 1937 г. только 16,8% энергоресурсов колхозов и обслуживающих их машинно-тракторных станций, то в Северо-западной области она составляла 62,2%, в Грузии 70,5% этих энергоресурсов. В 1939 и 1940 гг. советская печать настойчиво внушала советским хозяйственникам необходимость широкого использования конной тяги и заботливого отношения к коню: — «Необходимо прежде всего раз и навсегда покончить с вредительскими «теориями» о замене лошади машиной, об «отмирании» лошади... Для каждого должно быть совершенно понятно, какую огромную работу будет выполнять конь в сельском хозяйстве в нынешнем году. Достаточно сказать, что в некоторых областях нечерноземной полосы, как на-

^{*)} «Правда», 11 августа 1940 г.

пример, в Казанской, на долю лошади приходится более половины всех полевых работ»*)).

Таковы общие условия и тенденции развития сельского хозяйства в СССР. Попробуем уяснить, какое влияние эти условия оказали на развитие различных социальных форм крестьянского хозяйства, — колхозов, хозяйств колхозников на приусадебных участках и единоличных крестьянских хозяйств.

Начнем с посевных площадей. В 1935 г., последнем году, за который мы располагаем подробными сведениями, — в различных формах сельского хозяйства посевная площадь распределялась между основными группами культур следующим образом (в % %)**):

	зерновые и бобовые	техни- ческие	огородно- бахчевые	кормовые
Совхозы	74,4	3,8	7,3	14,3
Колхозы	80,8	9,0	4,3	5,8
Колхозники	28,0	2,7	66,6	2,7
Единоличники	80,8	6,4	11,0	1,7
Рабочие и служащие	23,7	1,0	74,3	1,0
Всего:	77,9	8,0	7,5	6,5

Посевы зерновых решительно господствовали в колхозах, совхозах и у единоличников. Следующее по значению место в колхозах занимали технические культуры, в совхозах — кормовые культуры, у единоличников — огородно-бахчевые. У колхозников и рабочих и служащих первое место занимали огородно-бахчевые культуры, второе — зерновые культуры, солома которых идет на содержание скота. Это распределение культур показывает, что хозяйство колхозников на приусадебных участках преследовало

*) Социалистическое земледелие, 1939, II, 6.

***) «Сельское хозяйство СССР», ежегодник 1935 г., стр. 1367-1369.

главным образом цель получить продукты, необходимые для прокормления их семей, и некоторое количество кормов для скота.

В структуре земледельческого хозяйства колхозников на их приусадебных участках большое значение имеет тот перелом, который произошел около 1932 г. Хозяйства эти в 1929 и в 1932-35 гг. представляют собою два совершенно различных социально-экономических типа. Хозяйства 1929 г. по своей структуре были тождественны с хозяйствами крестьян-единоличников; это были обломки старых крестьянских единоличных хозяйств, еще не успевших подвергнуться коллективизации. Приусадебными участками они были ограничены только в 1932 г.*). Поэтому лишь с этого года мы имеем дело с особым социально-экономическим типом хозяйства колхозника на его приусадебном участке. Средние размеры посевных площадей в этих хозяйствах, по сравнению с посевными площадями на двор в колхозах и у единоличников, изменялись следующим образом:

	1929	1932	1937	1938
В колхозах	4,1	6,1	6,3	6,2
У колхозников	—	0,16	0,27	0,28
У единоличников	4,5	2,9	0,8	0,7

Сталин на втором съезде колхозников-ударников в 1935 г. формулировал основной принцип новой экономической политики в области сельского хозяйства в следующих словах: «Если вы хотите укрепить артель, если вы хотите иметь массовое колхозное движение, которое должно охватить миллионы дворов, а не единицы и сотни, если вы хотите этого добиться, — вы при нынешних условиях должны обязательно учесть, кроме общих интересов колхозников, их личные интересы». — «Вы нисколько не учитываете лич-

*) «Социалистическое сельское хозяйство СССР», статистический сборник 1939 г., стр. 43.

ных интересов колхозников, когда говорите, чтобы не больше одной десятой части гектара приусадебной земли дать колхознику. Некоторые думают, что корову нельзя давать, другие думают, что свиноматку нельзя давать. И вообще вы хотите зажать колхозника. Это дело не выйdet. Это неправильно... Если у вас в артели нет еще избытка продуктов и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям, все, что нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворить, и личные. Тогда лучше сказать прямо — что вот такая-то область работы — общественная, а такая-то — личная. Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, большое, крупное и решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд, и есть наряду с этим небольшое личное хозяйство, необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника. Коль скоро имеется семья, дети, личные потребности и личные вкусы, то с этим нельзя не считаться. И вы не имеете права не считаться с личными бытовыми интересами колхозников. Без этого невозможно укрепить колхозы. Сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов, — вот где ключ укрепления колхозов»*)).

Это признание советской властью законности существования у колхозников личных интересов и личного хозяйства открыло перед ними возможность создания огородных и скотоводческих хозяйств на их приусадебных участках. Уже в примерном уставе сельскохозяйственной артели, утвержденном 1. III. 1930 г., рекомендовалось оставлять в единоличном пользовании членов коллективных хозяйств приусадебные земли (огороды, сады и т. д.), мелкий сельскохозяйственный инвентарь, потребный для работ на приусадебных землях, по одной корове на семью, овец и свиней в районах, где они не имеют промышленного зна-

*) На аграрном фронте, 1935, II-III, стр. 9-10.

чения — все, в размерах, устанавливаемых артелью; домашнюю птицу и жилые постройки. Новый устав сельскохозяйственной артели или колхоза, утвержденный в 1935 г., значительно улучшил условия хозяйственной деятельности колхозников в их личном, необобществленном хозяйстве. Устав этот признал за колхозниками право иметь в личном пользовании участки приусадебной земли размером от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ гектара, а в некоторых районах до 1 гектара, и на владение скотом в следующих размерах:

районы	коров	МОЛОД- няка		овец и коз	лошадей	верблю- дов
		рог. скота	свнио- маток			
Зерновые, льяные, свекл. и т. д.	1	2	1-2	10	—	—
Землед. с развитым жи- вотноводством	2-3	неогран.	2-3	20-25	—	—
Некочевое или полукоче- вое животноводство	4-5	„	2-3	30-40	1	—
Кочевое животноводство	8-10	„	—	100-150	10	5-8

Для социально-экономической структуры сельского хозяйства за последнее десятилетие в СССР особенно показательны данные о количестве рогатого скота в различных формах хозяйства (на июль каждого года, в тысячах голов):

	1929	1932	1937*)	1938*)
Советские хозяйства	204,0	3.526,4	5.130	4.613,6
Колхозы	384,1	10.112,6	17.385	18.328,0
Приусадебные участки колхозников	28,7	12.683,0	26.676	31.157,6
Единоличные крестьяне	66.495,1	13.414,7	1.710	1.832,8
Рабочие и служащие	—	—	6.042	7.268,0
Всего	67.111,9	40.650,7	57.000	63.200,0

*) Количество скота в 1937 и 1938 гг. в разных формах хозяйства вычислено по процентным отношениям распределения скота, опубликованным в «Плановом хозяйстве» 1938, кн. V, стр. 45.

На один двор в колхозах, у колхозников и крестьян-единоличников приходилось штук скота:

	1929	1932	1937	1938
Лошади (голов):				
В колхозах	0,34	0,72	0,70	0,71
У колхозников	0,04	0,03	0,04	0,04
У единоличников	1,39	0,81	0,31	0,39
Крупный рогатый скот (голов):				
В колхозах	0,38	0,68	0,94	0,97
У колхозников	0,03	0,85	1,44	1,65
У единоличников	2,72	1,42	1,23	1,40
Овцы и козы (голов):				
В колхозах	0,65	0,81	1,54	1,86
У колхозников	0,08	0,98	0,87	2,51
У единоличников	5,93	1,88	2,45	2,82
Свиньи (голов):				
В колхозах	0,13	0,22	0,33	0,40
У колхозников	0,01	0,19	0,55	0,81
У единоличников	0,83	0,31	0,33	0,54

Очевидно, количество скота у колхозников росло значительно быстрее, чем в колхозах. За исключением лошадей, которых колхозникам запрещено иметь советским законом, все остальные виды скота за эти десять лет принудительной коллективизации дали поразительно быстрый количественный рост*). Если в 1938 г. посевные площади были огосударствлены и коллективизированы на 94,6%, то крупный рогатый скот был обобществлен только на 36,3%, овцы и козы на 44,7%, свиньи на 35,3%. Скотоводство, требующее тщательного ухода за скотом, коллективизировать и огосударствить оказалось гораздо труднее, чем

*) По свидетельству А. Андреева, коневодство в колхозах ведется очень плохо: в 1946 г. в них на 100 маток получено только 38 жеребят. Известия, 1947, 7 марта.

земледелие. Колхозники развивали скотоводство на своих карликовых приусадебных участках несмотря на полное отсутствие у них сенокосов и пастбищ. Сравнение распределения скота по формам хозяйства с распределением посевов и кормовой площади показывает, как глубоко дезорганизовала принудительная коллективизация сельское хозяйство Советской России. На колхозы приходилось 79,2% посевной площади Союза, — и только 17,6% коров и 30,4% овец; единоличные хозяйства засеивали 5,2% посевной площади, и имели 12% рабочих лошадей, 16,9% коров и 13,0% овец; колхозники на своих приусадебных участках засеивали 3,3% посевной площади и имели 55,7% всех коров Союза и 40% всех овец. Еще показательнее сравнение распределения скота с распределением кормовой площади по различным формам хозяйства в 1935 г. (в тысячах гектаров)*):

	СОВХОЗЫ	КОЛХОЗЫ	КОЛХОЗНИКИ	ЕДИНОЛИЧНИКИ
Посев кормовых культур	2.137,2	6.156,8	—	233,7
в %%	25,1	72,2	—	2,7
Площадь сеноуборки	7.375	37.251	—	2.068
в %%	15,8	79,8	—	4,4

По этим данным, совхозы были в избытке обеспечены кормами**); хорошо ими был обеспечен и

*) Социалистическая реконструкция сельского хозяйства, 1935, кн. XII, стр. 57.

***) По свидетельству А. Андреева, зерновые совхозы «имеют 8,5 млн. га земельной площади и только 2,5 млн. посевной площади, а скота имеют только 640.000 голов. Как видите, земли у них неиспользованной очень много, а скота они имеют очень мало, меньше одной головы на 10 га площади, в результате огромное количество пастбищ, сенокосных земель просто пропадает.» Известия, 1947, 7 марта.

колхозный скот. Напротив, скот колхозников был обеспечен кормами в высшей степени неудовлетворительно. Выпас скота они производили на парах и на стерне колхозных полей, сено и солому получали с колхозных сенокосов и полей. Но собранное колхозами сено шло, прежде всего, на выполнение государственного плана заготовок сена, затем на образование кормового фонда для обобществленного колхозного скота; и лишь остатки сена распределялись по трудодням между колхозниками, имеющими скот. В большинстве колхозов этих свободных остатков никогда не бывало; председатели колхозов естественно стремились кормить колхозный скот лучшим кормом, сеном, и отдавали колхозникам одну солому.

На северных подзолах и суглинках это несоответствие между распределением посевных и кормовых площадей и скота между колхозами и хозяйствами колхозников приводило к еще одной неувязке. Чтобы иметь высокий урожай на колхозных полях на этих землях их нужно удобрять навозом; но главная масса навоза производилась не в колхозах, а в дворах колхозников. Колхозники, получая от колхоза по трудодням одну солому, и расходуя на корм скоту картофель и корнеплоды, выращиваемые на их усадебных участках, вывозили весь навоз на свои усадебные участки, колхозные же поля, получающие только колхозный навоз, страдали от его недостатка и давали низкие урожаи.

В хозяйствах единоличников скот был лучше обеспечен кормами, чем в хозяйствах колхозников, которые в этом деле целиком зависели от усмотрения колхозного начальства, но все же очень недостаточно.

Таковы производительные силы, которыми располагали различные формы земледельческих и ското-

водческих хозяйств в Союзе СССР до войны*). Руководящее положение в сельском хозяйстве Союза за-

*) В 1940-х гг., в годы войны и после войны, количество скота в индивидуальном пользовании, напротив, значительно уменьшилось и коллективизация скота сделала большие успехи. На 1 янв. 1938 и 1948 гг. скот след. образом распределялся между различными формами хозяйства (в миллионах голов):

	лошади		рогат. скот		овцы, козы		свиньи	
	1938	1948	1938	1948	1938	1948	1938	1948
Общественные хозяйства:								
Совхозы	2,0	—	3,7	4,9	7,0	—	2,8	6,8
Колхозы	12,5	—	14,8	21,2	22,7	—	6,3	6,3
Итого	14,5	—	18,5	26,1	29,7	71,3	9,1	13,1
Частные хозяйства:								
Единол. крестьяне	0,5	—	1,5	3,9	2,4	2,8	0,6	1,9
Колхозники	0,8	—	25,1	19,1	30,7	18,5	12,8	3,7
Рабочие, служащие и др. групп. насел.	0,3	—	4,2	7,0	2,4	5,2	1,9	1,6
Итого	1,6	—	30,8	30,0	35,5	26,5	15,3	7,2
Всего в нар. хозяйстве	16,2	12,9	50,9	56,1	66,7	97,8	25,7	20,3

Обобществление скота за 1940-е годы увеличилось значительно за счет скота колхозников. Процент обобществления скота составлял:

	1938	1948
Лошади	89,5	—
Рогатый скот	36,3	46,5
Овцы, козы	44,7	72,9
Свиньи	35,4	64,5

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг., 1946, стр. 37; Большая советская энциклопедия, 1948, стр. 934-935; Социалистическое сельское хозяйство 1948, —, стр. 41; Известия, 19 и 23 апреля.

нимали колхозы. Им принадлежало более 85% всей эксплуатируемой площади Союза (за исключением больших лесных массивов), они засеивали более 85% посевной площади его, им принадлежало 77,6% лошадей и 30,5% рогатого скота. Поэтому, результаты и достижения советского сельского хозяйства определялись, главным образом, работой колхозов. Посмотрим, как организовано было их хозяйство и работа, что они брали у прикрепленных к ним крестьян и что они им давали.

Работа в колхозах производилась колхозниками главным образом в возрасте 16-59 лет. В 1937 г. в колхозах было проработано человекодней в среднем на один двор и на один человекодень приходилось трудодней*):

	колич. человекодней	трудодней в человекедне
Подростков до 16 лет	15,5	1,0
От 16-59 лет: мужчин	179,6	1,36
женщин	126,0	1,23
60 лет старше: мужчин	16,6	1,12
женщин	3,6	1,05
Итого:	341,2	1,28

Кроме того, в колхозах работало некоторое количество наемных рабочих, не состоящих членами колхозов; в среднем на двор такие наемные рабочие проработали 4,3 дня. В свою очередь, колхозники проработали на машинно-тракторных станциях 4,3 человеко-дня на двор.

*) «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке», Москва 1939, стр. 124-126; N. Jasny, *The Socialized Agriculture of the USSR*, 1949, p. 410.

Мужчины колхозники отдавали свою рабочую силу главным образом работам в колхозе и отхожим заработкам на стороне; женщины-колхозницы — работам в колхозе, на приусадебном участке и в домашнем хозяйстве. Подростки и старики работали главным образом на приусадебных участках и в домашнем хозяйстве.

Для организации работы в колхозах важное значение имеет образовательный уровень их управленческих кадров. По свидетельству «Правды», он не высок. К началу 1939 г. только 8% всех председателей колхозов имели неполное и полное среднее образование, специальную агрономическую подготовку — 22%. Более двух третей председателей имело низкий уровень общеобразовательной и специальной подготовки*). Сверх низкой квалификации, кадры эти страдали еще высокой текучестью. В конце 1937 г. работали в должности (в процентах к итогу)**):

	до 1 г.	1-2 г.	2-5 лет	свыше 5 лет
Председатели колхозов	46,0	19,6	25,2	9,2
Председатели ревизионных комиссий	47,1	24,6	22,3	6,0
Агрономы	44,2	23,9	22,8	9,1
Зоотехники	54,6	23,7	15,5	6,2

Если сильная текучесть простых рабочих на фабриках, заводах и рудниках наносит тяжелый ущерб промышленности, то какой ущерб сельскому хозяйству страны наносит такая текучесть их управленческих кадров, агрономов и зоотехников, при которой около половины колхозов в стране имеет председателей и главных специалистов, работающих в колхозе, менее года?

*) «Правда» 7 марта 1940 г.

***) «Колхозы во второй пятилетке», стр. 60-66.

Несколько примеров дадут нам представление о том, что делалось при такой организации работы в колхозной деревне. В Джанкойском районе в Крыму, по словам «Правды», — «так уже повелось, что председатели колхозов в большинстве случаев не избираются, а... назначаются. Задумав укрепить руководство артели, коммунистические районные организации приискивают где-нибудь на стороне «подходящего человека» и объявляют колхозникам, что председатель, мол, подобран. На деловые качества подобранного руководителя местные партийные организации обычно не обращают внимания. Обанкротится такой председатель — его перебрасывают в другой колхоз, потом в третий, четвертый и т. д. «Подходящие люди» в связи с этим превращаются по существу в «разъездных председателей» колхозов, полагающих, что они никому не подчиняются, за исключением районных организаций»^{*}). В одном из районов Краснодарского (Екатеринодарского) края «установилась традиция не давать председателям колхозов подолгу засиживаться на одном и том же месте. В одном колхозе за последние годы сменилось 8 председателей, в другом 12, в третьем 11. Плохая это традиция: артельное хозяйство — дело сложное. Оно требует от председателя большого опыта, знания экономики колхоза, людей. А знание это дается не сразу, не в неделю, не в месяц»^{**}).

Уже с начала принудительной коллективизации осенью 1929 г. коллективные крестьянские хозяйства не получили права хозяйственного самоуправления, и были отданы во власть местных организаций коммунистической партии и земельных органов советской власти. Они не были самоуправляющимися кооперативными организациями; во главе их большею частью

^{*}) «Правда» 7 марта 1940 г.

^{**}) «Правда» 6 октября 1940 г.

были поставлены молодые коммунисты. После затруднений с заготовками осенью 1932 г. в коммунистической партии установилось мнение, что партия должна взять в свои руки все дело колхозного строительства. 11 января 1933 г. Сталин произнес на пленуме Центрального комитета коммунистической партии речь, в которой следующим образом формулировал основную задачу партии в деревне: «Пока в деревне преобладал единоличный хозяин, партия могла ограничивать свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения. Тогда единоличник сам должен был заботиться о своем хозяйстве, ибо ему не на кого было взвалить ответственность за это хозяйство, которое было лишь его личным хозяйством, и не на кого было рассчитывать, кроме себя самого. Тогда единоличник должен был сам заботиться о севе, об уборке, и вообще обо всех процессах сельскохозяйственного труда, если он не хотел остаться без хлеба и стать жертвой голода. С переходом на коллективное хозяйство дело существенно изменилось... Центр тяжести ответственности за ведение хозяйства переместился теперь от отдельных крестьян на руководящее ядро колхоза. Теперь крестьяне требуют заботы о хозяйстве и разумного ведения дела не от самих себя, а от руководства колхоза. А что это значит? Это значит, что партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу и помочь колхозникам вести свое хозяйство вперед, на основе данных науки и техники. Но это не все. Колхоз есть крупное хозяйство. Но крупное хозяйство нельзя вести без плана. Крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда и тысячи дворов, может вестись лишь в порядке планового руководства. Без

этого оно должно погибнуть и развалиться. Вот вам еще одно условие при колхозном строе, в корне отличающееся от условий ведения единоличного мелкого хозяйства. Можно ли предоставить ведение такого хозяйства так называемому ходу вещей, самотеку? Ясно, что нельзя. Чтобы вести такое хозяйство, надо обеспечить колхоз известным минимумом элементарно грамотных людей, способных планировать хозяйство и вести его организованно. Понятно, что без систематического вмешательства со стороны Советской власти в дело колхозного строительства, без его систематической помощи, наладить такое хозяйство невозможно»*)).

Колхозный устав 1935 г., повидимому, предполагал отменить эту практику смены или перемещения председателей колхозов постановлениями районных комитетов. Устав этот говорит, что делами артели управляет общее собрание членов артели, а в промежутки между собраниями — избранное общим собранием правление; общее собрание избирает председателя артели и правление артели, а также ревизионную комиссию, причем ревизионная комиссия артели утверждается районным исполнительным комитетом советов. Но в комментарии к уставу, напечатанном в органе народных комиссариатов земледелия и совхозов, мы находим следующее дополнительное разъяснение: «Председатель правления и правление артели, а также ревизионная комиссия избираются общим собранием и утверждаются районным исполнительным комитетом. В основном важнейшем организационном вопросе о подборе руководящих кадров колхоза, руководящая роль дана районным исполнительным комитетам. Мы не можем выпустить из рук пролетарского государства — это важнейшее орудие руководства колхозом. Пролетарское руководство кадрами колхозов,

*) И. Сталин. Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 517-18.

выбираемыми общим собранием колхозников, имеет первостепенное значение. И, понятное дело, к этому районные исполнительные комитеты не должны отнестись формально. Надо обеспечить, чтобы в колхозах сидели преданные нам люди из передовых честных колхозников. Пролетарское руководство и колхозная демократия отнюдь не противоречат друг другу. Принципы такого сочетания имеются во всех областях нашей работы»*).

Со времени издания устава 1935 г. много воды утекло, но колхозы до сих пор не получили права на самоуправление. Их председатели до сих пор не избираются общим собранием членов колхозов, а назначаются районными комитетами или их земельными отделами, вмешивающимися в дела колхозов. Так например, в мотивах к декрету, изданному в 1938 г. о запрещении исключения колхозников из колхозов, мы находим следующую характеристику колхозных порядков: «Во многих областях, краях и республиках имеют место факты необоснованного исключения колхозников из колхозов. Практика показывает, что правления и председатели колхозов вместо того, чтобы соблюдать устав сельскохозяйственной артели и не допускать произвола по отношению к колхозникам, сами являются носителями незаконных действий. Проверкой установлено, что подавляющее большинство исключений из колхозов является совершенно необоснованным и производится без каких-либо серьезных поводов по самым маловажным мотивам. Правления колхозов сплошь и рядом исключают колхозников из колхозов за простое нарушение правил внутреннего распорядка в колхозе. Если по уставу сельскохозяйственной артели исключение из артели может быть произведено только по ре-

*) И. Лаптев. Новый устав сельскохозяйственной артели в свете учения Ленина и Сталина. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1935, VII, стр. 65.

шению общего собрания членов артели, то на деле это уставное правило сплошь и рядом нарушается и нередко случаи, когда исключение производится правлением колхоза и даже одним председателем колхоза. Руководящие партийные и советские работники районов вместо того, чтобы сдерживать и исправлять подобную вредную практику исключения из колхозов, не принимают решительных мер к пресечению произвола, допускаемого по отношению к колхозникам. Больше того, эти работники сами часто толкают председателей и правления колхозов на путь незаконных исключений колхозников из колхозов под флагом очищения колхозов от социально-чуждых и классово-враждебных элементов».

Ясно, что при таком составе руководящих кадров и такой организации управления колхозным хозяйством оно не могло прогрессировать. Особенно тяжкий вред колхозному и всему сельскому хозяйству СССР нанесло истребление местных сортов зерновых хлебов, подсолнечника и картофеля. В течение долгого времени ссуды на обсеменение выдавались из складов заготовительных организаций без внимания к сорту выдаваемых семян; поэтому южные степные сорта пшеницы попадали часто на поля нечерноземной полосы, северные — в степи Поволжья. Когда наконец стали обращать внимание на сорта культивируемых злаков и других растений, руководители районных земельных отделов начали повсюду насаждать стандартные сорта этих культур, рекомендуемые народным комиссариатом земледелия. Местные сорта были изгнаны с колхозных полей. И лишь потом было замечено, что эти местные сорта гораздо выше стандартных, одобренных в Москве. Так например, исследование на сорто-испытательных участках нечерноземной полосы урожайности местных сортов озимой пшеницы показало, что стародавние пшеницы в районах своего распространения приобрели высокую устойчивость к неблаго-

приятным условиям зимовки и дают более высокие урожаи, чем стандартные сорта, ныне повсюду высеваемые на колхозных полях*). Саратовская область является одним из старейших районов по возделыванию подсолнечника. В течение десятков лет крестьяне отобрали большое количество местных крестьянских сортов подсолнечника, хорошо приспособленных к природным условиям района. Сорта эти отличаются высокой урожайностью, засухоустойчивостью, не поражаются заразой, подсолнечной молью и гнилью, дают высокие выходы масла. Когда пришли на саратовские поля новые хозяева, они, по указанию из центра, ввели стандартный сорт подсолнечника (саратовский номер 169) и начали систематически вытеснять из посевов местные крестьянские сорта. Многие из них оказались потерянными для производства безвозвратно. Только жалкие остатки их случайно сохранились на приусадебных участках колхозников и в хозяйствах единоличных крестьян. К счастью, в 1938 г. удалось обнаружить в местном Институте зернового хозяйства случайно сохранившиеся в небольшом количестве около 600 образцов местных крестьянских сортов подсолнечника урожая 1928 г., распространенных в то время в Нижневолжском крае, т. е. до перехода к сплошной коллективизации и прихода в саратовскую деревню новых хозяев жизни. Эти полумертвые семена сохранились в количестве 100-150-200 граммов каждого сорта, со всхожестью, не превышавшей 50%; с ними и была начата с 1938 г. работа по восстановлению местных сортов**).

В 1937 г. валовая продукция сельского хозяйства

*) «Социалистическое Земледелие», 23 августа 1940 г.

***) «Правда», 20 мая 1940 г.; Социалистическое земледелие, 5 июня 1940 г.

по формам хозяйства и основным группам культур составляла (в мил. рублей):*)

	СОВХОЗЫ	КОЛХОЗЫ	ЛИЧН.ХОЗЯЙ- СТВА КОЛ- ХОЗНИКОВ	ХОЗЯЙСТВА ЕДИНОЛИЧНИ- КОВ, РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ
Продукция земледелия	1.342,5	11.445,2	2.035,4	246,4
В том числе:				
Зерновых хлебов	588,1	5.653,1	62,9	47,6
Технических культур	87,5	1.622,4	24,7	11,7
Огородно-бахчевых	666,9	2.850,7	1.779,7	187,1
Кормовых		1.319,2	168,1	
Продукция животноводства	522,6	1.223,5	2.282,8	1.024,6
В т. числе: мяса, молока и проч.	—	912,7	1.930,6	—
Прирост скота, птицы	—	310,8	352,2	—
Продукция всего сельского хоз.	1.865,1	12.668,7	4.318,2	1.271,0
В процентах:	9,3	63,0	21,5	6,3

Валовой доход хозяйств крестьян-единоличников равнялся в 1937 г. 304,5 мил. рублей, 1,5% всего валового дохода от сельского хозяйства; валовой доход хозяйств рабочих и служащих — 966,5 мил. рублей, 4,8% дохода от сельского хозяйства. В хозяйствах единоличных крестьян, и рабочих и служащих вместе, доход от земледелия на гектар посева составляет 114,7 руб., 19,4% всего дохода от сельского хозяйства; от животноводства — 476,8 р., — 80,6%. Из приведенных выше данных мы знаем, что в посевах единоличников пре-

*) «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», 1939 г., стр. 86-88; «Социалистическое строительство Союза ССР», 1939 г., стр. 84; «Колхозы во второй пятилетке», 1939, стр. XI, 81.

обладают зерновые культуры, в посевах рабочих и служащих — огородно-бахчевые; скота в хозяйствах рабочих и служащих в несколько раз больше, чем в хозяйствах единоличных крестьян. Между тем, валовой доход с гектара в колхозах в 1937 г. как мы уже говорили, был:

Зерновые культуры	60,4 руб.
Технические	153,1 ..
Огородно-бахчевые	712,7 ,,
Кормовые	169,1 ,,

Таким образом, высокая доходность хозяйств рабочих и служащих объясняется преобладанием в их посевах, как и на приусадебных участках колхозников, огородно-бахчевых культур и большим количеством скота.

Валовой доход от сельского хозяйства в его различных социально-экономических типах составлял на гектар посева в рублях по ценам 1926/27 года:

	1913	1929	1932	1937
Совхозы	—	114,7	103,4	153,3
Колхозы	—	117,1	72,9	109,2
Хозяйства колхозников	—	162,1	793,9	860,0
Единоличные крестьяне	—	125,0	115,3	283,3
Рабочие и служащие	—	—	—	899,9
Все сельское хозяйство	120,1	124,9	97,2	148,7

Эта таблица вскрывает следующий результат сплошной коллективизации и механизации: в исключительно урожайный год 1937 валовой доход колхозов на гектар посева в ценах 1926/7 г. составил только 109,2 рубля, тогда как гектар посева 1913 г. дал 120,1 руб. валового дохода, а в 1929 г. при урожае ниже среднего, единоличное крестьянское хозяйство принесло на гектар посева 125 р. валового дохода. Если бы мы могли

сравнить валовую продукцию крестьянских хозяйств 1929 г. с продукцией колхозов в 1936 или 1938 г., то мы получили бы еще более печальный результат*).

На один крестьянский двор валовая продукция его сельского хозяйства составляла в рублях по ценам 1926/27 г. **):

	1929	1932	1937
В колхозах	476,3	447,6	684,8
На участках колхозников	—	126,1	233,4
У единоличных крестьян	562,4	331,3	218,7

	крестьянское хозяйство	
	1929 г.	колхозы 1937 г.
Посева на двор в гектарах	4,5	6,3
Валовой доход на гектар посева, руб.	125,0	109,2
„ „ двор, рублей	562,4	684,8

За 1929 г. мы не приводим цифру валовой продукции приусадебных хозяйств колхозников, так как в этом году, как мы показали выше, этот социально-экономический тип хозяйства еще не существовал.

Чтобы установить, что дает система колхозного хозяйства русским крестьянам, нам было бы очень важно знать размеры не валового, а чистого дохода от сельского хозяйства на крестьянский двор. Чтобы определить его величину, мы должны из валового дохода вычесть следующие материальные затраты: на семена, на корм скоту, ремонт построек и инвентаря, покупку минеральных удобрений и средств борьбы с вре-

*) Урожай 1936 г. был ниже урожая 1937 г. почти на треть, 31,2%; урожай 1938 г. на пятую часть, 21,2%.

***) Если валовой доход на крестьянский двор в колхозном хозяйстве в 1937 г. значительно превышает доход на двор в крестьянском хозяйстве в 1929 г., то причиной этой высокой доходности является не высокий уровень колхозного хозяйства, а более значительные меры землепользования.

дителями и др. материальные расходы. В СССР чистый народный доход от сельского хозяйства составлял около 65% валового от него дохода. Конечно, это средняя величина для всего народного хозяйства; в приусадебных хозяйствах колхозников, имеющих много скота, этот процент ниже, чем в колхозах.

О количестве продуктов, получаемых колхозниками за их работу в колхозах, мы имеем мало сведений. С 1930 г. в колхозах была принята система оплаты труда колхозников по числу трудодней, ими на колхозных работах произведенных. Трудодень меньше одного физического дня работы, называемого человеко-день. Если колхознику, производящему простую, неквалифицированную и легкую работу, засчитывается за физический день работы один трудодень, то квалифицированному рабочему за физический день работы засчитывается $1\frac{1}{2}$, 2 трудодня, и по мере роста уважения к квалифицированному труду эта расценка все повышается. В 1937 г. на один отработанный человеко-день приходилось 1,28 трудодней. Распределение по трудодням, вместо распределения по душам (едокам) или работникам было введено в 1931 г. для усиления материальной заинтересованности колхозников в результатах их труда. Мотивы, по которым советская власть установила в колхозах распределение по трудодням той части доходов, которая поступает их членам, хорошо формулированы народным комиссаром земледелия Яковлевым на VI съезде советов в марте 1931 г. Он указал, что «самым вредным недостатком в работе колхозов в 1930 г. было практикующееся во многих случаях распределение колхозного дохода не по количеству и качеству труда колхозников, а по душам. Мы непосредственно запросили большое количество колхозов о том, как у них распределялся доход. Колхозники нам написали отовсюду; огромное большинство ответов гласит: «по душам», «по едокам». Этот вопрос наиболее существен для судеб колхозного движения,

ибо опыт показал, что, где применяется подушное распределение доходов, там нельзя по-настоящему заинтересовать колхозников в результатах труда, а это значит, что там нельзя использовать полностью все те преимущества, которые может дать крупное общественное хозяйство... Пока для существования хозяйства необходима материальная заинтересованность трудящегося в размере оплаты его труда, единственным социалистическим способом распределения дохода является распределение дохода по труду (с учетом его количества и качества)».

По докладу Яковлева, съезд принял постановление: «Распределение колхозных доходов по принципу кто больше и лучше работает, тот больше получает, кто не работает, тот ничего не получает, должно стать правилом для всех колхозников и колхозов. Соответственно этому, в основных сельскохозяйственных работах, в пахоте, севе, прополке, уборке, молотьбе, массовое распространение должна получить сдельная работа, оцениваемая в трудоднях. Только на этой основе может быть укреплена трудовая дисциплина и хорошо организована работа в колхозах».

О распределении валового сбора зерновых хлебов и бобовых мы располагаем следующими данными за 1933-1939 гг. в процентах*).

	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
Семенной фонд	20,2	19,4	19,1	22,5	16,3	18,6	18,2
Фуражный фонд	10,0	10,5	11,3	11,2	12,7	13,6	13,9
Обязательные поставки государству					12,2	15,0	14,3
Натуральная оплата работы машинно-тракторных станций	35,5	36,8	38,7	39,5	13,9	16,0	19,2
Продано государственным заготовителям					4,8**)	5,1**)	4,0**)
Прочие на значения	6,0	4,9	4,1	3,7	4,2	4,8	7,5
Распределено по трудодням	28,3	28,4	26,7	23,1	35,9	26,9	22,9

В годы перед войною более или менее регулярно опубликовались лишь сведения о выдаче зерна на трудодень, да и то не за каждый год; опубликованные за четыре года размеры выдачи денег на трудодни*):

*) «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, кн. XII, стр. 63; А. Арина, Новое в колхозном движении, «Известия», 29 марта; N. Jasny, The Socialized Agriculture of the USSR, 1949, pp. 738, 745.

***) Включая продажу на колхозных рынках.

Выработано трудодней	257	315	354	378	393	438	437
на семью							
Выдано зерна: на трудо-							
день (килогр.)	2,3	2,9	2,8	2,4	1,6**)	4,0	2,2
„ на семью (центн.)	6,00	9,83	9,91	9,07	6,25**)	17,42	9,6
„ всего (мил. центн.)	89,5	142,0	163,0	165,0	124,0	293,0	180,0
„ в % от валового							
сбора	19,1	28,3	28,4	26,7	23,1	35,9	26,9
Выдано денег:				65	—	85	109
на трудодень (копеек)	42	29**)	27**)				
„ на семью (рублей)	108	90**)	94**)	247	—	375	480
„ всего (мил. руб.)	1.611,2	1.373,3	1.481,3	4.281,7	—	6,956,0	9.046,8
„ в % от денежных							
доходов колхозов	35,2	24,2	29,4	45,9	—	47,7	52,4
Сумма денежных дохо-							
дов колхозов (мил. руб.)	4.581	5.675	5.036	8.880	12.460	14,583	17.265

*) Данные за 1938 г. взяты нами из следующих источников: «Колхозы второй пятилетки», 1939, стр. 36, 110; А. Арина, Колхозы в 1938 г., Социалистическое сельское хозяйство, 1939, кн. XII, стр. 62.

***) Эти цифры в советских изданиях опубликованы не были; они вычислены нами из данных, опубликованных в следующих источниках: «Плановое хозяйство», 1938 г., IX, стр. 93-98; «Социалистическое Сельское Хозяйство», 1939, кн. XII, стр. 62-68; 1940, IV, стр. 16; «Большевик», 1936, тетрадь X, стр. 42. По данным Н. М. Ясного, колхозники на трудодень получили в 1939 и 1940 гг. по 1,9 килограммов зерновых хлебов, а в 1945 и 1946 гг. по 1,0 килограмму или даже менее. (N. Jasný, The Socialized Agriculture of the USSR, pp. 695, 697).

Замалчивание советскою печатью цифры выдач зерна на трудодень в 1936 и 1938 гг. вполне понятно: эти цифры ясно обнаруживают чрезвычайный характер высоких выдач 1937 г., которые советская печать, — не только политическая, но и экономическая, — упорно квалифицирует, как твердое достижение коллективного хозяйства. О размерах денежных выдач по трудодням в 1936 г. мы не имеем никаких данных. Продовольственной нормой в России считалось 2,5 центнеров зерна на человека в год. При средней величине колхозной семьи в 1937 г. в 4,0 чел. на продовольствие ее нужно было 10 центнеров зерна в год. Кроме того, некоторое количество зерна нужно на корм скоту, — свиньям, коровам и телятам, птице. По этому расчету 1932 и 1936 гг. были для колхозного хозяйства голодными годами, 1933 и 1935 — полусытыми, 1934, 1937 и 1938 — сытыми.

Кроме зерна колхозы выдают своим членам и другие сельскохозяйственные продукты. В 1932-1934 гг. было выдано в центнерах на двор*):

	1932	1933	1934
Картофеля	2,1	5,7	7,8
Овощей	0,5	1,4	5,4

Но картофель и овощи, как и многие другие продукты, выдавались только в части колхозов. В 1937 г. картофель выдавался в 59% всего числа колхозов по 11,8 центнеров на двор**). В 1936 г. выдачи его были менее значительными, всего 62,5% от выдач 1937 г. или по 7,4 центнера на двор. Колхозы выдавали на трудодни колхозникам также семена подсолнуха и других масляных культур, овощи, бахчевые и фуражные куль-

*) «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936, 1, стр. 104.

***) Колхозы во второй пятилетке, стр. 112.

туры: кормовую свеклу, сено, яровую и озимую солому, полову, озадки зерновых, жом, жмыхи и т. д. По данным бюджетного обследования хозяйства колхозников, корма для содержимого ими на приусадебных участках скота поступали почти исключительно из колхозов. Некоторое представление о размерах выдач этих продуктов дают следующие данные о выдачах в колхозах по трудодням 1937 и 1938 гг. (в %% от всего сбора)*):

	1937	1938
Сахарная свекла	—	—
Хлопок	—	—
Подсолнухи	27,8%	20,2%
Лен: волокно	2,6	—
Семя	3,7	—
Конопля: волокно	3,4	—
Семя	15,7	—
Картофель	45,4	27,4
Овощи	—	10,2
Фрукты	—	6,7
Виноград	—	5,6
Молоко	7,6	12,0
Коровье масло	26,6	
Мясо и сало	10,0	10,0
Шерсть овечья	7,7	8,0
Яйца	26,6	28,0
Мед	35,1	—
Сено	—	15,7

В ценах 1926/7 г. хозяйственный баланс колхозов выражается в следующих величинах:

*) N. Jasny, *The Socialized Agriculture of the USSR*, pp. 689, 691.

	1932	1937	1938
Валовая продукция всего сельского хозяйства ¹⁾	12,000	18,400	17,400
Чистый доход ¹⁾ „	7,000	10,300	9,400
Чистый доход в % от валового	58,3	56,0	54,0
Всего дворов в колхозах ²⁾	14,919	18,500	18,848
В них работников ²⁾	32,140	40,716	41,051
В них человек ³⁾	71,6	74,0	75,6
В колхозном дворе: работников:	2,15	2,20	2,18
В колхозном дворе: человек	5,04	4,00	4,01
Число трудодней в колхозах: всего ⁴⁾	3,793	7,893	8,005
Число на двор ⁴⁾	257	438	437
„ на работника ⁴⁾	118	194	195
Валовая продукция колхозов: на корню ¹⁾	6,7	12,7	—
Валовая амбарная	5,1	10,1	—
Выдано на трудодни: всего ⁵⁾	1,472	3,825	2,690
— на двор	99	207	143
— на работника	45,8	93,9	65,5
— на трудодень (копеек)	38,8 ⁶⁾	48,5	33,6
— на человекодень (копеек)	51,7	64,7	64,8

¹ N. Jasny, I. c., pp. 775, в миллионах рублей .

² Колхозы во второй пятилетке, стр. 1, 15 в тысячах;
N. Jasny, I. c., p. 411.

³ По переписи 1939 г., в тысячах; также гл. II, Население,
стр. 84-86.

⁴ N. Jasny, I. c., p. 411, в миллионах.

⁵ N. Jasny, I. c., p. 693, в миллионах рублей.

От индивидуального хозяйства на своих дворовых участках колхозники имели следующее количество дохода*):

	1937	1938
Их валовая продукция (миллионов)	3.700	3.200
Их чистый доход (миллионов)	2.400	2.200
— — на двор (рублей)	130	117
Дней работы: на двор	104,2	104,2
— всего (миллионов)	1.928	1.964
Выручено на день работы (копеек)	124	112

Следовательно, русский крестьянин зарабатывал в течение года от работы в колхозе и на своем приусадебном участке**):

	1937	1938
От работы в колхозе (милл. руб.)	3.825	2.690
От работы на своем приусадебном участке (милл. руб.)	2.400	2.200
Всего (мил. руб.)	6.225	4.890
В %% от всего сельскохозяйств. дохода	60,4	52,0
Всего дохода на колхозный двор (рублей)	336,5	259,4

Интересно сравнить доходы крестьян-колхозников с доходами русских крестьян от сельского хозяйства до массовой коллективизации их хозяйств в 1927/8 г. Мы располагаем следующими данными об их доходе***):

*) Н. Ясный, I. с., pp. 698-700.

***) Н. Ясный, I. с., pp. 694, 699, 700, 775.

****) Н. Ясный, I. с., pp. 693, 694, 775.

6 Н. Ясный, I. с., p. 414; в годы войны выдачи на трудодень уменьшились на 30%, если не более.

7 Н. Ясный, I. с., p. 694, человекодень равен $1\frac{1}{3}$ трудодням.

	1937/8	1937	1938
Доход крестьян от сельского хозяйства (мил. руб.)	9.200	6.225	4.890
В нем работников (миллионов)	45,0	40,7	41,1
Число дней работы в течение года:			
на взрослого работника	137	193	194
Всего (миллионов)	6.500	7.850	7.970
Оплата рабочего дня (копеек)	141,5	79,3	61,4

Систему уравнительной оплаты трудодней колхозников, независимо от получаемого бригадою или звеном урожая и продуктов животноводства, Совет народных комиссаров и Центральный Комитет партии признал уже в 1940 г. вредной, мешающей дальнейшему росту производительности труда колхозного крестьянства и противоречащей основному принципу советского хозяйства, — принципу распределения продукта по количеству и качеству затраченного труда. Она приводила к одинаковой оплате дня работы колхозника усердного и умелого и колхозника ленивого и неумелого. Такая уравнительная система оплаты труда вполне отвечает принципу социального обеспечения трудящегося, но совершенно не способна стимулировать рост интенсивности, квалифицированности и производительности труда колхозников. При системе оплаты труда по начисленным трудодням, без учета урожайности, бригады и звенья, работавшие плохо, но затратившие много трудодней, часто получали большую оплату своего труда, чем те бригады и звенья, труд которых был более производительным, и которые поэтому затрачивали на свою работу меньшее число трудодней. Поэтому, оплата труда колхозников по числу затраченных трудодней является «одной из серьезных причин, мешающих дальнейшему повышению урожайности и продуктивности животноводства». «При существующем порядке оплаты труда колхозников распределение результатов хозяйственного года в колхозах про-

изводится только по количеству выработанных трудодней, без учета качества работы, полученной бригадой или звеньем урожайности и достигнутой продуктивности животноводства». При этой системе «передовые, честно работающие колхозники, получающие высокие урожаи зерновых, технических и других сельскохозяйственных культур, а также колхозники, имеющие высокие показатели по продуктивности животноводства, ставятся в невыгодные условия по отношению к колхозникам, плохо работающим, получающим низкие урожаи. Колхозники бригад и звеньев, выполняющие своевременно и высококачественно полевые работы и в результате получающие высокие урожаи, нередко получают одинаковую или даже меньшую оплату труда в сравнении с колхозниками бригад и звеньев одного и того же колхоза, которые, несмотря на большую затрату труда на обработку полей, получают более низкие урожаи». Так например, в одном колхозе Винницкой области одно звено с 2,5 гект. сахарной свеклыбрало урожай по 136 центнеров с гектара, при затрате 370 трудодней, а другое звено с той же площади собрало по 211,5 центнера с гектара при затрате 350 трудодней. Вследствие одинаковой оплаты трудодня второе звено, давшее на 56% больший урожай, получает на трудодни денег, зерна и др. продуктов меньше, чем первое звено*).

Секретарь Центрального Комитета коммунистической партии Украины Хрущев, в своем докладе 28 янв. 1941 г., формулировал существующее положение вещей следующим образом: «В одном и том же колхозе очень часто одно звено получало урожай в 2-3 раза

*) Текст декрета «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Украинской ССР», утвержденного 31 дек. 1940 г. и напечатанного в «Правде» от 1 янв. 1941 г. Он был затем распространен на Белорусскую ССР, Московскую и Ленинградскую (Петербургскую) области.

меньший, чем другие звенья, работавшие буквально рядом и имевшие одинаковые условия. Почему так получалось? Товарищи, ларчик открывается очень просто: до сих пор было так, что если эти звенья затрачивали одинаковое количество трудодней, то они одинаково и получали. И выходило, что один человек добросовестно работает, старается, трудится, а другой — все время посмеивается: все равно, мол, получим одинаково. Один по-настоящему работает, добиваясь своей работой высоких урожаев и высокой производительности животноводства, а другой — только нагоняет побольше трудодней»*)).

Практическому применению этого декрета сильно мешало то обстоятельство, что он установил очень высокие нормы урожайности и животноводческой продукции для выдачи дополнительных оплат. Сравнение этих норм с фактическим урожаем, собранным на Украине в 1937 г., год превосходного урожая, дает следующие отношения (в центнерах):

	нормы по декрету	урожай 1937 г.
Зерновые хлеба	14,0	12,5
Сахарная свекла	202,0	176,7
Хлопок — сырец	5,8	5,1
Картофель	120,0	89,0

Очевидно, колхозники не могли рассчитывать на большие дополнительные заработки по этому декрету, и система оплаты труда колхозников по числу отработанных трудодней продолжала неограниченно практиковаться в Советской России. Поэтому 19 апреля 1948 г. Совет министров СССР издал новое постановление, радикально изменяющее систему оплаты труда

*) «Правда» 11 февраля 1941 г.

в колхозах*). При новой системе оплаты труда колхозников, для каждой работы устанавливается норма выработки и ее оценка в трудоднях. Оплата труда, при наличии этих норм, будет производиться в зависимости от производительности труда. Бригаде или звену, выполнившим установленный план сбора урожая по закрепленной за ними культуре, начисляется все количество трудодней, назначенных по норме за этот урожай. Если бригада или звено перевыполнили установленный план урожайности, им начисляется за каждый процент перевыполнения плана один процент трудодней сверх установленной нормы. Напротив, с бригады или звена, невыполнивших установленный план сбора урожая, списывается за каждый процент невыполнения плана один процент трудодней, назначенных по утвержденной норме, но не более 25 процентов.

Это постановление переводит оплату труда в колхозах с повременной формы на сдельную. В ряде районов и при старой системе оплаты применялось в тех или других размерах сдельное начало. Особенно широко оно применялось в колхозах Горьковской области по овощам и пропашным культурам, где трудодни начислялись по числу центнеров собранного урожая. Переход в колхозе на сдельную оплату труда предполагает полную ликвидацию работы скопом, при которой не может быть высокой производительности труда, и закрепление за полеводческими бригадами не только земельных участков на срок не менее одного севооборота, но и сенокосных угодий, рабочего скота, сельскохозяйственных машин, тракторных средств и производственных построек. Труд в бригадах должен быть организован по звеньевой системе,

*) «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», «Известия» 1948, 26 июня.

с закреплением за звеньями участков работы на срок не менее года. Постановление Совета министров идет в ликвидации работы скопом и укреплении индивидуальной заинтересованности кохозников в производительности их колхозного труда еще значительно дальше, рекомендуя введение мелкогрупповой и индивидуальной сдельщины.

В 1930-х годах порядок обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов колхозами, колхозниками и единоличными крестьянами заключался в том, что размеры поставок земледельческих продуктов находились в зависимости от плана посева этих культур, а продуктов скотоводства — от поголовья скота. В виду больших размеров этих обязательных поставок и низкой оплаты государством поставляемых по ним продуктов, они представляли собою тяжелый натуральный налог на крестьянское хозяйство, размеры и форма взимания которого должны были препятствовать нормальному развитию сельского хозяйства Советской России. Отрицательные стороны этого порядка, с точки зрения советской власти, заключались в следующем. По словам декрета от 6 апреля 1940, исчисление поставок зерна, риса, подсолнуха и картофеля по размерам плана сева по этим культурам «приводит к стремлению колхозов добиваться уменьшенных планов сева зерна, подсолнуха и картофеля, поощряет сокращение посевных площадей этих культур, не стимулирует освоения новых земель путем распашки целины, осушки болот и раскорчевки кустарников». Еще подробнее этот недостаток старого порядка был разъяснен секретарем центрального комитета коммунистической партии Украины Хрущевым в его докладе от 16 апреля: «Основной недостаток поставок зерна государству заключался в том, что колхозы не были заинтересованы в расширении посевных площадей, и получалось так, что если кто желает меньше поставлять государству зерна, то

он просто всеми правдами и неправдами добивался получить меньшие площади посевов зерновых. Этот метод зернопоставок давал возможность заводить в колхозах такие севообороты, при которых бы зерновые посеы занимали небольшое место. Хорошие земли, которые могли быть распаханы и пущены под посев, не распахивались, держались под укосными землями для того, чтобы не увеличивать пахотный — зерновой клин». Таким же недостатком страдает старый порядок исчисления поставок мяса, шерсти и молока по числу голов скота, при котором, по словам декрета от 6 апреля, «колхозы, имеющие развитое общественное стадо и увеличивающее его из года в год, должны сдавать все большее и большее количество мяса, молока и шерсти по обязательным поставкам государству в то время, как колхозы, имеющие слабые животноводческие фермы, сдают мало продуктов по обязательным поставкам государству, а колхозы, вовсе не имеющие животноводческих ферм и не желающие их организовывать, находятся в льготном положении, так как не сдают по обязательным поставкам государству продуктов животноводства». При этом порядке «передовые колхозы становились в невыгодное положение, уничтожалась их заинтересованность в росте общественного животноводства и, наоборот, оказывались в льготном положении отсталые колхозы, не имеющие животноводческих ферм или не дающие роста поголовья скота в фермах».

Как показывают эти выписки из правительственных декретов и доклада члена Политического Бюро коммунистической партии Хрущева, советское правительство знает, что чрезмерно большие натуральные поставки сельскохозяйственных продуктов, которые обязаны колхозы, колхозники и единоличные крестьяне отдавать государству по крайне низким ценам, являются главным препятствием для роста посевных площадей и поголовья скота, для роста производи-

тельности сельского хозяйства. Иначе оно не могло бы говорить в своих декретах о том, что старая система поставок не стимулировала освоение новых земель путем распашки целины и укосных земель, осушки болот и раскорчевки кустарников, поощряла введение таких севооборотов, при которых зерновые посевы занимали бы небольшое место, и даже приводила к сокращению посевных площадей под зерновыми хлебами, подсолнухом и картофелем, — что тяжесть обязательных поставок продуктов животноводства была настолько велика, что колхозы без общественного скота оказывались в более выгодном положении, чем колхозы, этот скот имеющие, и что эти обязательные поставки уничтожают заинтересованность колхозов в росте общественного животноводства. Если бы плата, получаемая колхозами от заготовительных органов советской власти за поставляемые ими в обязательном порядке продукты сельского хозяйства покрывали их издержки производства, колхозы не стремились бы к сокращению площади своих посевов и поголовья своего скота.

В декретах и печати были перечислены также и другие, менее важные, но чрезвычайно характерные дефекты старого порядка поставок. Так, например, по свидетельству Хрущева, старый порядок поставок был особенно невыгоден тем колхозам, «которые занимались свиноводством. Дело в том, что свинья это такое животное, которое дает очень большой приплод. Хорошая свинья дает сейчас 40 поросят в год. Но при старом законе такая свинья была неприятным явлением для хозяина, потому что тогда за голову свиньи сдавали 16 килограммов мяса. Помножьте 40 голов на 16 и вы узнаете, сколько надо сдавать за эту свинью мяса. По старому закону было неважно, что эта голова есть поросенок и он весит 2 фунта, все равно надо платить 16 килогр... Заготовителями составлялся учет голов скота на 1 октября для обло-

жения мясом на следующий год. Некоторые колхозники старались к 1 октября всех лишних поросят порезать». «Расценки по овчинам, по словам Хрущева, «были так построены, что сама шерсть в 3-4 раза больше стоит, чем стоила кожа с шерстью. Колхозник это понимал. Что он делал? Он прежде, чем сдать заготовителю баранчика в счет поставки мяса, обстригал его. Получался, как говорят, голяк бараний. Что это за голяк? Нет овчины и кожа паршивая. Это неправильно. Надо запретить такие вещи. Надо, чтобы овца сдавалась с отросшей шерстью, чтобы государство получило овчину. Тогда армия получит полушубки, Полушубки нужны и в армии, и в гражданской работе. Они нужны на железной дороге, сторожам требуются шубы. Взяли у нас, например, такой крен, что овцы должны быть только тонкорунные. Это неправильно. Нам нужна кожа для выработки хрома. Но какой же хром из этой тонкорунной овцы? Он не годится. Нам нужны и валенки, и шубы. А для этого нужна грубошерстная овца... Англичане, как всем известно, законоведы тонкорунной овцы. Они больше всего получают тонкорунной шерсти. Однако в Англии очень широко распространена и грубошерстная мясная порода овец. И если у нас ее вывели, то тут, видимо, приложили руку вредители. Я считаю, что это нужно исправить»*).

*) Эта ссылка на вредителей, которые злоумышляли и сознательно вредили советскому народному хозяйству, очень характерна для советских хозяйственников, для их партийной пропаганды и их мышления. Зачем искать каких-то мифических вредителей, когда в большинстве случаев совершенно ясно, что причинами зла являются декреты и распоряжения самой же власти? Перестраивать и планировать народное хозяйство такой огромной и сложного строения страны было бы необычайно трудно даже людям с очень большими экономическими знаниями. Советская же власть проводит эту перестройку мозгами и руками людей, совершенно к этой грандиозной задаче неподготовленных.

По старому порядку, вся кожа обязательно должна была сдаваться государству и оплачивалась по 1 рублю 53 копейки за килограмм. Кожа ли это быка, или теленка, или овцы, свиньи, все равно выплачивалось 1 рубль 53 копейки и не больше. Но очевидно, что тяжелая кожа быка или вола имеет гораздо большую ценность, чем легкая кожа теленка или овцы. Со свиными кожами была, по словам Хрущева, следующая неувязка: если колхозник снимал с убитой свиньи кожу и продавал ее государству, то получал за каждый килограмм 1 рубль 53 копейки, а если он продавал ее вместе с салом, то получал 20-25 рублей за килограмм. Но главным недостатком старого порядка была обязательность сдачи государству всех кож. По словам декрета 6 апреля, «обязательная сдача государству всего выхода кожевенного сырья подрывает интерес колхозов в развитии животноводства и лишает передовые колхозы, дающие наибольшее количество кожевенного сырья государству, возможности иметь в своем распоряжении необходимое количество кожи для своих нужд, ставя их в одинаковое положение с колхозами, не развивающими общественного стада и не сдающими кожевенного сырья государству». Вредная сторона этого порядка заключалась главным образом не в том, что колхозы с разным количеством скота ставились в одинаковое положение, а в том, что все крестьянское население лишалось сырья для производства кожухов, сапог и конской сбруи. По правильному замечанию Хрущева, «самый главный недостаток старой системы заготовки кож был тот, что колхозы и колхозники были ли-

Отсюда ошибки, иногда роковым образом влияющие на ту или иную область народного хозяйства. Много вреда приносило также и полное отсутствие свободной критики законов и распоряжений советской власти; критика разрешалась лишь тогда, когда сама власть приходила к убеждению в негодности и вредности изданного ею распоряжения, и готовилась его отменить.

шены возможности удовлетворить хозяйственные и личные нужды в кожевенных изделиях, но тем самым колхозники и колхозы не заинтересовывались в производстве кожи. В результате страдали интересы государства, колхоза и колхозников». Так же скверно была организована и поставка коней в армию. «Порядок, по которому колхозы, имеющие лучшее по качеству конское поголовье, сдают государству для нужд обороны всех лучших коней, лишает колхозы стимула к улучшению конского поголовья и ставит в невыгодное положение колхозы, имеющие достижения в улучшении конского поголовья, поощряя при этом колхозы, нерадиво относящиеся к развитию коневодства» (декрет 6 апреля 1940 г.).

По сдаче сена государству контрактационные обязательства имели не все колхозы, а только часть колхозов, что ставит остальные колхозы в льготное положение и является несправедливым в отношении колхозов, участвующих в сдаче сена государству (декрет 27 мая 1940).

Новый порядок обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов по декретам 1940-1941 гг. ввел исчисление с гектара следующих разрядов земель, закрепленных за колхозами, независимо от фактического размера посева и фактического поголовья скота:

- 1) пашни и огорода — для зерновых хлебов, кукурузы, картофеля, овощей, семян масличных культур и трав, льна и конопли;
- 2) пашни, огорода, сада, лугов и пастбищ, — для мяса, шерсти, молока и брынзы, кожевенного сырья, коней для армии, яиц;
- 3) пашни, огорода и лугов — для сена.

Проведению такого погектарного распределения поставок по целому краю, области или республике ме-

шает ряд условий: 1) различие в качестве и плодородии почв; 2) различия в расстоянии от города, железнодорожной станции или речной пристани, и 3) различия в уровне хозяйственного развития колхозов, прежде всего — в количестве в них скота. Поэтому, декреты, которыми вводится новый порядок поставок, предоставляют исполнительным органам краев, областей и республик право изменять в известных пределах нормы поставок для отдельных районов и колхозов, с тем, однако, чтобы установленные в целом для края, области или республики нормы обязательных поставок были полностью осуществлены. Ими учтены также нужды крупных городов и промышленных центров в больших количествах молока, картофеля и овощей и хозяйственной рациональности усиленного производства этих продуктов в пригородных и пристанционных районах; поэтому, декреты 1940-1941 гг. ввели повышенные нормы поставки этих продуктов в пригородных, пристанционных и пристанских районах, с сокращением или полной отменой их поставок из глубинных районов, откуда их доставка к месту потребления затруднительна. Повышенные или сокращенные нормы поставки молока, картофеля и овощей должны компенсироваться сниженными или повышенными нормами поставки продуктов, выдерживающих дальнюю перевозку, — мяса, шерсти, тяжелых кож, зерновых хлебов, семян масличных культур. Колхозам, расположенным вдали от железнодорожных и водных путей сообщения, разрешена была замена поставок сена поставками зерна, мяса, молочных продуктов и шерсти.

Из прочих постановлений рассматриваемых декретов заслуживают внимания еще следующие:

1) Для колхозов, не обслуживаемых машинно-тракторными станциями, нормы обязательных поставок государству зерна, риса, картофеля и семян масличных культур были повышены на 15% по сравне-

нию с колхозами, этими станциями обслуживаемыми. Постановление Центрального Комитета коммунистической партии в феврале 1947 г. повысило эту норму до 25%*).

2) После выполнения обязательных поставок по кожевенному сырью колхозы получили право оставшиеся у них шкуры использовать по своему усмотрению или сдать в переработку на государственных и кооперативных кожевенных предприятиях.

Совсем иначе по новому порядку установлены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с дворов колхозников, единоличных крестьян, рабочих и служащих государственных и кооперативных предприятий и кустарей одиночек. Для них установлены две нормы поставок: более низкая для колхозников и рабочих и служащих, и более высокая — для всех остальных категорий мелких трудовых хозяйств. При поставках мяса и шерсти те рабочие и служащие государственных и кооперативных предприятий, поголовье скота у которых больше количества, предусмотренного Уставом сельскохозяйственной артели, отнесены во вторую категорию с более

*) Декретом от 10 мая 1947 г. Совет министров СССР поставил оплату работы машинно-тракторных станций под зерновые хлеба и подсолнечник в зависимости от размеров урожая. Этим декретом установлены следующие средние ставки оплаты их работы в зависимости от величины урожая в центнерах с гектара в % (приблизительно):

	до 5 цент.	10 цент.	16 цент.
Степная полоса	20,6%	32,7%	34,4%
Лесная полоса	11,9	25,4	28,5
Крайний север	11,1	22,6	76,6

Картофель гектар плана сева	2-20 центнеров	3-25 центнеров
Подсолнух гектар фактическ. сева	2 центнера	3 центнера
Лен-кудряш гектар фактич. сева	1 центнер	1,5 центнера

высокими нормами поставок; при заготовках кожевенного сырья они обязаны почему-то продавать государственным заготовительным организациям все полученные в их хозяйствах шкуры всех видов скота, тогда как колхозники, единоличники и кустари обязаны продавать только шкуры крупного рогатого скота. Поставки мяса и кожевенного сырья установлены для этих хозяйств со двора, шерсти — с количества у них овец, коз и верблюдов, зерновых хлебов — у единоличников с гектара пашни и огорода, у колхозников — по нормам 1939 г. у единоличных хозяйств; картофеля — с гектара плана его сева, масличных культур — с гектара фактического сева. В какой мере ставки налога с хозяйств единоличников выше ставок с хозяйств колхозников, можно судить по следующим данным об их величине:

	единица обложения	с колхозни- ков	с единолич- ников
Мясо	двор	32-45 килогр.	64-90 килогр.
Кожн: овец и коз свиной	двор	0,5-2,0 штуки	1-3 штуки
	двор	0,5-1,0 штук	0,5-1,5 штуки
Шерсть: овечья козья верблюжья	овца	200-1100 гр.	500-1400 гр.
	коза	130-200 гр.	150-220 гр.
	верблюд	1500-2400 гр.	1800-2700 гр.

Зерновые хлеба поставляются единоличниками с гектара пашни, как с колхозов, но по ставке на 0,6 центнера более высокой.

Этот краткий обзор содержания декретов по реформе обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов позволяет нам установить экономический и социальный смысл и значение этого мероприятия советской власти. Крестьяне от этой финансовой реформы получают очень мало, — им выгодно лишь освобождение их от обязательств поставки государству всего кожевенного сырья; по новому порядку, часть этого сырья будет оставаться в их хо-

зяйствах и они получают возможность обзавестись хотя бы некоторым количеством тулупов, сапог и конской сбруи. Но если эта реформа будет способствовать увеличению производства сельскохозяйственных продуктов и развитию сельского хозяйства, тогда, конечно, увеличатся и доходы крестьян от сельского хозяйства. Вопрос лишь в том, в какой мере налоговое принуждение к распашке сенокосных угодий и, главным образом, к увеличению поголовья скота может дать положительные результаты. Секретарь центрального комитета коммунистической партии Украины Хрущев вполне убежден, что «новая система заготовок сельскохозяйственных продуктов будет стимулировать широкое развитие производства сельскохозяйственных продуктов в нашей стране»*).

Больше получит от этой реформы государственное казначейство Союза ССР. Прежде всего, она делает невозможным для колхозов уклонение от натуральных поставок посредством сокращения полевых площадей и поголовья скота. Затем, если будет достигнут рост производства сельскохозяйственных продуктов в стране, увеличатся и их поставки государству. Из текста декретов нельзя установить, насколько новые нормы поставок выше норм поставок при старой системе. Мы нашли в них только одну цифру, допускающую подобное сравнение: в декрете об изменениях в политике заготовок от 6 апреля 1940 г. сказано, что общие размеры зернозаготовок колхозов по СССР должны быть доведены до 925 мил. пудов, или 151,5 мил. центнеров. Колхозы сдали хлеба по обязательным поставкам (в мил. центнеров):

В 1935/6 г.	—	131,2
В 1936/7 г.	—	107,1
В 1937/8 г.	—	101,7

*) «Правда» от 8 мая 1940 г.

Более поздними данными мы не располагаем. По-видимому, проектируется повышение хлебных поставок приблизительно на 25%, — как от роста налоговых ставок, так и от роста посевной площади в стране.

Наряду с фискальным, у советской власти накануне войны был и другой мотив введения нового порядка поставок: стремление укрепить и развить колхозное хозяйство за счет хозяйств колхозников и единоличных крестьян. В самих декретах этот мотив обнаруживается только в более высоких ставках обязательных поставок с колхозников и особенно единоличных крестьян, чем с колхозов; но такая разница ставок существовала и при старом порядке. Зато в комментариях к декретам мотив этот указан совершенно ясно и определенно.

Так, например, секретарь Украинской коммунистической партии Хрущев в уже цитированном нами своем докладе*) говорит об «отсталых» крестьянах-колхозниках, против которых направлены новые декреты: «Войдя в колхоз, он получает высокие урожаи зерновых. Убрали урожай, машинно-тракторной станции за работу уплатили, остальное разделили, и он остается дальше единоличником. Он для колхоза «с боку припеку», он, собственно, на 70% или 80% ведет свое хозяйство единоличным способом, а считается колхозником... Такой «колхозник» — как перелетная птица, он не вростает нутром в колхоз, он стоит почти на поверхности колхоза. А те колхозники, которые имеют животноводчество в колхозе, имеют хорошую молочную ферму, овцеводческую ферму, — они свое хозяйство ведут через колхоз, они получают зерно для того, чтобы прокормить семью, они получают (от колхоза) животноводческие продукты и деньги, которые им необходимы. Такие колхозники являются настоящими передовыми колхозниками». Не менее

*) «Правда» от 8 мая 1940 г.

ясно развивала этот мотив «Правда» в своих передовых статьях*). Она указывала, что постановления XVIII съезда коммунистической партии в 1939 г. и пленумов Центрального комитета партии в мае 1939 г. и марте 1940 г., а также декрет «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 г. открыли новую главу в истории советского сельского хозяйства. «Колхозное строительство вступило в полосу более ускоренного и расширенного развития всех отраслей общественного, артельного хозяйства. Постановление о мерах охраны общественных земель колхозов бесспорно подготовило и последующие решения партии и правительства о развитии общественного животноводства в колхозах и об изменениях в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов». — «Что такое отстающий колхоз? Это хозяйство, где еще сильны мелкособственнические тенденции, где личное подсобное хозяйство колхозников часто ставится на первый план, а общественное артельное хозяйство отодвигается на второй, по-настоящему не развивается и не укрепляется. Можно ли это отставание ликвидировать? Безусловно, можно. Мы имеем все возможности в самое ближайшее время — в один-два года — добиться того, чтобы отсталых колхозов больше не было. Путь к этому один — всемерное укрепление и развитие общественного хозяйства положительно во всех колхозах, решительная борьба с мелкособственническими, рваческими настроениями и преодоление их». — «Партия и правительство создали все условия для быстрого и всестороннего развития колхозного производства, но для того, чтобы реализовать их, нужна большая организационная работа. В частности, надо с неослабевающей силой бороться против частнособственнических тенденций и настроений,

*) «Правда» от 27 мая, 3 и 19 июня 1940 г.

враждебных колхозному строю». «Коммунисты должны... подсказать всей массе колхозников, как нужно правильно развивать общественное хозяйство..., как превратить колхоз в передовую артель, где наиболее разумно и целесообразно используется земля. Именно этим в первую очередь характеризуется авангардная роль коммунистов как подлинных большевистских руководителей колхозов».

Вопрос этот был поднят уже в самом начале принудительной коллективизации крестьянских хозяйств, на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. На этой конференции Ю. Ларин, указывая на то, что в колхозах средства производства и продукция принадлежат объединениям частных лиц, допускал, что «при известных условиях интересы такого хозяйства могут быть противопоставлены его членами интересам социалистического государственного целого». В них преодолен целый ряд мелкособственнических навыков и интересов, но в них не осуществлен еще принцип планового огосударствления хозяйственной деятельности. «Последовательно-социалистическим тип хозяйства в деревне, — продолжал Ларин, мы сможем признать тогда, когда крестьяне, в них занятые, станут общественными работниками, получающими по норме вознаграждение за свой труд, а не ведущими хозяйство в свою пользу, и когда сами колхозы станут собственностью и достоянием общества в целом, а не только тех крестьян, которые населяют данный район и владеют коллективно определенными средствами производства. Иначе сказать, тогда, когда эти крупные колхозы превратятся в крупные совхозы». По его мнению, та эволюция форм хозяйства, которая происходит в советской России, определяется изменением техники сельского хозяйства. «Машинно-тракторная станция, тракторная группа означает такое изменение производственной техники, которая разрывает связь отдельного крестьянина или

небольшой группы крестьян с отдельным куском земли и с соответствующим инвентарем, но вполне допускает сохранение самостоятельного крупного колхоза без растворения его в общегосударственном хозяйстве. Как плуг — производительная предпосылка индивидуального хозяйства, а трактор мелкого колхоза прежнего типа в 10-15 семей, так машинно-тракторная станция даже оптимального типа (свыше 200 тракторов и до 50 тыс. гектаров земли) производственно соответствует крупному колхозу районов сплошной коллективизации, позволяя ему еще сохранить противоречивую сложность его внутренней природы, с ее подлежащими развитию мелкособственническими интересами. Другое дело будет, когда дальнейший материальный рост нашего государства позволит осуществить тот пункт заветов Ленина, который называется электрофикацией в полной мере, т. е. когда мы сможем по проволоке или без проволок снабжать электроэнергией не только фабрики и заводы, но и деревню. Тогда... все деревенское хозяйство, все хозяйство нынешних сплошных районов коллективизации будет проволокой привязано к областной государственной электрической станции, будет находиться всецело в зависимости от нее и будет направляться согласно плану распределения создаваемой ею энергии... Применяя пока трактор и образуя тракторные станции, мы можем уже предвидеть и готовить для преобразования нынешних обособленных крупных кооперативных колхозов в будущие социалистические общественные хозяйства»*).

План сплошной коллективизации крестьянского хозяйства с самого начала заключал в себе мысль об

*) Труды первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов, т. 1, Москва, 1930, стр. 64, 68-70, 71-72. См. также Calvin B. Hoover, *The Economic Life of Soviet Russia*, London 1931, p. 94.

его регулировании и планировании. Уже в уставе сельскохозяйственной артели 1930 г. было указано, что артель ведет свою работу под непосредственным руководством колхозного объединения. Первый параграф, устанавливающий цели и задачи артели, не ограничивался постановлением, что крестьяне такого то села или деревни добровольно объединяются в сельскохозяйственную артель, чтобы общими средствами производить и общим организационным трудом построить коллективное общественное хозяйство, но прибавляет еще следующие обязательные цели и задачи: хозяйство это строится, чтобы «обеспечить полную победу над кулаком, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся». — «Колхозный путь, путь социализма, есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян. Члены артели обязуются... выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства, — и, таким образом, сделать свой колхоз большевистским». Декретом 7.III.1930 г. было установлено подчинение сельскохозяйственных артелей сельским советам, основной задачей которых было объявлено руководство социалистическим переустройством сельского хозяйства путем организации колхозов и других кооперативных объединений. Советы эти должны заботиться о повышении урожайности, о расширении посевных площадей, развитии и обобществлении животноводства; они рассматривают и утверждают планы колхозов, следят за их соответствием общегосударственным планам и производственным заданиям; наблюдают за правильным и целесообразным использованием земель и угодий как колхозами, так и единоличными хозяйствами и в случае необходимости ставят вопрос об отобрании земель и угодий от организаций и лиц, нарушающих законы о национализации земли и не выполняющих производственных планов и заданий, а также не выполняющих своих обязательств перед государством; наблю-

дают за правильным и целесообразным использованием инвентаря в полном соответствии с задачами социалистического переустройства деревни, за правильным использованием рабочей силы и агротехнических кадров, а также за организацией и дисциплиною труда в колхозах и совхозах.

Согласно примерному договору машинно-тракторной станции с колхозами, утвержденному 5.II.1933 года, «в целях повышения урожайности и доходности хозяйства, колхоз обязуется проводить агрономические правила, установленные районными исполнительными комитетами, и по требованию машинно-тракторной станции все другие агрикультурные улучшения и ввести на своих полях утвержденный районным исполнительным комитетом севооборот».

Устав сельскохозяйственной артели 1935 г. обязует артель «вести свое коллективное хозяйство по плану, точно соблюдая установленные органами рабоче-крестьянского правительства планы сельскохозяйственного производства и обязательства артели перед государством. Артель принимает к точному исполнению: планы сева, подъема паров, междурядной обработки, уборки, молотбы и зяблевой пахоты, составляемые с учетом состояния и особенностей колхозов, а также государственный план развития животноводства».

Таким образом, государственное планирование и администрирование уже с 1930 г. в какой-то мере осуществлялось в колхозах. Перед войною на очередь был поставлен вопрос об усилении этих государственных начал в колхозном хозяйстве и умалении в нем значения и веса начал индивидуальных. Вопрос этот был поставлен и по нему были приняты соответствующие постановления на XVIII съезде коммунистической партии в марте 1939 г. После этого съезда была проведена уже целая система мероприятий, в принуди-

тельном порядке углублявшая коллективизацию крестьянских хозяйств.

Декрет 27 мая 1939 г. предписал ограничить размеры приусадебного участка колхозников, согласно уставу сельскохозяйственной артели, $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ гектара, а в некоторых районах 1 гектаром. В 1937 г. средний размер приусадебного участка на колхозную семью достигал 0,49 гектара*); всего в пользовании колхозников в их личных хозяйствах было 9.065.000 гектаров. Но и эти размеры личных хозяйств колхозников были признаны партией опасными. Был произведен обмер всех приусадебных участков, выяснивший свыше 2,5 мил. гектаров излишков против нормального устава**).

Тот же декрет 27 мая 1939 г. предписал ликвидировать расположенные в общественных полях колхозов хуторские участки и сселить всех хуторян в колхозные поселки. Советские хозяйственники считают, что хуторские хозяйства «служили серьезным тормозом на пути роста колхозов, мешали развитию их хозяйства. Вклиниваясь в общественные поля колхозов, хуторские приусадебные участки нарушали колхозное землепользование, препятствовали введению правильных севооборотов, не давали возможности колхозам целесообразно организовать труд. Колхозники, жившие на отшибе, очень часто отрывались от артельного хозяйства или принимали в нем очень незначительное участие»***). Наибольшее количество хуторов находилось в западной полосе Европейской России, — на Украине, в Белоруссии, Смоленской и Калининской (Тверской) обл. В 1939 г. было переселено в колхозные поселки 452.239 дворов колхозников и единоличников. В 1940 г. по плану предстояло сселить 364.000

*) «Колхозы во второй пятилетке», 1939, стр. 11.

***) «Правда» 27 мая 1940 г.

****) «Известия» 22 августа 1940 г.

хозяйств. К августу уже было перевезено в колхозные поселки 283.510 дворов. Эти сселения совершенно разоряли сселяемых хуторян. Их дворы только в небольшой части поддавались переносу; они лишались своих садов, удобренных огородов и коноплянников, левад и бахчей, получая взамен их простую полевою землю; полевая земля единоличникам нарезывалась обыкновенно где нибудь на окраинах колхозных земель, далеко от новой усадьбы. Местные власти часто сселяли хуторян, не построив им на новых усадебных участках изб и дворов. По свидетельству «Правды», «в ряде колхозов своевременно не подобрали бригады плотников и печников, не заготовили и не подвезли во время лес, кирпич и другие строительные материалы. В результате разобранные на хуторах дома колхозников долгое время лежали на новых местах и не собирались, а в части колхозов сборка домов не была закончена даже к зиме. В Смоленской области несколько сотен семей колхозников жили зимой на квартирах у своих соседей, так как их дома стояли не собранными. Жалобы колхозников, поступающие в районные организации, говорят о том, что при выборе мест под общеколхозные центры допущены ошибки. Об этом особенно наглядно свидетельствует перевозка домов колхозников артели «Пятилетка» с одного места на другое по несколько раз*). Еще медленнее шла постройка дворов сселяемых хуторян, помещений для скота и сараев.

Проектировалось также ограничение животноводства в хозяйствах колхозников нормами, установленными в колхозном уставе. «Превышение стада, находящегося в личном подсобном хозяйстве над уставными нормами, которое имело место в ряде районов, должно быть в ближайшее время ликвидировано».**).

*) «Правда» 10 июня 1940 г.

**) «Колхозы во второй пятилетке», стр. VII.

Декрет 27 мая 1939 г. установил также для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы обязательный минимум в 60-100 трудодней в году; колхозам декрет этот рекомендовал установить, что члены колхозов, вырабатывающие в течение года меньше трудодней, должны считаться выбывшими из колхоза и потерявшими право колхозника, — т. е.: потерять свою усадьбу и личное хозяйство, потерять право работать в колхозе, иметь долю в его доходах и идти на все четыре стороны с семьями в поисках нового места работы, нового устройства жизни. Декрет этот превращал работу в колхозах в принудительную трудовую повинность, неисполнение которой грозит колхознику разорением и нищетой*). В 1942 г. 13 апреля, минимум трудодней для трудоспособных колхозников и колхозниц был повышен до 100-150 и подростки 12-16 лет были обязаны отработать 50 трудодней в году. Одновременно местным властям была разрешена мобилизация в 1942 г. трудоспособного городского населения, мужчин от 14-55 лет, женщин от 14-50 лет, не работающих на предприятиях промышленности и транспорта, на сельскохозяйственные работы в наиболее напряженные периоды.

До войны колхозники даже в летнюю страду, в июле и августе, работали только 9,6 часов.**) Декрет об уборке и заготовке сельскохозяйственных продуктов от 1 августа 1940 г. предписывал во время уборки урожая начинать работу в колхозах, машин-

*) Это распоряжение было отменено в 1942 г. президиумом Верховного совета СССР, который постановил, что трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума трудодней, караются исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок 6 месяцев, с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхозов.

***) Социалистическое сельское хозяйство СССР, Статистический сборник, 1939, стр. 98.

но-тракторных станциях и советских хозяйствах до 5-6 часов утра и кончать работу в поле с заходом солнца.

Все эти принудительные меры преследовали одну и ту же цель: сломать существующий колхозный строй, в котором русский крестьянин, загнанный в колхозы советской властью, все же сохранил свое индивидуальное хозяйство на карликовом земельном участке, предоставленном в его пользование уставом колхозной артели. На этом участке он создал сильное огородное и скотоводческое хозяйство, питающее около 40% его бюджета. Если колхозное хозяйство, которым управляли через назначаемых председателей районные земельные отделы и местные коммунистические организации, несмотря на помощь машинно-тракторных станций с их усовершенствованными машинами стоимостью в 700 миллионов золотых долларов, давало меньше дохода на гектар посева, чем единоличное крестьянское хозяйство до коллективизации, то хозяйство крестьян на приусадебных участках сделало за несколько лет очень крупные успехи. Коммунистическая партия и советская власть начали систематическую борьбу с этой индивидуальной формой хозяйства. По заданию партии производительность колхозов должна была быть значительно усилена и всесторонне развита и они должны были стать стопроцентными коллективными хозяйствами; производительность хозяйств на приусадебных участках, напротив, должна была быть сокращена и ограничена в таких размерах, чтобы они были сведены к роли узко-подсобных, незначительных хозяйств.

Проведение этой программы в жизнь было остановлено началом войны с Германией. Вообще будущее колхозного хозяйства зависит от того, в какую сторону пойдет развитие народного хозяйства и политического строя Союза ССР после окончания войны. По уставу 1935 г., колхозы должны быть самоуправляющимися земледельческими артелями, одною

из форм кооперативного движения. Но кооперация, для своего усиленного развития, требует общения между представителями кооперативов одного характера, обмена опытом, съездов и союзного объединения. Мы не имеем в Советской России ни съездов представителей колхозов, ни союзов колхозов. Все вопросы колхозного строительства разрешались Советом народных комиссаров и Политическим Бюро коммунистической партии, на местах — местными исполнительными комитетами советов, органами комиссариата земледелия и коммунистической партии. Когда по окончании войны 1941-1945 гг. советское правительство решило организовать центральное управление колхозами, оно создало его декретом 19 сентября 1946 г. не в кооперативной форме, не в форме союза колхозов и съездов их представителей, а в форме Совета по делам колхозов из 39 человек, правительством назначенных, с назначенным же председателем коммунистом А. Андреевым. Совету этому дано право иметь в республиках, краях и областях своих представителей в качестве контролеров из центра, независимых от местных властей, и «по мере необходимости» созывать съезды представителей колхозов.

Совету по делам колхозов поставлены три задачи:

1) защита колхозов от злоупотреблений и административного произвола местных партийно-советских властей, нарушающих колхозный устав 1935 г.;

2) надзор за строгим исполнением колхозниками устава 1935 г., принятие мер против тех из них, которые этот устав нарушают, и выработки мер по систематическому расширению обобществленного хозяйства колхозов; и

3) осуществление мер в защиту интересов колхозников.

Нарушения колхозного устава 1935 г. перечислены в двух постановлениях Совета министров СССР: от 27 мая 1939 г. и 19 сент. 1946 г. В первом постановле-

нии перечислены исключительно те нарушения устава, которые совершались колхозниками; во втором постановлении, напротив, почти все внимание обращено на нарушения, совершенные местными партийно-советскими властями.

Наиболее значительными нарушениями устава, ими совершенными, оказались следующие:

1) Расхищение общественных колхозных земель в форме незаконного отвода местными советскими и земельными органами, или самочинного захвата участков колхозных земель всякими организациями и лицами под видом создания на них всяких подсобных хозяйств и индивидуальных огородов рабочих и служащих. Такое расхищение земель часто происходило при попустительстве не только правлений колхозов, председателей сельских районных советов, но и совета народных комиссаров СССР. Когда началась война и обнаружились затруднения с продовольствием рабочих, Совет народных комиссаров СССР указом от 7 апреля 1942 г. предоставил советам народных комиссаров республик и исполнительным комитетам право, на время войны и при отсутствии свободных городских и государственных земель, разрешать промышленным предприятиям, учреждениям, организациям и воинским частям производить временно посе-вы на неиспользованных землях колхозов с согласия последних. Земли, временно переданные по этому постановлению, большею частью были возвращены колхозам в 1946 г.

2) Расхищение колхозного хозяйства в виде взятия у колхозов бесплатно или за низкую плату колхозного скота, зерна, мяса, молока, масла, меда, овощей, фруктов, кормов и т. д. Некоторые советско-партийные и земельные районные работники, злоупотребляя своим служебным положением, незаконно распоряжаются имуществом колхозов, принуждая прав-

ление и председателей колхозов выдавать им бесплатно или за низкую цену имущество, скот и продукты, принадлежащие колхозам.

3) Местные советско-партийные работники эксплуатируют также труд колхозников, принуждая колхозы брать на свое содержание служащих сельских советов и районных организаций: сторожей, курьеров, начальников пожарных дружин, внештатных работников и принуждая их производить за свой счет работы, нужные различным сельским и районным организациям, напр. строительство и ремонт помещений, заготовку дров и строительных материалов, с оплатой их трудоднями. Большой ущерб колхозникам, работающим в колхозе, наносит раздувание штатов управленческого и административного персонала в колхозах на ненужных и надуманных должностях, ведущее к уменьшению количества продуктов и денег, получаемых колхозниками по трудодням.

Местных представителей власти, виновных в этих противозаконных действиях, постановление от 19 сент. 1946 г. приказало снимать с постов и отдавать под суд, как нарушителей закона и врагов колхозного строя, и запретить под страхом уголовной ответственности районным и другим организациям и работникам советской власти требовать с колхозов хлеб, продукты и деньги на нужды различного рода организаций и для проведения съездов, совещаний, празднований или финансирования районных строительных работ.

На 1 января 1947 г. были обследованы 89% всех колхозов. Было возвращено колхозам 4,0 мил. га земель, захваченных различными организациями и учреждениями и 177 тыс. га от разных лиц; произведено сокращение излишних штатов административного и обслуживающего персонала колхозов в количестве 456 тыс. человек; сняты с оплаты по трудодням 182 тыс. человек, неимеющих отношения к кол-

хозам; возвращены колхозам незаконно взятые у них 140 тыс. голов скота и около 15 мил. рублей денежных средств*).

Советско-партийные власти виновны не только в расхищении имущества колхозов и продуктов колхозного труда, но и в систематическом нарушении кооперативных основ организации колхозов. Во многих колхозах общие собрания колхозников не собирались вовсе, выборов правления, председателя колхоза и ревизионной комиссии не производилось; председатели колхозов назначались и снимались районными партийно-советскими организациями. Эти назначенные председатели, вместе со стоящими за их спиной советскими властями, были неограниченными хозяевами колхозов. Эта практика, установившаяся с первых лет существования колхозов, устраняла колхозников от участия в делах колхозов и фактически все дела сельскохозяйственной артели, в том числе хозяйственные планы, распоряжение всеми материальными средствами, распределение доходов решалось одним председателем или правлением колхоза, не отчитывавшихся перед общим собранием членов колхоза о своей деятельности.

Характерно, что постановление 19 сент. 1946 г. не приказало снимать с постов тех работников местных советско-партийных учреждений, которые нарушали кооперативные основы работы колхозов и отдавать их под суд, как нарушителей закона и врагов колхозного строя, а ограничилось распоряжением воспретить под строгой ответственностью районным комитетам партии, районным советам и земельным органам назначать или снимать председателей колхозов помимо общих собраний колхозников. По положению о Совете по делам колхозов, на него возлагается обя-

*) Известия, 1947, 7 марта; Большевик 1947, № 4, стр. 5-6.

занность осуществлять контроль за соблюдением демократических основ управления колхозами, за регулярным созывом общих собраний колхозников, выборностью правлений, председателей колхозов и ревизионных комиссий, за их отчетностью перед общим собранием колхозников; также принимать меры к тому, чтобы в колхозах на деле было обеспечено участие колхозников в делах управления колхозом, в распределении доходов и распоряжении материальными средствами колхозов.

Единственным нарушением устава колхозов, в котором постановления 1939 и 1946 гг. обвиняют колхозников является незаконное расширение приусадебных участков, находящихся в личном пользовании колхозников, за счет колхозных общественных земель. Оно производилось в порядке мнимых разделов семей, когда колхозный двор получал на долю якобы выделившихся членов семьи дополнительный участок приусадебной земли, или в порядке прямого захвата к колхозным участкам полос общественной колхозной земли. Постановление 1939 г. квалифицировало подобные нарушения устава, как действия частно-собственнических и рваческих элементов колхозов, использующих колхоз в целях спекуляции и личной наживы. Как велика была эта «спекуляция» и «нажива», показывают следующие цифры. Обследование, произведенное в конце 1946 г., установило, что в 89% всего числа колхозов от колхозников было возвращено колхозам общественных земель только 521 тыс. гектаров, 0,14% всего количества закрепленных за колхозами общественных земель и 5,7% земель, отведенных колхозникам под их приусадебные участки*). Поэтому, квалификация этих захватов как действий «спекуляции» и «наживы» представляют со-

*) Известия 1947, 7 марта.

бой образец партийно-коммунистической агитации и пропаганды. Захват колхозниками общественной колхозной земли был объявлен уголовным преступлением, виновные колхозники подлежали привлечению к суду, партийные и советские работники, допустившие эти захваты, подлежали снятию с постов, исключению из партии и отдаче под суд, как нарушители закона. Председатели колхозов, допустившие сдачу сенокосов в колхозных полях, лугах и лесах, под индивидуальные сенокосы колхозников и лиц, не состоящих в колхозе, подлежали исключению из колхоза и отдаче под суд, как нарушители закона. Этой ответственности подлежали также председатели многоземельных колхозов, не имевшие достаточно работников для уборки всех принадлежащих колхозу сенокосов.

В постановлении совета министров СССР 1946 г. утверждается, что расхищение общественных земель колхозов приобрело массовый характер в форме самовольных захватов колхозниками колхозной земли или незаконных прирезок им полос колхозной земли правлениями и председателями колхозов. Но в годы войны был дорог каждый пуд зерна и картофеля. Поэтому, в полосе, не занятой неприятелем, колхозники часто брали под обработку пустыри колхозной земли, и правления колхозов им не препятствовали. По окончании войны советская власть решила отобрать у колхозников эти захваченные участки. В тех колхозных дворах, в которых были вернувшиеся с войны солдаты и офицеры, это отобрание участков, захваченных во время войны, встретило активное сопротивление. В годы войны многие дворы завели также большее против уставных норм количество рогатого скота, овец и свиней. В освобожденных от немцев областях многие колхозники обзавелись лошадьми. По сообщению газет, колхозники завели лошадей и рабочих волов, фургоны и повозки также в Чка-

ловской области*). Их отображение местными властями также встретило сопротивление со стороны вернувшихся с войны членов колхозных семей.

По третьему пункту программы Совета по делам колхозов мы имеем пока только обещания. Конечно, объявление имущественных злоупотреблений местных партийно-советских властей наказуемыми по суду может принести колхозникам много пользы; однако и тут мы находим попустительство, — советская власть признала подлежащими суду только имущественные злоупотребления, но не нарушающие кооперативные основы работы колхозов, их права на самоуправление. Совету по делам колхозов даны следующие задания, обещающие улучшение хозяйства и быта колхозников:

1) улучшение устава сельскохозяйственной артели на основе предложений деятелей колхозного строительства;

2) контролирование состояния дела подготовки руководящих колхозных кадров и разработка мер по улучшению этого дела;

3) рассмотрение поставленных колхозами и кол-

*) Известия, 1946, 8 августа и 7 сентября. Колхозный устав запрещает колхозникам почти по всему Союзу ССР, за исключением районов кочевого и полукочевого скотоводства, иметь лошадей. Для крестьянина, даже в лице колхозника, лошадь является необходимостью: нужно вспахать приусадебный участок, нужно привести соломы и сена для скота, топлива из лесу на зиму, покупки из города или соседнего села, отвезти продукты хозяйства колхозника на колхозный рынок, нужно наконец куда-нибудь поехать по личным надобностям, — во всех этих случаях колхозник должен идти к председателю колхоза и просить у него разрешения попользоваться колхозным конем. Председатель же колхоза не выбирается колхозниками, а назначается местной властью; просьбу колхозника дать коня он может удовлетворить, а может и отказать. Такой порядок ставит всех колхозных крестьян в большую личную зависимость от председателя колхоза.

хозниками вопросов их жизни, их заявлений и жалоб и принятие по ним необходимых мер.

Наиболее ярким проявлением нового течения в колхозном строительстве является закрепление в годы войны и особенно по ее окончании не только на год, но и на весь период севооборота отдельных участков земли (или нескольких штук скота) не только за бригадами и звеньями, но и за отдельными колхозниками на время посева, ухода за растениями и уборки урожая. О выделении отдельных участков колхозникам мы имеем сведения из Московской, Горьковской, Тамбовской, Курской, Краснодарской, Астраханской и Самаркандской областей и Таджикской ССР*). Этот мелкогрупповой и индивидуальный способ работы применяется при культуре хлопка, льна, конопли, сахарной свеклы, табака и махорки, подсолнечника, кукурузы, проса, кок-сагыза, клещевины, картофеля, овощей. При этой системе работы каждый колхозник получает, за вычетом определенной доли колхозу, весь продукт своего труда. Поэтому и урожай с индивидуальных участков собирается гораздо более высокий, чем с полей, обрабатываемых колхозниками коллективно, скопом**).

Советский опыт сплошной и притом принудительной коллективизации не создал тех «фабрик хлеба и других сельскохозяйственных продуктов», на которые так рассчитывала советская власть; единоличное хозяйство в России все еще продолжает сохранять свое народно-хозяйственное значение не только вследствие отсталой, индивидуалистической психологии крестьян,

*) Вопросы организации колхозного производства, изд. второе, Москва, 1946, стр. 119-125; Социалистическое земледелие, 1948, 22 января; Большевик 1949, № 13, стр. 38.

**.) К. Оболенский, Применение индивидуальной и мелкогрупповой сдельщины в колхозах. Социалистическое сельское хозяйство 1948, III.

на которую любят ссылаться коммунисты, но, главным образом, в силу невозможности применения коллективных форм хозяйства там, где нужна не механизация производственных процессов, а внимательный глаз, свободная инициатива и хозяйственный расчет старательного хозяина*).

Но в начале 1950 г. дальнейшее развитие мелкозвеньевой работы в колхозах было остановлено вмешательством коммунистической партии**). Партия признала, что основная задача колхозов заключается во всемерном укреплении производственных бригад, и резко осудила практику организации звеньев в зерновом хозяйстве, как препятствующую использованию тракторов, комбайнов и других машин. Поле-

*) Течение это проникло и в совхозы. В противоположность приведенным выше ожиданиям Ларина эволюции колхозов в сторону советских хозяйств, эти последние имеют тенденцию в настоящее время эволюционировать в сторону колхозной организации. По постановлению Центрального Комитета коммунистической партии в феврале 1946 г., в совхозах проектируется радикальное изменение положения служащих и рабочих, приближающее их к состоянию колхозных крестьян. Центральный Комитет признал, что серьезным недостатком работы совхозов является большая текучесть кадров рабочих и специалистов, и постановил считать важнейшей задачей в деле улучшения работы совхозов создание их постоянных кадров. Он признал в этих целях необходимым в зерновых и животноводческих районах наделение постоянных работников совхозов приусадебными участками до 0,5 гект. вместо прежних 0,15 гект. для личного хозяйства и строительства на этих участках собственных домов и других построек, посадки плодовых деревьев и посева овощных и других сельскохозяйственных культур. Для достижения этой цели он считал нужным оказать рабочим, специалистам и служащим совхозов, строящим собственные дома, государственную помощь долгосрочным кредитом в размере от 5 до 15 тысяч рублей на одну семью из 2%; дома, построенные ими на территории совхозов, переходят в их собственность после полного погашения долга государству.

***) «Против извращений в организации труда в колхозах», Правда 1950, 19 февраля; Плановое хозяйство 1950, IV, стр. 48-62.

водственные бригады в колхозах выделяются на срок не менее полного севооборота, за ними закрепляются участки в полях на тот же срок, необходимый инвентарь, рабочий скот и хозяйственные постройки; животноводческие бригады организуются на срок не менее трех лет. Звенья проектируется организовывать лишь при возделывании таких культур, которые недостаточно механизированы, например кок-сагыз, сахарная свекла, хлопок, табак, овощи.

В 1948 г. была начата широко задуманная реформа по укрупнению колхозов. Реформа эта должна в корне переделать колхозную деревню. Почти 20-летняя практика колхозного строительства показала, по данным советской печати, что в крупных колхозах, по сравнению с мелкими, труд колхозника производительнее, его доход на трудодень выше и выше товарность его продукции. Так, доля колхозы на группы по размерам их пашни и посева, мы получим следующий рост их продукции*):

Калининская (Тверская) область:

Пашни на колхоз, га	115,2	181,9	296,1	385,3	486,5	—
Валовая продукция на 1 трудоспособного (в индексах)	100	108,1	139,5	172,3	204,3	—
Выдано на трудодень:						
Зерна килограммов	1,4	2,6	3,2	3,3	3,6	—
Денег рублей	1,0	1,19	1,26	1,85	2,18	—

Запорожская область:

Посева на колхоз, га	785	1180	1313	1414	1806	1973
Валовая продукция на 1 трудоспособного (в индексах)	100	120,6	137,2	158,3	190,1	269,9
Выдано на трудодень:						
Зерна килограммов:	1,2	1,8	2,26	2,53	3,08	4,16
Денег рублей	1,24	1,69	1,98	2,13	2,43	3,89

*) С. Колесиев, Некоторые данные о преимуществах крупных колхозов, Социалистическое сельское хозяйство, 1950, X, стр. 18, 20.

Поэтому советское правительство постановило, по согласию колхозников, по его словам, сселить мелкие колхозные деревни в более крупные колхозные поселки или агрогорода. Такое увеличение размеров колхозов несомненно облегчит применение машин в колхозном хозяйстве, но, в то же время, оно лишит сселяемых колхозников их прежних огородных участков, удобрявшихся в течение десятилетий, и садов на этих участках; сселяемые члены мелких колхозов вероятно будут, как это было в 1939-1940 гг., при ликвидации индивидуальных хуторских участков и сселении хуторян в колхозные поселки, быстро выселены из своих прежних дворов, их избы и постройки будут тотчас разобраны, но построить им дома и дворы в колхозных поселках не так легко, и большинство сселенцев будет год или несколько лет не иметь своей усадьбы. Об экономическом значении проектируемой реформы можно судить по следующим данным о размерах среднего колхоза до реформы и после ее проведения*).

	до ре- формы	после реформы
Московская обл., число колхозов	6.069	1.668
дворов в среднем колхозе	42	152
пашни гектаров на колхоз	163	713
Калининская обл., число колхозов	7.148	1.800
дворов в среднем на колхоз	35	130
земли гектаров на колхоз	570	2.100
Смоленская обл., число колхозов	5.486	2.300
дворов в среднем в колхозе	42	120
пашни гектаров на колхоз	305	800

*) А. Савин, Вопросы укрупнения колхозов, Вопросы экономики 1950, IX, стр. 97-99; С. Колеснев, Некоторые данные о преимуществах крупных колхозов, Социалистическое сельское хозяйство, 1950, X, стр. 21.

	до ре- формы	после реформы
Могилевская обл., число колхозов	2.214	652
земли гектаров на колхоз	691	2.208
пашни — — —	365	1.166
Бобруйская обл., число колхозов	1.278	431
земли гектаров на колхоз	848	2.455
пашни — — —	307	949
Воронежская обл., число колхозов	3.188	1.119
Алтайский край, число колхозов	1.783	723
Узбекистан, число колхозов	2.425	986

Но реформа сократила число колхозов с 259.000 до 123.000, и после соединения нескольких мелких колхозов в один более крупный задача не всегда может считаться решенной. В Белорусской ССР, например, «в большинстве укрепленных колхозов имеется в среднем по 6-8 населенных пунктов, расположенных на расстоянии 1-2 километра друг от друга. Наряду с этим есть немало и таких колхозов, где количество поселков превышает 15-20. Разумеется, такая раздробленность препятствует правильной организации укрупненного колхоза. Как правило, эти деревни и поселки не благоустроены, не имеют нужных им культурно-бытовых учреждений. Вот почему колхозники таких укрупненных артелей считают необходимым строить новые, единые, благоустроенные колхозные центры с тем, чтобы в недалеком будущем переселить туда всех колхозников, проживающих в мелких, неблагоустроенных, отдельных деревнях и поселках»*).

В укрупненных колхозах проектируется заменить избы колхозников старого типа новыми домами. «В колхозах живет много интеллигенции: учителей, агро-

*) А. Савин, Вопросы укрупнения колхозов. Вопросы экономики 1950, IX, стр. 104.

номов, врачей, людей высокой квалификации — механиков машинно-тракторных станций, трактористов, бригадиров. На селе много молодежи, имеющей 7-10 летнее образование. Вырос материальный и культурный уровень колхозника. Теперь у него другие требования, он хочет хорошо устроить свой быт, и одна комната уже не может его удовлетворить. Надо подумать о том, чтобы у колхозника было 2-3-4 комнаты»*). Для строительства новых колхозных домов и зданий для колхозных учреждений при колхозных поселках, наряду с полеводческими и животноводческими бригадами, должны быть организованы также строительные бригады из плотников, столяров, печников, штукатуров, кровельщиков, маляров; нужно также широко развить производство кирпича и черепицы. Но постройка каждой комнаты стоит денег; к сожалению, Н. Хрущев не нашел нужным указать, откуда Советская Россия, до сих пор плохо питающаяся и плохо одевающаяся, возьмет деньги на постройку своих сел и деревень домами в 2-4 комнаты. Тем более, что городское население вынуждено довольствоваться жилой площадью в 3-4 метра на человека. Можно опасаться, что вся эта широко-задуманная реформа сведется к постройке домов в 2-4 комнаты со всеми удобствами для колхозного и партийного начальства.

До сих пор «мелкие колхозы из-за недостатка сил и средств были вынуждены строить маломощные электростанции, кустарные кирпичные заводы, небольшие клубы и избы-читальни. Крупные сельскохозяйственные артели имеют возможность сооружать крупные электростанции, комбинаты по переработке сельскохозяйственных продуктов, предприятия по производству местных строительных материалов,

*) Н. Хрущев, О строительстве и благоустройстве в колхозах, Правда 1951, 4 марта.

вместительные и красивые культурно-бытовые учреждения. Укрупненному колхозу нужны клуб, дом сельскохозяйственной культуры, большая школа, баня, прачечная, родильный дом, детские ясли, общественная столовая, дом для приезжих»*)).

Этот радикальный поворот политики советского правительства в сторону развития производительных сил сельского хозяйства и улучшения быта сельского населения заслуживает самого серьезного внимания. Беда лишь в том, что широкие планы, вырабатываемые коммунистической партией, являются часто или не достигающими цели, или неосуществимыми. Защитные полосы деревьев против суховеев являются мероприятием правильным по своему замыслу, но дать они могут положительные результаты не ранее 30-40 лет. Обстройка русских деревень хорошими домами в 2-4 комнаты вещь соблазнительная, но может ли она быть осуществлена, когда в городе 6-8 человек ютятся в одной комнате? Не потому ли пропаганда укрупнения колхозов, начатая в 1948 г., в первой половине 1951 г. сразу заглохла? Кроме того, Советская Россия не залечила еще раны, нанесенные ей германской оккупацией. Нельзя игнорировать также, какое количество строительных материалов, бревен, досок, кирпича и других материальных средств потребовалось бы для отстройки всей советской деревенской России хорошими жилыми домами.

*) Ф. Гринько, Некоторые вопросы развития укрупненных колхозов, Правда, 1951, 28 февраля.

ГЛАВА VI

СОЗДАНИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Для развития русской промышленности было фатальным отсутствие рудных месторождений на великой восточной равнине. Лишь заселение Урала открыло перед русским народом возможность создания горного дела. Усилиями Петра I были созданы четыре горных округа: Тульский, Олонецкий, Петербургский, и Уральский. Первые три не имели достаточного количества руд. На Урале же горное дело достигло значительных успехов и в конце XVIII века русский чугун, выплавленный на древесном угле, пользовался на европейских рынках высокой репутацией. Но лишь освоение в XIX веке Алтая, Степного Края и Кавказа с их богатейшими месторождениями руд, залежами каменного угля и источниками нефти, открыли перед Россией возможность превращения из страны земледельческой в страну с развитой промышленностью.

Наряду с неблагоприятными географическими условиями в течение всего XVIII века и большей половины XIX века развитию промышленности мешало крепостное право. Оно действовало расслабляюще и на крестьян, и на помещиков, убивая и в тех и в других хозяйственную энергию и предприимчивость. Именно его влиянию мы должны приписать остановку в развитии уральской железной промышленности.

По словам Е. М. Дементьева, «одной из наиболее сильных причин, по которой мы отстали от запада,

было крепостное право. Благодаря ему наша промышленность пережила гораздо более длинный период кустарного и домашнего производства. Только с 1861 года капитал приобрел возможность осуществить ту форму производства, к которой на Западе оно перешло почти полтора столетия раньше, и только с этого года начинается более быстрое падение кустарного и домашнего производств с превращением их в фабричное. Но замена ручного труда машинами началась гораздо раньше; она шла очень медленно и постепенно, — крепостной труд на кабальных и посессионных фабриках был слишком дешев, чтобы побуждать первых фабрикантов (были ли то помещики-дворяне или купцы) предпочитать ему машинный, требующий больших денежных затрат, — тем не менее процесс замены уже шел, и в период более быстрого развития, начиная с 1861 года, новой капиталистической формы производства, нашедшей дешевый труд бывших крепостных, он лишь усилился»*).

В 1860-х и 1870-х годах Россия была отсталой земледельческой страной колониального типа, ее вывоз состоял из продуктов сельского хозяйства, главным образом зерновых хлебов и леса, привоз — из промышленных изделий; размеры ее национального накопления были ничтожны, и она, подобно всем колониальным странам, строила железные дороги и создавала крупную промышленность за счет притока иностранных капиталов. Национальная производительность труда стояла на низком уровне, и в стране чувствовался острый недостаток технических работников; страна была бедна не только капиталами, но и знаниями, и народный доход ее был крайне низок. Все эти народно-хозяйственные черты характерны для страны колониального типа. В Донецком бассейне ка-

*) Г. Дементьев, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, 2-е изд., 1897, стр. 250-1.

менноугольная промышленность возникла в середине 1850-х годов, нефтяная промышленность в Баку в конце 1860-х годов, хлопчатобумажная промышленность около Москвы начала развиваться в середине 1870-х годов и железоделательная промышленность на юге России в конце 1880-х годов.

Первым шагом к изменению традиционного характера русского народного хозяйства было создание в конце XIX века министром финансов Витте путем привлечения в страну иностранных капиталов, иностранных предпринимателей и инженеров, южно-русской каменноугольной и металлургической промышленности. Чистая продукция крупной промышленности в 50 губерниях Европейской России в 1900 и 1913 гг. равнялась:

	вся продукция	на душу населения
1900 г.	861,7 мил. р.	8,8 р.
1913 г.	1.665,0 „ „	14,3 „

Прирост продукции крупной промышленности за эти 13 лет, с поправкой на рост цен, составил 74,1%, на душу населения 46,2%*).

Несмотря на эти успехи, состояние крупной промышленности в начале XX века было в высшей степени неудовлетворительным. Она была бедна капиталами, квалифицированными рабочими, техниками и инженерами; ее размещение по территории страны было в высшей степени бесхозяйственным. Особенно искусственный характер, по компетентному мнению проф. В. И. Гриневецкого, носила тяжелая промышленность Петербурга, пользовавшаяся раньше английским углем, а затем немецким, привозившимся за

*) Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Евр. России, под редакцией С. Прокоповича, Москва 1918 г., стр. 17-20, 49-59, 65.

1500-1800 километров. «Расположение металлообрабатывающей промышленности в Петрограде находит себе объяснение в искусственной концентрации там казенных заводов и военноморских заказов, причем как экономические, так и чисто военные соображения во многом противоречили этому. Не менее искусственным явилось расположение стеариновых и рафинадных заводов в Петрограде и Москве. Неудачным оказалось впоследствии и расположение заводов сельскохозяйственных машин в Херсонской губернии, перешедших по насыщенности южно-русского рынка к работе на сибирский. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни. Если в Германии, Англии или Бельгии расстояния доставки сырья и топлива обуславливали часто характер развития промышленных районов, то это должно было бы еще гораздо резче сказаться в России с ее громадными пространствами. Между тем историческая инерция в развитии промышленности сказалась у нас, в сущности, значительно сильнее, чем в более старых промышленных странах Запада»^{*)}. Гриневецкий ждал, по окончании войны, перемещения многих отраслей промышленности и рынка на промышленные изделия на Восток, на Урал и за Урал^{**}).

Кроме того, Россия была страной хронического недостатка топлива. Донецкий бассейн, этот единственный крупный угольный бассейн в Европейской России, отстоит на 1500-1800 километров от Петербурга и 900-1200 километров от Москвы; уголь, в нем добываемый, обладает большим % зольности и себестоимость его очень высока.

Когда началась мировая война 1914-1918 гг., к промышленности были предъявлены очень большие

^{*)} В Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности, Харьков 1919, стр. 141.

^{**}) Там же, стр. 193, 200.

требования. Прежде всего нужно было перестроить ее производство, она должна была все свои силы направить на обслуживание нужд армии. Затем необходимо было увеличить ее производительность.

Производительность промышленности может быть учитываема в натуральных и денежных единицах. Учет в тоннах, метрах и тому подобных единицах вызывает наименьшие сомнения. Мы можем привести статистические данные только по главным отраслям промышленности. На территории СССР было добыто нефти (тысяч тонн), каменного угля (тысяч тонн) и произведено чугуна (тысяч тонн) и хлопчатобумажных тканей (миллионов метров)*):

	нефть	камен. уголь	чугун	хл. бум. ткани
1913	9.543	28.870	4.207	1.625
1914	9.024	31.915	4.082	1.625
1915	9.324	31.430	3.685	1.795
1916	9.876	34.514	3.814	1.795
1917	8.711	31.145	3.023	1.265

Способ учета продукции промышленности в натуральных единицах страдает, однако, одним крупным недостатком. Он удобен, если мы хотим проследить развитие одной или нескольких отраслей промышленности, производящих каждая только один продукт; но он мало применим для изображения роста тех отраслей промышленности, которые производят много различных продуктов и изделий, и совершенно неприменим для учета продукции всей национальной промышленности в целом. В этих случаях мы получаем

*) Б. А. Гухман, в «Плановом хозяйстве» 1929, V, стр. 174-5. Цифры производства хлопчатобумажных тканей являются приблизительными.

пространные и малопоказательные таблицы, не поддающиеся суммированию и обобщению.

Поэтому, для статистического изображения роста продукции национальной промышленности, обыкновенно прибегают к учету денежной оценки валовой производительности всех отраслей промышленности страны, т. е. цены на месте производства всех выработанных в каждом промышленном заведении в течение года изделий, включая и полуфабрикаты, за вычетом тех из них, которые в нем же подверглись переработке. По данным, опубликованным в проекте первого пятилетнего плана народнохозяйственного строительства СССР, валовая продукция промышленности в годы войны изменялась следующим образом (в миллионах довоенных рублей):

	крупная пром.	в индексах	мелкая пром.	в индексах	вся про- мышл.	в индексах
1913	6.391	100	2.040	100	8.431	100
1914	6.429	100,6	2.000	98,0	8.429	100,0
1915	7.056	110,5	1.600	78,4	8.656	102,7
1916	7.420	116,1	1.800	88,2	9.220	109,4
1917	4.780	74,8	1.600	78,4	6.380	75,7

Как показывают эти статистические данные, в годы войны валовая продукция крупной промышленности росла; падать она начала только после февральской революции 1917 г., и особенно с июля 1917 г. Мелкая промышленность, наоборот, начала снижать свою производительность с первого года войны. Производительность труда рабочих в крупной промышленности заметно повысившаяся в 1915 г., с 1916 г. уже обнаружила признаки падения, как это видно из следующих данных (число рабочих в тысячах, продукция

промышленности в милл. довоенных рублей, продукция одного рабочего — в довоенных рублях)*):

	валовая продукция	число рабочих	производитель- ность одного рабочего	в индексах
1913	6.391	2.592	2.466	100
1914	6.429	2.660	2.417	98,0
1915	7.056	2.635	2.678	108,6
1916	7.420	2.929	2.542	103,1
1917	4.780	2.596	1.841	74,7

Таким образом война 1914-1918 гг. не оказала разрушительного влияния на крупную промышленность и лишь незначительно понизила производительность мелкой промышленности. Общее падение промышленности началось лишь после революции 1917 г., — сначала, после февральской революции, незначительно, затем все более ускоренными темпами. Вскоре после октябрьского переворота, 14 ноября 1917 г. был издан декрет Совета народных комиссаров о введении рабочего контроля, в котором было сказано: «В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковских, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производственных товариществах и прочих предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия». Его введение совершенно дезорганизовало работу фабрик, заводов и копей. Начались непрерывные конфликты между рабочими и фабричными управлениями, кончавшиеся в большин-

*) Здесь, как и в других местах, где речь идет о довоенных рублях, имеется в виду довоенный рубль 1913 года.

стве случаев «национализацией» фабрик, которая часто имела не хозяйственное, а чисто карательное значение. При отсутствии государственных органов управления промышленными предприятиями их национализация сводилась к тому, что рабочие, в лице фабрично-заводского комитета, брали на себя управление предприятием и становились его безответственными хозяевами. Этому течению в рабочей среде сильно способствовали директивы, получавшиеся из центра. Ленин в черновом наброске партийной программы, внесенном на VII съезд коммунистической партии в марте 1918 г., так определил способ управления промышленными предприятиями: «Социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе — управляют рабочие организации (профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и т. д.) под общим руководством советской власти»^{*}). В программе партии, принятой в 1919 г., сказано, что «профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым». Формула эта несомненно заключала в себе идею передачи дела управления промышленными предприятиями в руки рабочих. На местах она была воспринята без всяких оговорок. Как свидетельствует коммунист В. П. Милютин, «со стороны части рабочих при проведении национализации был проявлен своеобразный синдикализм. Они полагали, что управление национализированными предприятиями должно перейти в руки соответствующего профессионального союза. В первые месяцы после октября прокатилась целая волна подобного синдикализма. Железнодорожники полагали, что железные дороги должны быть их собственностью и находиться в полном их владении, речники то же самое про-

^{*}) Собрание сочинений, т. XV, стр. 150

водили в отношении речного флота, рабочие того или иного предприятия точно так же думали, что предприятие при национализации должно принадлежать им. Управление национализированными предприятиями, к сожалению, пошло вначале по этому пути. Центральные комитеты железнодорожников, речников, заводские комитеты отдельных фабрик и заводов вступили в управление соответствующими предприятиями. Скоро, однако, вскрылась вредность и непригодность подобной системы управления национализированной промышленностью. Развились профессиональный сепаратизм, бесконтрольное распоряжение средствами; многолюдные комитеты больше заседали и обсуждали, чем распоряжались и делали дело. Нужно было, однако, пройти эту школу, чтобы найти правильную форму организации»*)).

Несмотря на сильное падение производительности промышленности под влиянием всех этих перемен, национализация фабрик продолжалась непрерывно. По одному счету, к 15 мая 1918 г. число национализированных и секвестрированных предприятий достигло 304, по другому, к 1 июня 1918 г., 521. Кроме того, существовали предприятия «почти национализированные», «фактически национализированные», «до времени национализированные». 28 июня 1918 г. был издан декрет о всеобщей национализации всех крупных промышленных предприятий, по которому были объявлены общественной собственностью все каменноугольные копи, рудные предприятия, резиновые и древесноцеллюлозные фабрики и железнодорожные предприятия, а также все предприятия, имеющие крупный основной капитал (более 1-3 мил. рублей) в остальных отраслях промышленности. К началу 1919 г. число на-

*) Октябрьский переворот и диктатура пролетариата, Москва, 1919, стр. 103-4.

ционализированных предприятий достигло 830, к началу 1920 — 3.394. В конце 1920 г., по декрету 29 ноября, были объявлены национализированными все промышленные предприятия, находящиеся во владении частных лиц, или обществ, имеющие число рабочих свыше 5 при механическом двигателе или 10 без механического двигателя. Этим декретом была завершена национализация не только крупной, но и средней промышленности. Национализация торговых заведений, начиная с торговых складов и больших магазинов, тоже началась непосредственно после октябрьского переворота; 26.XI.1918 была объявлена торговая монополия государства на очень длинный список товаров; после издания этого декрета, практически легальная частная торговля какими бы то ни было товарами стала невозможной. Но исчезновение торговли делало невозможным и продолжение производства; все промышленные предприятия, которые продолжали свою работу, должны были после издания этого декрета покупать сырье и сдавать свои изделия национализированной кооперации, которая превратилась, на горе кооператоров, в монопольную советскую торговую организацию. Ликвидация частной торговли, таким образом, нанесла тяжелый удар работе ненационализированных промышленных предприятий.

Перепись 28 августа 1920 г. зарегистрировала 37.226 принадлежащих государству промышленных предприятий с почти 2 миллионами рабочих и, несмотря на это, 1 ноября того же 1920 г., т. е. через два месяца после переписи, на учете Высшего Совета народного хозяйства состояло лишь 6.908 предприятий с почти 1.300 тыс. рабочих. Таким образом, свыше 30.000 мелких (в среднем по 20-25 человек рабочих на предприятие), принадлежащих государству промышленных предприятий не состояло даже на учете. Но действительное расширение объема, а значит

и трудностей организации, было много значительнее, чем можно судить по приведенным выше данным. При непрерывном росте числа продуктов, объявленных государством монопольными, т. е. при все прогрессирувавшем уничтожении торговли и замене ее распределением, и все остальные мелкокапиталистические предприятия фактически вовлекались в государственную организацию хозяйства, сдавая органам государства продукты своего производства и получая в порядке государственного снабжения необходимые им продукты. Этот гигантский объем пролетарско-натурального хозяйства означал выход далеко за пределы того, что было подготовлено для противукапиталистической революции предшествующим капиталистическим развитием. Вовлечение в рамки пролетарско-натурального хозяйства бесчисленных мелких предприятий означало национализацию неподготовленных, неподдающихся огосударствлению мелких хозяйств*).

Суррогатом, частично заменившим товарную торговлю, запрещенную советской властью, явилась нелегальная торговля, нелегальный рынок. «Мешочники», так преследовавшиеся властью, поддерживали работу мелкой и средней промышленности и спасли жизнь сотням тысяч горожан.

При обычном порядке вещей, национализация, реквизиция или секвестр фабрики, товарного склада, лавки или какого-либо товара предполагает существование правительственного учреждения, к которому переходит владение и распоряжение экспропрированным у частного лица предприятием. В Советской России после октябрьского переворота дело обстояло иначе. В ней промышленные и торговые предприятия отбирались у их владельцев прежде, чем были созда-

*) Л. Крицман, Героический период великой русской революции, Москва 1925, стр. 127-130.

ны государственные учреждения, которые могли бы взять на себя их хранение и управление их производством и торговлей.

Поэтому, в первые месяцы существования советской власти национализированные промышленные предприятия поступали в распоряжение фабрично-заводских комитетов рабочих, а торговые склады, магазины и лавки — в распоряжение городских исполнительных комитетов. В органе Всеросс. Центр. Совета профессиональных союзов мы находим следующую характеристику этого периода: «Рабочие стали хозяевами положения, фабрики и заводы были в их руках, но рассматривались ими, особенно в первый период пролетарской революции, без всякой связи со всем народным хозяйством, наоборот, формировалось представление о переданной в руки пролетариата промышленности, как о неосушимом море, из которого можно без ущерба выкачивать бесчисленное количество благ, как из имевшихся на лицо¹ запасов, так и из выработки их собственного производства. На данной фабрике или заводе рабочие часто распределяли эти блага между собою»^{*)}).

Правильность этой характеристики подтверждает и А. И. Рыков: «Вся работа по организации хозяйственной жизни страны до сих пор (начало 1919 г.) велась при прямом и непосредственном участии профессиональных союзов и представителей рабочих масс. Профессиональные союзы и рабочие конференции представителей фабрик и заводов отдельных отраслей промышленности явились главнейшими и единственными лабораториями, в которых создавался и создается аппарат организации хозяйственной жизни России»^{**)}).

^{*)} Вестник труда, 1920, № 3, стр. 91.

^{**)} Народное хозяйство, 1919, № 1-2, стр. 19.

Почти такой же влиятельной оставалась роль фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов и в 1919 г., и в 1920 г. Организация промышленности с апреля 1918 г. по март 1921 г. характеризуется, главным образом, тремя характерными чертами: 1) отсутствием принципа хозяйственного расчета в организации советских хозяйств, 2) плановой из центра организацией снабжения и производства и 3) распределением продуктов и предметов личного потребления по принципу социального обеспечения.

В управлении национализированными промышленными предприятиями был уничтожен хозяйственный расчет и хозяйственный характер управления. При капиталистическом строе каждое хозяйство представляет собою телеологическое единство, во главе которого стоит хозяин, руководящий им на началах хозяйственного расчета, т. е. стремления к тому, чтобы сумма производимых хозяйством материальных ценностей превышала его издержки и хозяйство приносило чистый доход. Хозяйства, дающие убыток, погибают, освобождая место другим, более совершенным в техническом и экономическом отношении. С реорганизацией промышленных предприятий на коммунистических началах было уничтожено как единство руководящей хозяйственной роли, так и соответствие издержек производства количеству производимых ими ценностей. Было утрачено понимание того, что работа промышленных предприятий нужна обществу лишь до тех пор, пока она является экономически выгодной. Фабрики уподобились государственным учреждениям, работа которых нужна независимо от ее выгоды и должна быть произведена во всяком случае. Они утратили характер хозяйственных организаций. Эта хозяйственная деформация промышленных предприятий получила свое внешнее выражение в бесхозяйст-

венном, без ответственного хозяина и без учета издержек и выработки, ведении производства.

Результаты не замедлили обнаружиться. Коммунистическая организация промышленности вместо обещанного роста производительности труда и производительных сил, народного дохода и уровня жизни рабочих принесла их катастрофическое падение. Как в известном романе Бальзака, осуществление стремлений коммунистов привело к постепенному сокращению размеров — не куска шагреновой кожи, а продукции национализированной промышленности.

Производительность главных отраслей крупной промышленности упала в катастрофических размерах (в тысячах тонн и миллионах метров):

	нефть	камен. уголь	чугун	хл. бум. ткани
1913	9.543	28.870	4.207	1.625
1917	8.711	31.145	3.023	1.265
1918	3.638	12.958	515	979
1919	4.437	9.238	113	161
1920	3.837	8.483	115	126
1921	4.031	9.823	116	105
1922	4.912	10.375	188	349

Валовая продукция всей промышленности исчислялась в миллионах довоенных рублей:

	крупная промышл.	в индексах	мелкая промышл.	в индексах	вся промышл.	в индексах
1913	6.391	100	2.040	100	8.431	100
1917	4.780	74,8	1.600	78,4	6.380	75,7
1918	2.160	33,8	1.500	73,5	3.660	43,4
1919	955	14,9	1.000	49,0	1.955	23,1
1920	818	12,8	900	44,1	1.718	20,4
1920/1	1.080	16,9	1.000	49,0	2.080	24,7
1921/2	1.435	22,5	1.100	53,9	2.535	30,1

Минимального уровня производительность промышленности достигла в 1920 г. В этом году продукция ее различных отраслей составляла в % от продукции 1913 г.*):

Добыча нефти	42,7%
„ угля	27,0
„ соли	30,0
Выплавка чугуна	2,4
Производство паровозов	14,8
„ вагонов	4,2
„ плугов	13,3
„ кирпича	2,1
„ спичек	14,0
„ бумажной пряжи	5,1
„ сахара	6,7
„ растительных масел	3,0

Это падение производительности промышленности вызывалось отчасти сильным уменьшением числа занятых в крупной промышленности рабочих, но, главным образом, падением производительности их труда:

	валовая продукция крупной промышл.	число в ней рабочих	в индексах	произво- дительность одного рабочего	в индексах
1913	6.391	2.592	100	2.466	100
1917	4.780	2.596	100,2	1.841	74,7
1918	2.160	2.011	77,6	1.074	43,6
1919	955	1.335	51,5	715	29,0
1920	818	1.223	47,2	669	27,1
1920/1	1.080	1.195	46,1	904	36,7
1921/2	1.435	1.118	43,1	1.284	52,1

*) Русская промышленность в 1921 г., изд. ВСНХ, стр. LXIII.

Бегство рабочих с фабрик и заводов вызывалось многими причинами. Главными были голод, падение привоза в города и фабричные поселки хлеба и других продовольственных продуктов, возврат рабочих, не порвавших окончательно связи с родными селами и деревнями, к себе на родину, чтобы принять участие в разделе помещичьих земель, непринятие квалифицированными рабочими произведенного в 1918 г. уравнения заработных плат всем рабочим и инженерам без учета их квалификации. Затем много квалифицированных рабочих ушло на ответственные должности в администрации, местном управлении, хозяйственных учреждениях и предприятиях, а также в ряды красной армии, дравшейся с белыми отрядами ген. Алексеева, Деникина, Врангеля, Юденича и адм. Колчака. Производительность труда упала отчасти вследствие износа машин и зданий, ремонт которых не производился; в течение всего периода коммунистической политики шло систематическое «проедание» основного капитала промышленности. Но главной причиной падения производительности труда была его дезорганизация на национализированных фабриках и заводах. Уже в мае 1918 г., еще до начала гражданской войны на Юге России, коммунист М. Томский, председатель Всероссийского Центрального совета профессиональных союзов, писал: «падение производительности в настоящий момент дошло до той роковой черты, за которой (вернее, на которой) производству грозит полнейшее разложение и крах. Это положение характеризуется тем, что работник создает меньше ценности, чем получает, менее того, что ему необходимо для самого скудного существования. При таком положении работник-производитель превращается в пенсионера государства, в паразита, живущего на чужой счет. Конечно, такое явление не может быть длительным и, если производительность не восстановится до нормального, при данных условиях, минимума, неизбеж-

но последует общий хозяйственный кризис, разложение производства*). На первом съезде Советов народного хозяйства этого вопроса коснулся коммунист А. Гастев: «По существу, мы сейчас имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают, как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский. Мы встречаем громадное противодействие со стороны рабочей массы, когда приступаем к нормированию**).

По мнению другого работника-профессионалиста, на наших фабриках в это время царила «эпидемия несознательного саботажа»***). Рабочие только «числились» на фабриках или «посещали* фабрики, но почти в них не работали. Низкий уровень производительности труда, установившийся в 1918 г., продолжал падать далее и в 1919, и в 1920 гг.

Для состояния рабочей дисциплины в крупной промышленности в годы войны и революции показательны данные о числе дней работы в течение года:

	дней работы в году	в индексах
1913	257,4	100
1914	244,8	95,1
1915	240,7	93,5
1916	257,8	100,2
1917	239,8	93,2
1918	219,0	85,1
1919	183,0	71,1
1920	228,3	88,7
1920/1	219,5	85,3
1921/2	254,2	98,8

*) «Профессиональный Вестник», 1918, № 7-8, стр. 7.

***) Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, стр. 380.

***) А. Гольцман, Регулирование и натурализация заработной платы, 1918, стр. 76.

Число дней работы в году сильно упало в 1914 и 1915 гг., под влиянием мобилизаций, снявших с фабрик значительную часть старого рабочего состава; работа опять наладилась после возвращения квалифицированных рабочих с фронта. Но особенно сильно было падение числа рабочих дней в году в революционный 1917 г. и в последовавшие затем годы коммунистической политики. С переходом к новой экономической политике число рабочих дней сразу достигло нормального уровня. Резкое сокращение числа прогулов с конца 1921 г. было результатом перехода к обычной системе оплаты труда*).

Директором фабрики в эти годы назначался не тот инженер, который имел больше технических знаний, опыта и организационных способностей, а инженер-коммунист или даже коммунист не-инженер, хотя бы у этих партийных людей не было ни технических знаний, ни опыта. Положение инженеров не-коммунистов было в период коммунистической политики совершенно невыносимым. Один из них в письме к Ленину в марте 1919 г. следующим образом характеризовал его: «Неужели вы так замкнулись в своем кремлевском одиночестве, что не видите окружающей вас жизни, не заметили, сколько среди русских специалистов имеется, правда, не правительственных коммунистов, но настоящих тружеников, добывших свои специальные познания ценой крайнего напряжения сил, не из рук капиталистов и не для целей капитала, а путем упорной борьбы с убийственными условиями студенческой и академической жизни прежнего строя. Эти условия не улучшились для них при коммунистической власти (для меня это не совпадает с понятием о коммунистическом строе). На этих, самых настоящих

*) С. Струмилин, Заработная плата и производительность труда, Москва 1923, стр. 45-46.

пролетариев, хотя и вышедших из разнообразных классов, служивших трудящемуся брату с первых шагов сознательной жизни и мыслью, и словом, и делом, — на них, сваленных вами в одну зачумленную кучу «интеллигенции», были натравлены бессознательные новоявленные коммунисты из бывших городских, урядников, мелких чиновников, лавочников, составляющих в провинции нередко значительную долю «местных властей», и трудно описать весь ужас пережитых ими унижений и страданий. Постоянно вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унижительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации, вторжение в самые интимные стороны личной жизни... Вот обстановка, в которой пришлось работать до самого последнего времени многим специалистам высшей школы. И все же эти «мелкие буржуи» не оставили своих постов и свято исполняли взятое на себя моральное обязательство сохранить, ценою каких угодно жертв, культуру и знание для тех, кто их унижал и оскорблял по наущению руководителей. Они понимали, что нельзя смешивать свое личное несчастье и горе с вопросом о строительстве новой лучшей жизни, и это помогло и помогает им терпеть и работать. Но, верьте, из среды этих людей, которых вы огульно окрестили буржуями, контрреволюционерами, саботажниками и т. п., только потому, что они подход к будущему социалистическому и коммунистическому строю мыслят себе иначе, чем вы и ваши ученики, вы не купите ни одного человека той ценой, о которой вы мечтаете (ценой животного благополучия, С. П.)... Если вы хотите «использовать» специалистов, то не покупайте их, а научитесь уважать их, как людей, а не как нужный вам до поры до времени живой и мертвый инвентарь».*).

Летом 1922 г., через год после перехода к новой

*) Ленин, Собрание сочинений, т. XVI, стр. 162-164.

экономической политике, в одной из центральных губерний была произведена анкета о промышленной годности директоров фабрик и членов правления трестов*). Анкета захватила 159 лиц и дала следующие результаты. По своему образовательному цензу эти ответственные руководители промышленности делились на следующие группы:

С высшим образованием	21 чел. или 13%
„ средним „	38 „ „ 24%
„ низшим „	100 „ „ 63%

По своей прежней деятельности они распались на следующие группы:

Бывшие заведующие фабриками	37 чел.
Бывшие владельцы	16 „
Инженеры	6 „
Техники	8 „
Механики	4 „
Канторские служащие	30 „
Рабочие	48 „
Крестьяне	8 „

По мнению автора анкеты, только первая и, быть может, вторая группа более или менее удовлетворяют профессионально-техническим требованиям, которые должны быть предъявляемы к руководителям промышленных предприятий. Стаж всех остальных групп сомнителен.

Производительность промышленности снижал также недостаток капиталов. Промышленность дореволюционной России была создана, главным образом, за счет иностранных капиталов. В годы мировой войны

*) Экономическая Жизнь, 1922, № 268.

большие капитальные вложения были сделаны в отрасли промышленности, работавшей на оборону, но во всей остальной промышленности, обслуживавшей обычные потребности населения, не только не делалось новых капитальных вложений, но даже не производился нормальный ремонт для покрытия износа. После октябрьской революции началось «проедание» капиталов промышленности, прежде всего оборотного, — запасов изделий, сырья, топлива и т. д., затем и основного, машин, строений и пр. В течение всех лет коммунистической политики ремонта для покрытия годового износа основного капитала почти не производилось.

Катастрофическое падение национальной продукции к началу 1921 г. вынудило советскую власть отказаться от проведения коммунистической политики и признать необходимым частичное восстановление ею же уничтоженного в 1918-1920 гг. вольного рынка. Недовольство не только крестьян, но и рабочих начало принимать активные формы; вся страна покрылась восстаниями. Все эти бунты и забастовки представляли для советской власти, по отзыву Ленина, опасность, во много раз превышавшую угрозу наступления белых в лице Деникиных, Колчаков и Юденичей, вместе взятых*).

Свободная торговля должна была пробудить в населении охоту к труду, убитую мероприятиями 1918-1920 гг., и восстановить хозяйственную организацию производства.

В своей исторической речи 15 марта 1921 г. на X съезде коммунистической партии Ленин говорил о значении свободной торговли для крестьянина, для стимулирования его хозяйственной энергии, для пробуждения личной его заинтересованности в резуль-

*) Собрание сочинений, т. XVIII, часть I, стр. 104.

татах его хозяйственного труда. Последующие декреты Совета народных комиссаров, изданные в течение 1921 г., распространили начала новой экономической политики на все отрасли народного хозяйства.

В постановлении президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 25 августа 1921 г. мы находим прямое признание того, что задачей нового курса экономической политики является «возможно большее производство материальных благ всеми средствами». Особенного внимания заслуживает «Наказ Совета народных комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г. В нем дана совершенно правильная оценка некоторых характерных особенностей как политики 1918/1920 гг., так и новой экономической политики. Так, при старой политике «снабжение предприятий было разбито между различными учреждениями и не поставлено в непосредственную связь с производительностью предприятия»; условия оплаты труда были такими, что «участники производства не были и не могли быть заинтересованы в результате своего труда и в улучшении методов производства». Новая экономическая политика, чтобы предотвратить дальнейшее падение народного хозяйства, установила ведение промышленных предприятий «на началах точного хозяйственного расчета», т. е. так, чтобы они покрывали своей продукцией все без исключения издержки производства и давали некоторый излишек (доход), и признала за ним право производить по собственной инициативе заготовки нужного им сырья, топлива и продовольствия. Наказ предоставлял крестьянам и ремесленникам право свободно распоряжаться продуктами своего труда, давал органам Высшего Совета народного хозяйства право сдавать в аренду кооперативам и частным лицам национализированные промышленные предприятия и устанавливал платность государственных и комму-

нальных хозяйственных услуг. Другими декретами, изданными в 1921 г., была запрещена национализация предприятий без соответствующего в каждом отдельном случае особого постановления высших органов управления, была отменена трудовая повинность и введена свобода передвижения, был отменен принцип уравнительности в оплате труда и рост заработной платы поставлен в прямую зависимость от повышения производительности труда рабочего. В декрете Совета народных комиссаров от 16 сентября 1921 г. была выражена уверенность, что переход в промышленных предприятиях от социального пайка к заработной плате «приведет к тому, что вокруг предприятия будет происходить самообилизация квалифицированной рабочей силы. Мы не будем больше видеть инженеров, занимающих должности старших конюхов, заведывающих продовольственной частью или занимающихся починкой кухонных приборов и горелок; мы не будем видеть также квалифицированных рабочих, занимающихся посадкой картофеля и очисткой выгребных ям».

После решения в 1921 г. вернуться к организации промышленных предприятий на началах хозяйственного расчета и переводу рабочих на заработную плату, как стимулу повышения производительности их труда, была создана новая организация промышленности. Декретами от 10.IV.1923 г. и 17.VIII.1923 г. были созданы промышленные тресты, представлявшие собою государственные промышленные предприятия, самостоятельно ведущие свои операции на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли. В ведении своих хозяйственных дел советский трест был совершенно самостоятелен, за государственными учреждениями сохранены были лишь функции общего руководства, верховного распоряжения и ревизии. В своей оперативной работе по организации производства и сбыта в пределах утвержденных программ

и смет, правления трестов действовали по своему усмотрению; Высший Совет народного хозяйства был лишен права вмешиваться в текущую оперативную и административную работу правления треста. Центральные органы государственного управления промышленностью были созданы несколько раньше, еще при коммунистической политике; Государственная плановая комиссия была учреждена 22 февраля 1921 г. Для мелкой промышленности имели большое значение декрет от 7.VII.1921 г., предоставивший всем право свободно заниматься кустарными промыслами и открывать в явочном порядке мелкие промышленные предприятия с числом рабочих не свыше 10 при механическом двигателе и 20 при отсутствии такового и от 10.XII.1921 г., возвративший всем собственникам мелкопромышленные предприятия, с числом рабочих до 5 и 10, которые хоть и были объявлены национализированными, но на которых фактически национализация проведена не была. В первые годы политики восстановления народного хозяйства и советская власть, и коммунистическая партия, ею руководящая, относились к частно-предпринимательской форме хозяйства очень терпимо. 22 мая 1922 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил, что все граждане, не ограниченные законом в своей правоспособности, имеют право организовывать на территории Союза промышленные и торговые предприятия, заниматься дозволенными законом профессиями и промыслами, и заключать всякого рода не запрещенные законом договоры: имущественного найма, купли-продажи, мены, займа, ссуды, подряда, страхования и т. д. Право собственности советских граждан ограничивалось немунICIPализированными строениями в городских и сельских местностях, и движимым имуществом как домашнего, так и производительного назначения; они обладали также правом наследования (в пределах 10.000 золотых

рублей). Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. признал за советскими гражданами гражданскую правоспособность в пределах декрета 22 мая, т. е. права свободно передвигаться и селиться на территории РСФСР, избирать не воспрещенные законом занятия и профессии, приобретать и отчуждать имущества, совершать сделки и вступать в обязательства, организовывать промышленные торговые предприятия, — ограничив пользование ими одним условием: права эти предоставляются гражданам «в целях развития производительных сил страны» (ст. 4), и они охраняются законом «за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением» (ст. 1). В первые годы новой экономической политики это ограничение не имело практического значения, но после 1926/7 г. оно привело к весьма серьезному сокращению частно-хозяйственных прав*).

Но очень скоро и советская власть, и коммунистическая партия изменили свое отношение к частнохозяйственной инициативе, и начали ставить ей разные препятствия. О народнохозяйственном значении этой перемены можно судить по сокращению доли частновладельческого сектора в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства и в торговом обороте (в процентах):

*) Эти акты 1921-1923 гг. ликвидировали коммунистическую политику 1918-1920 гг. и заложили основы того экономического строя, который до сих пор продолжает существовать в Советской России. В своих воспоминаниях Р. Кулондр бывший французским послом в Москве с октября 1936 г. по октябрь 1938 г. относит русский термидор к более позднему времени диктатуры Сталина. (R. Coulondre, *De Staline à Hitler*, 1950, pp. 44, 72, 80, 82), и считает, что ортодоксальный коммунизм умер в России с Лениным (там же, р. 51). Это неверно: уже Ленин в 1921 г. отрекся от ортодоксального коммунизма. Только введенная им Новая Экономическая Политика была полутермидором, и сохранила до сих пор свой половинчатый характер.

	промышленность			торговля		сельское хозяйство	
	крупная	мелкая	вся	оптовая	розничная		
1922/3	—	—	—	—	75,3	55,9	—
1923/4	4,4	87,3	33,3	18,1	66,5	44,9	—
1924/5	3,9	84,4	28,0	8,5	48,5	27,8	—
1925/6	4,0	81,9	27,1	7,9	44,4	24,8	98,6
1926/7	2,3	82,1	20,8	4,8	37,0	18,5	98,8
1927/8	1,4	70,6	14,7	1,9	25,4	10,2	98,6
1928/9	0,9	43,8	12,7	0,9	14,3	5,1	98,3

Таблица эта, несмотря на ее статистическое несовершенство, дает верное и ясное представление о динамике частного хозяйства, частной предприимчивости и частного капитала в СССР в период новой экономической политики. В крупной промышленности роль их была с самого начала совершенно ничтожна; напротив, в кустарной и ремесленной промышленности в начале нэпа роль их была очень велика; после 1927 г. она начала быстро падать и скоро была сведена к совершенно незначительным размерам. В оптовой советской торговле частник первоначально играл довольно значительную роль, но затем он был быстро убит развитием советской кооперации; в розничной торговле он занимал, после перехода к нэпу, господствующее положение; но и здесь посредством усиленного налогового обложения, отказа сдачи в наем помещений, запрещения перевозки грузов по железным дорогам в адрес частных лиц он был вскоре убит. В сельском хозяйстве крестьянин-единоличник долго был неприкосновенен; но в 1930 г. и до него дошла очередь в форме сплошной коллективизации, и его народно-хозяйственное значение начало быстро таять.

Таковы были судьбы частных форм хозяйства в годы политики восстановления. Теперь мы должны обратиться к динамике производительных сил про-

мышленности в этот период, — как в ее рыночных формах, так и главным образом в огосударствленных ее формах, находившихся под контролем и управлением государственной власти и ее планирующих органов, — числа рабочих и их работоспособности, числа инженеров и техников и их квалификации, основных и оборотных капиталов промышленных предприятий. Восстановление промышленности предполагало восстановление ее производительных сил в их довоенных размерах.

Большую часть своих рабочих в 1922-1928 гг. промышленность брала из деревни. Работа на фабриках и заводах в эти годы продолжала оставаться одним из самых значительных отхожих промыслов крестьян нечерноземной, лесной полосы. Если мы разделим рабочих металлургической и каменноугольной промышленности на группы по признаку года начала работы в промышленности, то получим следующие таблицы (в %)*):

Металлург. промышленность	в ы х о д ц ы н з с е м е й			
	рабочих	крестьян	прочих	нмеют землю
до 1905 г.	59,1	36,8	4,1	29,3
1906-1917	60,1	36,0	3,9	23,7
1918-1925	51,0	43,4	6,5	18,4
1926-1927	40,4	53,5	6,1	24,8
1928-1929	43,8	49,0	7,2	24,8
Каменноуг. промышл.				
до 1905 г.	35,7	61,8	2,5	16,7
1906-1917	41,5	55,7	2,8	18,2
1918-1925	35,4	61,4	3,3	21,0
1926-1927	30,4	65,7	3,9	30,3
1928-1929	26,0	70,5	3,5	41,2

*) Труд в СССР. Справочник 1926-1930 гг., Москва 1930, стр. XIV, XV, 27-29; А. Рашин Состав фабрично-заводского пролетариата СССР, 1930, стр. 19, 21-22, 35.

Как показывают эти таблицы, спрос на рабочих удовлетворялся в это время, главным образом, не за счет детей рабочих, выросших в городах и фабричных поселках, и более или менее усвоивших городскую культуру, а за счет детей крестьян, выросших в деревне, на крестьянском дворе, и принесших с собой на фабрику деревенские особенности в психике и в работе. Их труд был лишен квалификации и интенсивности, был мало производителен; в то же время они не чувствовали привязанности к фабрике или заводу, на котором работали, и любили переходить с одного предприятия на другое.

По всей крупной промышленности, средний рабочий оставался на одном предприятии около года. Затем он уходил на другое предприятие, часто на совсем другую работу, в другую отрасль промышленности. Оставаясь на одном месте работы и на одной работе такой короткий срок, рабочий не мог приобрести должной квалификации. При этом нужно еще принять во внимание, что старые рабочие, обжившиеся на предприятии, редко уходят с места; бродит с фабрики на фабрику только часть рабочих, главным образом, пришлые из деревни, остающиеся на одном месте работы лишь 4-6 месяцев. В тех отраслях промышленности, которые требуют от рабочих квалификации или в которых, наряду с мужчинами, работают и их жены, — например, в хлопчатобумажной промышленности, полиграфической, металлообрабатывающей, — текучесть рабочих относительно низка; напротив, в каменноугольной и особенно железорудной промышленности она очень высока.

Поэтому, восстановление класса промышленных рабочих могло происходить только медленно. Еще медленнее шло восстановление кадров инженерно-технических работников. Ряды их за годы коммунистической политики сильно поредели, хотя их социальное и материальное положение после перехода к по-

литике восстановления и было улучшено, но они по-прежнему оставались на предприятиях классово-чуждым элементом, терпимым по необходимости. Молодые инженеры, прошедшие советскую техническую школу, практическим опытом не обладали и часто только портили дело, берясь за работу, которую исполнить не могли. Поэтому много ответственных мест на производстве занимали практики, не обладавшие научной подготовкой, главным образом, бывшие рабочие.

Такие же трудности представляло и восстановление капиталов промышленности, особенно основных, машин и зданий. Вследствие полунатурального строя своего хозяйства, Россия всегда страдала от низкого уровня своей капиталом-образующей способности и строила свои железные дороги, заводы и фабрики главным образом на иностранных капиталах*). Однако, перед войною 1914-1918 гг. ее национальные накопления достигли приблизительно одного миллиарда золотых рублей в год. После революции национализация всей промышленности, торговли и железных дорог в чрезвычайной мере понизила размер накоплений в руках частных лиц. Ленин возлагал большие надежды на иностранные капиталы, но отказ платить старые международные долги сделал невозможным привлечение иностранных капиталов ни в форме займов, ни в форме концессий. Поэтому Советской России пришлось восстанавливать свое национальное хозяйство за счет своих национальных накоплений. Если частные накопления в разоренной и обнищавшей

*) Количество иностранных капиталов в России перед революцией равнялось, по подсчету П. В. Оля, 2.270,5 мил. рублей (1168,3 мил. долларов). Из них 237,7 мил. рублей были помещены на территории, отошедшей от Советской России. Поэтому, при национализации банков, страховых и промышленных предприятий были аннулированы советской властью иностранные капиталы на 2032,8 мил. рублей 1046,0 мил. долларов. П. В. Оля, Иностранные капиталы в России, Петроград 1932, стр. 8-9, 142-144, 292-298.

России были ничтожны, то государственные принудительные накопления, при национализации всех главных производительных сил страны и умелой политике цен, могли дать очень значительные суммы. Считается, что за пятилетие 1923/4-1927/8 гг. национальные накопления в Советской России достигли 26,5 миллиардов рублей, из них 10,9 миллиардов рублей в обобщественном секторе и 15,6 миллиардов рублей в сельском хозяйстве*). В национализированную промышленность и электрические станции было вложено 5,2 миллиардов рублей, в транспорт 2,7 миллиардов рублей.

Под влиянием роста числа рабочих и инженерно-технических кадров, прекращения «проедания» оборотных и основных капиталов промышленности и их восстановления за счет национальных накоплений, роста производительности труда и общего улучшения организации промышленности, с 1921 г. начался постепенный рост валовой продукции промышленности. Производство основных продуктов крупной промышленности росло в период политики восстановления следующими темпами в тысячах тонн и миллионах метров:

	нефть	камен. уголь	чугун	хл.-бум. тканн
1913	9.543	28.870	4.207	1.625
1917	8.711	31.145	3.023	1.265
1920	3.837	8.483	115	126
1922/3	5.297	11.467	300	667
1923/4	6.065	16.189	661	930
1924/5	7.185	16.613	1.192	1.631
1925/6	8.525	25.586	2.203	2.209
1926/7	10.437	32.180	2.964	2.834
1927/8	11.600	36.130	3.328	3.100

*) Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР, том I, изд. 2-е, 1929, стр. 20; Проблемы экономики, 1936, кн. VI, стр. 205; Плановое хозяйство 1937, VIII, стр. 183.

Валовая продукция всей промышленности составляла в миллионах довоенных рублей:

	крупная промыш- ленность	в индек- сах	мелкая промыш- ленность	в индек- сах	вся промыш- ленность	в индек- сах
1913	6.391	100	2.040	100	8.431	100
1917	4.780	74,8	1.600	78,4	6.380	75,7
1920	818	12,8	900	44,1	1.718	20,4
1922/3	2.126	33,3	1.200	58,8	3.326	39,5
1923/4	2.586	40,5	1.460	71,6	4.044	48,0
1924/5	3.960	62,0	1.690	82,9	5.650	67,0
1925/6	5.722	89,5	1.860	91,2	7.582	89,9
1926/7	6.723	106,2	2.040	100,0	8.763	103,9
1927/8	8.143	127,4	1.940	95,1	10.083	119,6

Этот рост валовой производительности промышленности был произведен как ростом числа рабочих, так и ростом производительности их труда (в довоенных рублях):

	валовая продукция крупной промышл.	число рабочих (тысяч)	в индек- сах	произ- водит. одного рабочего	в индек- сах
1913	6.391	2.592	100	2.466	100
1917	4.780	2.596	100,2	1.841	74,7
1920	818	1.223	47,2	669	27,1
1922/3	2.126	1.410	54,4	1.508	61,2
1923/4	2.586	1.643	63,4	1.574	63,8
1924/5	3.960	2.014	77,7	1.966	79,7
1925/6	5.722	2.390	92,2	2.394	97,1
1926/7	6.723	2.609	100,7	2.577	104,5
1927/8	8.143	2.842	109,6	2.865	116,2

По этим данным, валовая продукция промышленности за некоторыми исключениями (напр. чугун) достигла довоенного уровня уже в 1926/7 г. Однако, таблица эта дает несколько преувеличенное представление о росте производительности народного хозяйства, так как не учтено падение качества продукции крупной промышленности. Падение это началось уже в период коммунистической политики, 1918-1920 гг. В период пятилетки восстановления качество промышленных изделий улучшилось, но довоенный уровень достигнут не был, так как погоня за снижением стоимости изделий и увеличением их количества приводили к тому, что директора фабрик и трестов переставали строго следить за качеством продукции, — лишь бы исполнить предписанный план по снижению себестоимости и количеству продукции. Если в первые годы новой экономической политики качество изделий улучшилось, то с 1925 г. оно начало заметно падать; росло количество брака как в промышленности, производящей предметы личного потребления, напр. хозяйственной или швейной, так и в промышленности, производящей средства производства, напр. в металлургической и машиностроении.

Поэтому надобно считать, что довоенный уровень производительности промышленности был достигнут не в 1926/7 г., а в 1927/8 г. и даже, быть может, в 1928/9 г.

Успехи процесса восстановления промышленности после 1921 г. при новой экономической политике поставили на очередь вопрос о дальнейшем развитии производительных сил СССР как в целях подъема благосостояния населения, так и в целях национальной обороны, — прежде всего крупной промышленности, горного дела и машиностроения. Опыт мировой войны 1914-1918 гг. показал, что для обороны страны нужны прежде всего не только деньги, но и

черный металл. Отсюда вытекла основная задача первого пятилетнего плана: «Все направление экономического оборота с внешним миром в расчетах пятилетнего плана подчинено задаче подъема производительных сил страны на путях индустриализации и обобществления, как единственно возможной формы отстоять независимость СССР от натиска капиталистических государств». «Направление развития определяется решительным курсом на индустриализацию, что диктуется необходимостью преодоления в кратчайший срок исторически унаследованной отсталости»^{*)}. Был даже выкинут лозунг «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны. Сталин в речи 4 февраля 1931 г. так формулировал основную задачу первого пятилетнего плана: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут^{**)}».

Но это развитие производительных сил страны советская власть решила производить не на путях новой экономической политики и раскрепощения частно-хозяйственной инициативы, а на путях ускоренного обобществления или огосударствления всего народного хозяйства. XV съезд коммунистической партии уже в декабре 1927 г. постановил, что по отношению к частно-капиталистическим хозяйствам, сложившимся и окрепшим за 1921-1927 гг., должна быть применена «политика вытеснения», и что советская власть должна стремиться к «непременному систематическому повышению удельного веса социалисти-

^{*)} Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР, 2-е изд. 1929 г., том I, стр. 99; том II, часть вторая, стр. 404

^{**)} Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 445.

ческого хозяйственного сектора, что является решающим и главным моментом во всей хозяйственной политике пролетариата». В апреле 1929 г. Сталин произнес на пленуме Центрального Комитета партии речь «О правом уклоне во Всесоюзной коммунистической партии», в которой следующим образом развил мысль о примате проблемы социализации над проблемой роста производительных сил: «Верно ли, что центральную идею пятилетнего плана в советской стране составляет рост производительности труда? Нет, неверно. Нам нужен ведь не всякий рост производительности народного труда. Нам нужен определенный рост производительности народного труда, а именно такой рост, который обеспечивает систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим. Вот в чем дело, товарищи. Пятилетний план, забывающий об этой центральной идее, есть не пятилетний план, а пятилетняя чепуха. В росте производительности труда вообще заинтересовано всякое общество, и капиталистическое и докапиталистическое. Отличие советского общества от всякого другого общества в том именно и состоит, что оно заинтересовано не во всяком росте производительности труда, а в таком росте, который обеспечивает перевес социалистических форм хозяйства над другими формами и прежде всего над капиталистическими формами хозяйства, который обеспечивает таким образом преодоление и вытеснение капиталистических форм хозяйства»*).

Для дальнейшего и при том быстрого роста производительных сил народного хозяйства СССР нужно было прежде всего значительно расширить его минеральную базу, и широко поставить разведку залежей полезных ископаемых, прежде всего металлов и го-

*) И Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд. 1935, стр. 278.

рючих. Для природных условий, в которых шло создание в Советской России тяжелой промышленности, характерна организация большого числа крупных предприятий добывающей промышленности в пустынях за Северным Полярным кругом и в Центральной Азии. Поучительна также история Урало-Кузнецкого комбината, в котором чугун и сталь добываются из железных руд Магнитной горы с помощью углей Кузнецкого каменноугольного бассейна. Расстояние между Магнитной горой на Урале и каменноугольными копями г. Кузнецка на Алтае равняется 2.225 километрам. Когда этот комбинат был создан в начале 1930-х гг., от Магнитной Горы железные дороги везли на Алтай 2 миллиона тонн железной руды, а из Кузнецка на Урал — два миллиона тонн угля. Перевозка этих четырех мил. тонн угля и руды давала железным дорогам около 9 миллиардов тонно-километров работы. Издержки по перевозке должны были сильно удорожать добываемый комбинатом чугун. Но к концу 1930-х гг. положение значительно изменилось. Кузнецкие угли в Магнитогорске начали заменяться углем Караганды (расстояние 1205 километров) и Кизеловского бассейна (на Урале); железная руда на Алтае была разведана в Горной Шории, по соседству с Кузнецком. Эти изменения в структуре Урало-Кузнецкого комбината значительно понизили его издержки производства и работу железных дорог.

Поэтому, на научно-исследовательскую работу в Советской России до начала войны с Германией ежегодно тратились многие сотни миллионов рублей в год. За 1928-1945 гг. было израсходовано (миллионов рублей)*):

*) К. Плотников, Бюджет социалистического государства, Москва 1948, стр. 334.

	из средств государствен- ного бюджета	из средств министерств	из средств хозяйственных организаций	ВСЕГО
I пятилетка 1928-1932 гг.	877	95	613	1.585
II пятилетка 1933-1937 гг.	3.015	303	2.040	5.358
III пятилетка 1938-1942 гг.	5.818	230	3.244	9.292
1943 г.	1.079	40	739	1.858
1944 г.	1.551	50	913	2.514
1945 г.	2.127	50	851	3.028
Всего за 1928-1945 гг.	14.467	768	8.400	23.635

В государственной росписи на 1950 г.*) на научно-исследовательские работы ассигновано 5.600 миллионов рублей и из средств хозяйственных организаций на развертывание научно-исследовательской работы и строительство научно-исследовательских институтов и лабораторий при крупнейших заводах и фабриках ожидается поступление 2.500 миллионов рублей.

Работа научно-исследовательских учреждений дала очень ценные положительные результаты. В области исследования недр и ископаемых особенно крупное народно-хозяйственное значение имеет обнаружение богатейших их залежей в зоне вечной мерзлоты и хвойных лесов на Севере и в средне-азиатских пустынях и полупустынях на юге, мало пригодных для земледелия, — Печорский, Тунгусский и Ленский каменноугольные бассейны, Ангаро-Илимское месторождение высококачественных железных руд, золотые россыпи в бассейне Лены, Витима и Алдана, медные руды Коунрада и Джекказгана около озера Балхаш.

*) Рубли в таблице и в росписи — текущие, рыночные.

Заселение и хозяйственная эксплуатация больших территорий в этих зонах, почти непригодных для сельскохозяйственной колонизации, может быть произведена исключительно в форме развития горной промышленности.

Чрезвычайно быстрый рост промышленности в годы пятилетних планов требовал ежегодного набора сотен тысяч новых рабочих, никогда раньше на фабриках, заводах и шахтах не работавших. В 1927-1932 гг., при естественном приросте городского населения в размере 0,7 мил. человек, иммиграция и переселение сельского населения в города достигли 12,4 мил. человек; в 1933-1938 гг. естественный прирост в городах был равен 4,6 мил. человек, иммиграция из сельских местностей 11,9 мил. человек.

В результате, очень значительная часть нынешних фабрично-заводских рабочих представляет собой крестьян, переселившихся в города, одевшихся в одежду, которую носят городские рабочие, и работающих уже не на полях, а на фабриках, но сохранивших крестьянскую психику, крестьянские умонастроения. Процесс образования промышленного пролетариата далеко еще не закончен в пореволюционной России. Тем не менее, производительность труда этих новоиспеченных пролетариев успешно росла, как показывает следующая таблица (в миллионах рублей и рублях 1926/7 г., в тысячах рабочих):

	валовая продукция крупной промышл.	в индексах	число рабочих	в индексах	производи- тельность одного рабочего	в индексах
1913	10.251	100	2.592	100	3.955	100
1917	7.667	74,8	2.596	100,2	2.953	72,1
1920	1.410	13,8	1.223	47,2	1.153	29,2
1927/8	13.900	135,6	2.842	109,6	4.891	123,7
1929	19.923	194,4	2.923	112,8	6.816	172,3
1930	25.837	252,1	3.675	141,8	7.030	177,7
1931	32.263	314,7	4.619	178,2	6.985	176,6
1932	36.878	359,7	5.153	198,8	7.157	181,0
1933	39.934	389,6	4.916	190,0	8.123	205,4
1934	48.200	470,2	5.194	200,4	9.280	234,6
1935	58.800	573,6	5.623	216,9	10.457	254,0
1936	80.800	788,2	6.090	235,0	13.268	335,5

Поскольку официальная статистика дает преувеличенное исчисление валовой продукции крупной промышленности особенно после 1927/8 г., в той же мере является преувеличенным и полученный нами индекс роста производительности одного рабочего.

Пришлые из деревни рабочие, еще не осевшие как следует на производстве, очень любят переходить с одного предприятия на другое, переезжать в другой город, менять профессию. Отсюда большая текучесть рабочих на предприятиях. Квалифицированный рабочий, с большим производственным стажем, всегда дорожит своим местом на фабрике, заводе или руднике. Чем выше текучесть рабочих на предприятии, тем ниже на нем производительность труда. Переходам рабочих с одной фабрики на другую, из одного города в другой сильно способствуют тяжелые жизненные условия в городах. Рабочий ищет, где жилая площадь, ему предоставляемая, будет больше. Отсюда большая текучесть рабочих на предприятиях. Процент выбывших в течение года составлял:

	вся цензов. пром.	каменноугольн. пром.	хлопчатобум. промышлен.
1928	92,4	132,0	31,2
1929	115,2	192,0	37,2
1930	152,4	295,2	62,4
1931	136,8	205,2	68,4
1932	135,3	187,9	72,2
1933	122,4	120,7	61,2
1934	96,7	95,4	43,1
1935	86,1	99,1	45,9

Своего максимума текучесть рабочих достигла в 1930 г. В каменноугольной промышленности в этом году рабочий оставался в среднем 4 месяца на предприятии. В 1935 г. средний фабрично-заводский рабочий оставался на предприятии уже около 14 месяцев. В 1938 г. число выбывших рабочих по крупной промышленности достигло за 9 месяцев 56,1%, или около 75% в год, средний рабочий, следовательно, оставался на предприятии 16 месяцев.

Для развития промышленности нужны не только неквалифицированные рабочие, приходившие в большом количестве из деревень, но и опытные инженеры и техники. Их было недостаточно и в довоенной России; мировая война, революция и последующая за нею гражданская война сильно сократили их кадры. Так, в 1928 г. на 1000 рабочих было только 14,3 чел. инженеров и техников. Поэтому, и в советской промышленности, как и на железных дорогах, сплошь и рядом места инженеров занимали «практики», — лица, обладающие в лучшем случае лишь зачатками технических знаний. Их было на тысячу рабочих 8,8 человек. Всего, следовательно, инженеров, техников и «практиков», исполняющих обязанности техников, было 23,1 чел. на 1000 рабочих, — число, явно

недостаточное*). В Донецком каменноугольном бассейне и рудных коях Кривого Рога на 1000 рабочих приходилось только 9,4 инженера и техника, менее одного на 100 рабочих. Черная металлургия совершенно была лишена умелого технического руководства. В объединении «Сталь» был только один директор с годовым стажем работы, все остальные имели стаж значительно менее годового. На заводе имени Дзержинского не было технического руководителя, главного инженера, который по своей квалификации и стажу соответствовал бы размерам и масштабу работы этого завода. Большая часть заводов находилась в таком же положении. Производственный стаж начальников цехов составлял 2-3 года. На Сталинском заводе из начальников цехов был только один человек со стажем свыше 2 лет, стаж других был короче.

Но и тем инженерам-специалистам, которые уцелели на фабриках и заводах, не давали работать как следует. Они были загружены конторской работой, писанием отчетов и докладов, заполнением всяких учетных и отчетных форм. Для рабочих вводился 7-часовой рабочий день; а для инженеров и техников был введен 11½-12 часовой рабочий день. Кроме того, идея диктатуры пролетариата вообще несовместима с подчинением рабочего инженеру, на которого рабочий смотрит как на человека другого общественного класса. Разлад между рабочими и инженерно-техническими работниками, всегда мешавший правильной работе советской промышленности, был в чрезвычайной мере обострен «вредительскими» процессами против инженеров, в которых невыполнение раздутых заданий и низкая производительность промышленного предприятия, вызванная независимыми

*) Кирхнер и Турубинер: Труд и быт инженерно-технического персонала в горной промышленности. Издание центрального комитета союза горнорабочих. Москва, 1929, стр. 10, 11, 89.

от его директора и инженеров обстоятельствами, или недостатком у них технических знаний и практического опыта, ставились им в вину, как сознательное, преднамеренное «вредительство». В 1928 г., перед тем, как приступить к исполнению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, в Шахтинском судебном процессе против инженеров-«вредителей», 47 человек было осуждено за вредительство, из них 11 приговорены к смертной казни и 5 расстрелены. За ним последовали другие вредительские процессы. Они подрывали авторитет инженеров на производстве, лишали их активности и сильно мешали развитию советской промышленности. Для порядков, царивших в 1930-х гг. в советской промышленности, очень характерно постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального Комитета коммунистической партии от 28 апреля 1937 г. о работе угольной промышленности Донецкого Бассейна. В этом постановлении мы находим следующую характеристику отношений между инженерами и рабочими на производстве:

«Многие партийные и профсоюзные организации угольного Донбасса, вместо действительного выяснения и устранения причин, тормозящих подъем добычи угля и выполнение подготовительных работ, и установления конкретных виновников этого, прибегают к огульному обвинению инженеров и техников, не встречая при этом сопротивления со стороны хозяйственных органов. Наоборот, некоторые хозяйственники в порядке самостраховки увольняют с работы лиц, виновность которых не только не доказана, но даже не расследована. Нередко хозяйственные партийные и, в особенности, профсоюзные организации угольного Донбасса относятся недопустимо бездушно к работникам угольной промышленности, допуская огульное репрессирование, исключение из пар-

тии и из профсоюзов, увольнение с работы или отдачу под суд».

Директорами промышленных предприятий обычно в СССР состояли лица, техническими знаниями не обладающие, но принадлежащие к правящей коммунистической партии. На 1 сентября 1929 г. среди директоров промышленных предприятий было 93% членов коммунистической партии. В крупных предприятиях, с числом рабочих более 5.000, процент партийцев среди директоров повышается до 100%. Рабочих было на то же число: среди председателей трестов 56%, членов правления — 45%, всего по трестам 37,8%; среди директоров промышленных предприятий 71%, среди заместителей и помощников директоров 69,4%, всего по предприятиям 61,4%. Техническая подготовка у коммунистов для занятия своих должностей была совершенно неудовлетворительной. По обследованию, произведенному на 1 сентября 1929 г., среди беспартийных членов правлений трестов было 88% с высшим образованием, среди коммунистов 12%. Директоров предприятий с высшим образованием было среди коммунистов 2,6%, среди беспартийных 62%*). Промышленными предприятиями в это время управляли не директора, а «тройки» — составленные из директора фабрики, председателя коммунистиче-

*) Сталин и Каганович, Отчет Центр. комитета XVI съезду ВКП, 1931, стр. 187-188. О беспартийных говорил на XVIII конференции коммунистической партии член Политического Бюро партии Маленков, оценивая их как честных и способных работников. Маленков протестовал против того, что «до сих пор.. во многих партийных и хозяйственных органах при назначении работника больше занимают выяснением его родословной, выяснением того, кем были его дедушка и бабушка, а не изучением его личных деловых и политических качеств, его способностей». Беспартийные работают часто лучше, добросовестнее, чем некоторые коммунисты со стажем, — «болтуны, не способные на живое дело» и «невежды, не желающие ничему учиться», и только «обычно кичащиеся своим пролетарским происхождением».

ской ячейки и председателя фабричного комитета рабочих. При такой организации управления работой промышленных предприятий заведывали не техники, специалисты своего дела, а политики. Какие условия работы на промышленных предприятиях создаются этой отдачей всех народнохозяйственных процессов на усмотрение политиков, показывают следующие замечания С. Сырцова в его столь нашумевшей брошюре, погубившей его административную карьеру: «Мы опутываем человека, говорит Сырцов, по рукам и по ногам всякими согласованиями, загоняем в бутылку, затыкаем пробкой, прикладываем казенную печать, а потом ходим вокруг и говорим: «Почему этот человек никакой активности не проявляет, никакой инициативы», — и упрашиваем его: «Не забывай об единоличии (в управлении), бери на себя ответственность, проявляй инициативу». А может быть самое лучшее, что нужно сделать, — это вытащить пробку, выпустить его из бутылки?»*).

В защиту инженеров выступил также Сталин, сказавший в своей речи от 23.VI.1931 г., что пора перестать рассматривать «каждого специалиста и инженера старой школы, как непоиманного преступника и вредителя». Изданный во исполнение формулированных в его речи пожеланий декрет от 1 августа 1931 г. касается только улучшения бытовых условий жизни инженерно-технических работников. Они приравниваются к рабочим в следующих отношениях: 1) их дети получают равное с детьми рабочих право на образование в учебных заведениях; 2) сами они получают равное с рабочими право на снабжение предметами потребления и жилой площадью, на места в домах отдыха и санаториях, на страховые пособия. Кроме того, они получают право на дополнительную жилую

*) С. Сырцов, О наших успехах, недостатках и задачах, 1930, стр. 9-10, 15.

площадь наравне с ответственными работниками.

Очевидно при таком недостаточном количестве и таком бесправном положении национальных инженерно-технических кадров для осуществления грандиозных задач промышленного строительства первого 5-летнего плана нужно было обратиться к помощи «гнилого запада». В 1929-1932 гг. в СССР были приглашены тысячи инженеров главным образом из Соед. Штатов Сев. Америки и Германии; часть из них много лет продолжала свою работу в Советской России; им принадлежала руководящая роль в постройке большинства ныне существующих крупных промышленных предприятий.

В начале второй пятилетки, как и в начале первой, количество инженерно-технических работников оставалось крайне недостаточным и квалификация их была совершенно неудовлетворительной. В конце 1933 г. в составе этих работников было следующее число лиц с высшим или средним техническим образованием и без него, так называемых «практиков» (в % %)*:

	с высшим обр.	со средним обр.	практиков
Управляющие промышл. объединений и трестов, их заместители и помощники	29,8	9,6	60,6
Руководители управлений, отделов и секторов пром. объединений и трестов	27,9	12,1	60,0
Директоры пром. объединений, их заместители и помощники	21,5	13,0	65,5
Руковод. состав и ответств. работники правлений железных дорог	27,5	15,5	57,0

*) Социалистическое строительство СССР, статистический ежегодник 1935 г., стр. 513-519.

В советской России до самого последнего времени на самые ответственные, решающие на производстве должности назначались, главным образом, коммунисты, партийные работники, совершенно незнакомые с техникой того дела, которым должны были руководить, или только что кончившие учебное заведение члены коммунистического союза молодежи, лишенные практического опыта.

Эти недостаточные и в количественном, и в качественном отношении кадры совершенно не могли руководить работой новых пускаемых в производство фабрик, заводов и шахт. Поэтому в 1935 г. Сталин выступил с публичным заявлением, что «кадры решают все». — «Мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры»**).

Первым важным практическим шагом к расширению прав инженерно-технических работников на производстве было издание в 1940 г. декрета о повышении роли мастера на заводах тяжелого машиностроения. В самом декрете приведены следующие соображения в пользу расширения прав мастера на производстве: «задачи правильного руководства предприятиями социалистической промышленности требуют решительного укрепления роли мастера на производстве. Мастер должен обладать всеми необходимыми правами для того, чтобы успешно осуществлять свои обязанности, как непосредственный организатор производства... Руководители многих заводов и цехов своим безразличным отношением к работе мастера принижают его авторитет, не считают нужным

*) «Правда» 6 мая 1935 г.

советоваться с ним по важнейшим производственным вопросам, вмешиваются в его функции, отдают распоряжения рабочим через голову мастера. Нередко совершенно правильные действия мастеров, направленные на борьбу с нарушителями трудовой дисциплины, не получают должной поддержки со стороны вышестоящих руководителей предприятия. Плановые работники, диспетчеры и технологи в цехах зачастую самолично, без согласования с мастером вносят изменения в производственное задание, технологический процесс, в порядок работы и расстановку рабочей силы. Таким образом, условия, в которые поставлен мастер, зачастую не дают ему возможности стать подлинным организатором производства, умаляют его роль, снижают его ответственность за состояние трудовой дисциплины, за выполнение производственной программы и за улучшение качества продукции».

Октябрьская революция лишила мастеров на промышленных предприятиях права руководства и контроля за работой рабочих. Теперь это право было полностью восстановлено. Главными статьями декрета 28 мая являются следующие:

1. Установить, что мастер является полноправным руководителем на порученном ему участке производства и несет ответственность за выполнение задания по всем показателям.

2. Все распоряжения цеховой администрации передаются рабочим только через мастера, который и отвечает за их выполнение.

4. Предоставить мастеру право налагать дисциплинарные взыскания на нарушителей трудовой дисциплины и дезорганизаторов производства. Предоставить мастеру право с утверждения начальника цеха принимать и увольнять рабочих.

8. Возложить на мастера обязанности:

а) правильно расставлять рабочих;

- б) своевременно выдавать рабочим наряды на работу;
- в) следить за полным и своевременным обеспечением рабочих инструментом, сырьем и материалами;
- г) инструктировать и оказывать помощь рабочему в выполнении данного ему задания;
- д) обходить рабочие места и проверять соблюдение рабочими технологического процесса и правил техники безопасности;
- е) следить за обеспечением высокого качества продукции и предупреждать брак и недоделки;
- ж) наблюдать за технически правильной эксплуатацией оборудования;
- з) сдавать в отдел технического контроля изготовленную продукцию;
- и) производить приемку и сдачу смен.

10. Возложить на мастера ответственность за состояние трудовой дисциплины и за полное и производительное использование рабочего дня руководимыми им рабочими.

11. Установить, что мастер несет ответственность за правильное использование и полную загрузку оборудования, за правильное расходование фонда заработной платы, материалов, сырья и использование инструмента.

Эти статьи декрета ясно рисуют нам две системы организации работы на промышленных предприятиях: старую систему, при которой каждый рабочий на предприятии производил порученную ему работу по собственному усмотрению, без руководства и строгого контроля, и новую, при которой мастер руководит рабочим, инструктирует его, снабжает его инструментом и материалами, контролирует его работу, пре-

дупреждает брак и недоделки, налагает взыскания за нарушение трудовой дисциплины, наблюдает за работой машин. Октябрьская революция лишила мастеров на промышленных предприятиях права руководства и контроля за работой рабочих. Теперь, в 1940 г., в ожидании войны, это право было восстановлено в полной мере, — пока только на заводах тяжелого машиностроения. Но предоставление таких широких прав возлагает на мастера и большую ответственность; оно требует от мастера обладания соответствующей квалификацией. Между тем, в 1940 г. на заводах Народного комиссариата тяжелого машиностроения высшим образованием обладало лишь 3,2 проц. мастеров, средним 10,8 проц., а остальные 86 проц. были практиками без специального образования. При такой низкой квалификации, мастера на советских предприятиях получали во многих случаях заработную плату ниже заработка квалифицированных рабочих. Поэтому, декрет 28 мая включает в себе также следующие статьи:

12. Установить, что мастер назначается из числа инженеров, техников и высококвалифицированных рабочих. Лица, не имеющие технического образования, назначаются на должность мастера только после проверки в аттестационной комиссии предприятия.

14. Повысить с 1 июня 1940 г. заработную плату мастерам заводов тяжелого машиностроения с таким расчетом, чтобы их заработная плата была выше средней заработной платы квалифицированных рабочих.

Но если мастерам дано право руководить вверенными им участками производства, то, логически рассуждая, такие же права должны быть даны и начальникам цехов, и директорам промышленных предприятий. Советские инженеры и сделали этот логический

вывод. В советских газетах*) появились статьи, критикующие нынешний порядок регулирования народными комиссариатами и главными управлениями промышленности работы промышленных предприятий, расходования фонда заработной платы, производства затрат на улучшение техники производства и проч.; в них требовалось, чтобы народные комиссариаты и главные управления устанавливали только основные производственные показатели промышленного предприятия, предоставляя их конкретизацию усмотрению директора и его руководству.

Как показывают все приведенные выше данные, количество, качество и хозяйственно-оперативные права инженерно-технических работников были в 1930-х гг. одним из самых слабых мест в организации советской промышленности. Развитие промышленности требует также большого количества капиталовложений. Октябрьская революция, уничтожив класс богатых, лишила Советскую Россию дореволюционных источников накопления национального капитала. Отсутствие капиталов угрожало остановкой народнохозяйственного развития страны, обречением ее на застой и нищету. Советская власть нашла выход из этого критического положения в замене добровольного частного накопления принудительным государственным накоплением. Задача была решена путем высокого налогового обложения крестьян, снижения цен на продукты их хозяйства, и повышения цен на продукты крупной промышленности. За счет крестьян была чрезвычайно повышена норма национального накопления. Если до войны, в 1913 г., национальное накопление при капиталистическом строе хозяйства составляло 10,2% от национального дохода, то в 1932 г. при советском строе хозяйства, оно достигло

*) «Правда» 10, 14, 19, 20, 23 и 26 сент. 1940 г.; «Индустрия» 18 сент. 1940 г.

по одному расчету 24,2% народного дохода*), по другому 26,9%**).

Такие колоссальные размеры капитальных вложений в крупную промышленность несомненно сделали возможным чрезвычайный рост ее продукции. Проблема усиленного национального капиталообразования в бедной замлельческой стране с полунатуральным строем хозяйства была разрешена советской властью путем принудительного сокращения потребления населения, как крестьян, так и рабочих.

Во всех последних таблицах мы не учитывали действия еще одного фактора, имевшего большое влияние в годы первого и второго пятилетних планов. Устанавливая объем физической продукции, мы не можем игнорировать качества производимого угля, чугуна, вагонов, тканей, сапог. Ведь целью промышленной продукции в национальном хозяйстве является удовлетворение тех или других личных и производственных потребностей человека. Продукты или изделия одной и той же физической величины могут в различной мере удовлетворять эти потребности, в зависимости от их качества. Так, например, килограмм угля может давать и 7.000 калорий, и 5.600, в зависимости от процента зольности; рельсы из хорошего чугуна могут служить 10-15 лет, из плохого — 3-5 лет; хорошо сделанные галоши могут носиться 8 месяцев, плохие 4 месяца. Примеры эти показывают, что при учете народно-хозяйственной производительности должно учитывать не только количество продуктов и изделий, но и их качество.

Падение качества продукции промышленности произошло уже в период коммунистической политики, 1918-1920 гг. В период политики восстановления на-

*) Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР, Москва 1934, том I, стр. 427.

**) Плановое хозяйство 1939 г. кн. III, стр. 38.

блюдалось некоторое улучшение качества изделий, но довоенный уровень их достигнут не был. С переходом к пятилетнему плану реконструкции началось быстрое ухудшение качества изделий крупной промышленности. Уже в отчете о результатах работы первого года первой пятилетки мы находим следующее признание: «Слабым местом промышленности явилось качество продукции. В этом отношении наблюдалось определенное неблагополучие уже в последние годы, но в 1928/29 г. положение резко ухудшилось. Многочисленные жалобы потребителей, торгующих и кооперативных организаций, ведомств и производственных предприятий, свидетельствуют о резком ухудшении качества промышленных изделий»^{*)}).

Начиная с 1929 г., был произведен ряд обследований качества продукции. В октябре 1930 г. в Москве была собрана всесоюзная конференция по качеству предметов широкого потребления. На ней была организована выставка брака, — дырявых чайников, саморасползающихся тканей, разнорукавных пальто, разваливающихся от первого прикосновения ботинок, незажигającychся спичек и т. д. Обследование качества продукции, приведенное при активном участии работников профессиональных союзов, дало очень богатый материал. Было установлено, что «качество хлопчатобумажных изделий прогрессивно падает, начиная с 1925 года. В течение 5 лет у нас систематически идет ухудшение качества важнейшего для массового потребителя товара — хлопчатобумажной ткани... Пороки образуются во всех стадиях производства при прядении, тканье и отделке... Размер брака по всей синдицированной хлопчатобумажной промышленности в IV квартале прошлого (1928/9 года) составлял в среднем 50%... В 1930 г. мы наблюдали даль-

^{*)} «Год работы правительства. Первый год пятилетки», Москва 1930, стр. 155.

нейшее значительное ухудшение качества хлопчатобумажных тканей». «Качество продукции швейной промышленности за последнее время значительно ухудшилось. В чем заключаются дефекты этой промышленности, можно наглядно убедиться из той выставки, которая размещена в соседней комнате... Дефекты швейных изделий происходят главным образом за счет скверного покроя и плохой пошивки. Основные дефекты — плохо сработанные борта и лацканы, плохая утюжка, неправильная пришивка рукавов, расхождение пол, плохая пришивка пуговиц разных сортов и цветов, неодинаковая длина половин брюк, разная ширина манжет, неправильная строчка, короткие рукава, сужение отдельных частей и т. д.». Растет количество брака и в обувной промышленности; к 1930 г. оно достигло 50%. Качество кондитерских изделий, рыбной и консервной промышленности также сильно ухудшилось*). Суммируя все собранные анкетой материалы, председатель Высшего Совета народного хозяйства Куйбышев установил, что «убытков всей страны от брака никто еще точно не подсчитал, но можно не сомневаться, что они достигают сотен миллионов, а может быть даже миллиардов рублей». «Лишь 25% брака происходит из-за плохого сырья, а 75% — по вине обработки**»). Ораторы уверяли в прениях, что половина поступающих в продажу изделий — брак, который продается населению по обычным ценам.

Понижалось качество и изделий тяжелой промышленности. Народный комиссар путей сообщения Рудзутак постоянно жаловался на падение качества нужных железным дорогам чугунных изделий. Число

*) Борьба за качество. Первая всесоюзная конференция по качеству продукции предметов широкого потребления, Москва 1931, стр. 58-61, 64-67, 97.

***) «За Индустриализацию», 12.X.1930.

изломов шеек осей под вагонами с 1925/6 года увеличилось вдвое. Бандажи выдерживали только 1-2 обточки вместо 3-4 и давали средний пробег 8-12.000 километров вместо 40-50.000 километров довоенного времени*). Рельсы, вместо нормальных 10-15 лет часто служили 3-5 лет, в три раза менее. В одном из своих докладов он привел еще более яркие цифры. По его сведениям, «у нас еще до последнего времени лежат железнодорожные рельсы, произведенные на наших заводах, по 30-40 лет, а некоторые даже и 45 лет. Теперь же уральские заводы не дают гарантии на пять лет**).

По мнению Рудзутака, «особое внимание мы должны обратить на качество продукции нашей машиностроительной промышленности, ибо качество ее работы имеет совершенно исключительное значение. Если, скажем, легкая промышленность дает плохо сшитый пиджак или плохо сшитую обувь, то она теряет на этом деле столько, сколько стоит материал этого пиджака или пары ботинок, и столько, сколько стоит рабочая сила, производившая эту продукцию. Если же мы даем стране плохую машину, то это значит, что мы несем убыток не только на себестоимости материала и производства данной машины, но что мы тянем вниз производство того завода, которому поставляем плохую машину, плохое оборудование. Поэтому плохая работа сказывается в квадрате, в кубе, десятикратно, потому что она тянет вниз хорошую производительную работу тех рабочих, которые работают на плохом станке, произведенном нашей машиностроительной промышленностью... Это является одним из самых сильных тормозов нашего продвижения вперед».

Такой же вред приносит и плохое качество про-

*) «Экономическая Жизнь», 17.VII.1929.

***) «За Индустриализацию», 16.VIII.1931.

дукции металлургической промышленности. Плохое качество рельс нередко является причиной крушений поездов, причем особенно сигнализирующими являются случаи, когда уложенные в путь новые рельсы, не имеющие никаких видимых признаков негодности, вследствие плохого качества металла и скрытых внутренних дефектов, раскалываются сразу на три, на четыре части и более, а в одном случае даже на 72 куска*). На вопрос, каковы общие размеры потерь от брака, Рудзутак дал следующий ответ: «Этого никто не подсчитал. Во всяком случае, речь идет о сотнях миллионов рублей... По всему народному хозяйству наши потери от брака очень велики. Если мы по-настоящему возьмемся за сокращение, за уничтожение брака, мы можем дать стране громадные денежные сбережения. И не только денежные. Мы будем сберегать громадное количество рабочей силы, потому что на производство брака требуется не меньше труда, чем на производство хорошей продукции. Мы будем сберегать громадное количество материалов. Наконец, мы дадим громадное облегчение транспорту, которому не надо будет перевозить сырье на производство этого самого брака». В первой половине 1930-х гг. количество его доходило до 35% всей продукции промышленности. Потом его количество уменьшилось, но все же остается очень значительным.

Низкая квалификация рабочих и недостаток инженерного состава неизбежно ведут к порче машин, производству брака, недоброкачественной и некомплектной продукции и большим потерям сырья. Очень много превосходных машин, привезенных из Европы и Америки, за которые были уплачены большие деньги, были поломаны и испорчены «практиками» и комсомольцами со школьной скамьи, занимавшими места ответственных инженеров и не имевшими нужной ква-

*) «Социалистический транспорт», 1933, IX.

лификации рабочими. Конечно, работая на этих машинах и портя их, русские техники и рабочие многому научились; но за их выучку стране пришлось заплатить слишком дорогую цену. До сих пор брак на советских промышленных предприятиях очень велик. В своем докладе в Верховном Совете о государственном бюджете на 1947 г. министр финансов Союза ССР Зверев утверждал, что «многие хозяйственники продолжают непроизводительно тратить ценнейшие материалы и сырье, допускают значительный брак продукции». — «За 9 месяцев 1946 г. себестоимость осветительной электролампы на заводе № 643 оказалась в пять раз выше, чем на заводе № 632. Объясняется это главным образом большим браком изделий. Вот цифры. На заводе № 632 потери от брака составляют 7,3 процентов к стоимости производственных затрат, а на заводе № 643 — 47,3 процента». В конце 1948 г. был уволен министр легкой промышленности Союза ССР за огромный процент брака в производстве. Сверх указанных выше основных причин брака, он вызывается в Советской России еще рядом второстепенных: требованиями со стороны Госплана, Высшего Совета народного хозяйства и промышленных комиссариатов исполнения заданных планов по количеству, при отсутствии или слабом контроле за качеством продукции; требованиями снизить себестоимость продукции, что достигалось ухудшением ее качества; введением карточной системы распределения продуктов личного потребления, при которой потребитель был вынужден покорно брать тот товар, который ему дают*).

*) В «Известиях» за 1949 г. мы находим след. сообщения о браке в советской промышленности: «В редакцию «Известий» поступают письма, в которых предъявляются серьезные претензии к предприятиям, выпускающим недоброкачественные товары широкого потребления. В магазинах Воронежской области, например, долгое время лежат, покрываясь пылью, небрежно сшитые пла-

В суждениях о причинах ухудшения качества промышленных изделий все свидетельства сходятся на том, что непосредственной причиной является стремление исполнить распоряжение начальства о снижении себестоимости. Фабричная администрация сознательно и планомерно ухудшает качество изделий, чтобы снизить их себестоимость.

тья-балахоны и «пальто-фантазия». Потребители не покупают этот явный брак воронежских швейных фабрик. Не находит сбыта невзрачная и непрочная обувь местной фабрики. Воронежские промысловые артели выпускают абсолютно непригодные замки, умывальники, расклеивающуюся мебель, топоры с трещинами и раковинами. Недоброкачественные изделия выпускают предприятия и промысловые артели и ряда районов Рязанской, Саратовской и других областей. Высокий процент брака на многих предприятиях Министерства местной промышленности РСФСР является следствием того, что некоторые хозяйственники пытаются увеличить валовой выпуск продукции не путем улучшения технологии и культуры производства, а за счет понижения качества изделий. В Рязанской области, например, предприятия местной промышленности грубо нарушают технологический процесс, не считаются с утвержденными техническими условиями, и в результате торговая сеть получает недоброкачественные изделия» («Известия», 13 февраля). «В связи с выпуском недоброкачественной продукции к некоторым руководителям был применен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. Так, в декабре минувшего года за выпуск бракованных веялок и повозок для сельского хозяйства были осуждены на 5-6 лет тюремного заключения директор, технорук и начальник ОТК завода «Красногвардеец» Саратовского областного отдела местной промышленности. В суде выяснилось, что сырье и материалы для производства этих изделий были хорошие, технические условия имелись. И только в результате преступного отношения руководителей завода «Красногвардеец» к своим обязанностям колхозы Саратовской области получали от завода сплошной брак» («Известия», 15 февраля). В «Известиях» от 12 июня напечатан фельетон, в котором рассказывается, что произошло бы, если бы директор бракодельной швейной фабрики народный суд приговорил на три месяца ходить по городу в костюме собственного производства — узеньких брючках, в которых одна штанина длиннее другой, и кривошитом пиджачке. Затем в фельетоне описываются факты брака в швейном и посудном производстве.

На конференциях в октябре 1930 г. во время прений указывалось, что под влиянием нажимов и приказов из центра фабричная администрация рассуждает так: советская власть требует увеличения количества? Хорошо, выполним, но себестоимость повысится. Нужно и себестоимость снизить? Ладно, значит я ухудшаю качество. В постановлении Высшего Совета народного хозяйства от 30.I.1931 говорится по этому поводу: «До сих пор внимание и энергия хозяйственников, ударников, инженерно-технических работников направлена почти исключительно на количественное выполнение производственной программы. Сплошь и рядом имеют место совершенно нетерпимые случаи, когда снижение себестоимости производится за счет качества продукции. Со всем этим надо решительно покончить»...

Мы полагаем, что связь между падением качества продукции советской крупной промышленности и директивной снижением себестоимости носит не чисто внешний, поверхностный характер, а является органической, вытекающей из природы монополярной системы народного хозяйства. При конкурентной системе хозяйства борьба между отдельными производителями за овладение рынком неизбежно приводит к гибели экономически слабых, производящих дорого, и росту производства у экономически сильных, производящих дешево. Процесс этот не идет равномерно из года в год, а носит циклический характер и периодически приводит к промышленным кризисам, когда национальная промышленность очищается от предприятий, работающих устарелыми способами или имеющих устарелую организацию, и национальная себестоимость продуктов делает решительный скачок вниз. Монополярная система народного хозяйства лишена этого автоматически действующего аппарата снижения себестоимости. Она исключает конкурентную

Борьбу между отдельными предприятиями и вытекающее из этой борьбы уничтожение отсталых предприятий, производящих дорого. Поэтому, при монопольной системе хозяйства снижение себестоимости не может происходить самотеком, автоматически; оно всегда требует административного распоряжения, по самому существу своему являющегося произвольным, так как ни одно центральное управление не может знать, какое именно снижение себестоимости возможно по экономическим условиям на управляемых им отдельных предприятиях. Этого не знает часто и директор фабрики, настолько трудно поддается этот вопрос предвидению. В данном случае замена стихийного процесса конкуренции плановым началом дает явно отрицательные результаты. Монопольная система хозяйства способна понижать себестоимость лишь в результате технических усовершенствований машин и повышения квалификации рабочих.

Всякие же искусственные усилия снизить себестоимость естественно и неизбежно приводят к понижению качества продукции. Связь между этими двумя явлениями вполне закономерна и вытекает из природы монопольного хозяйства.

Падению качества продукции сильно способствовал также товарный голод в стране, при котором потребитель брал любой товар, не обращая внимания на его качество. Директора фабрик откровенно говорили: «Чего там канителиться? У нас товарный голод, и поэтому нечего смотреть на плохое качество продукции, — даешь, да и только». Представители государственной кооперации держались того же мнения: «дефицитность товара на рынке стирает все его дефекты, давай — все заберем»; в отделах пищевых продуктов придерживались правила: «товарищи все

слопают»*. Потребитель должен брать, что дают; он не имеет права выбирать товар. Те товары, которые выдаются по карточкам по твердым сниженным ценам, прямо обязательны к приему, — или бери, что дают, или уходи без товара.

Для борьбы с низким качеством продукции и большим количеством брака советская власть, по примеру всех правительств, неспособных разобраться в причинах вредных социальных и экономических явлений и бессильных устранить их, решила прибегнуть к всецеляющему средству — уголовным репрессиям, объявив выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции «тяжким противогосударственным преступлением».

Первый шаг в этом направлении был сделан 23 ноября 1929 г. Центральный Исполнительный Комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР предложили центральным исполнительным комитетам союзных республик предусмотреть в уголовных кодексах:

1) за массовый или систематический выпуск из промышленных и торговых предприятий недоброкачественных изделий — лишение свободы на срок до пяти лет или принудительные работы на срок до одного года;

2) за несоблюдение обязательных стандартов — лишение свободы до двух лет или принудительные работы на срок до одного года.

Лишь второе из этих предложений получило силу закона 20.III.1931 г. (ст. 128 Уголовного кодекса), при чем термин «принудительные работы» был заменен более благозвучным выражением «исправительно-трудовые работы». Производство брака, увеличиваясь с каждым годом, шло совершенно безвозбранно.

*) Борьба за качество. Первая всесоюзная конференция по качеству продукции предметов широкого потребления, Москва 1931, стр. 20, 69.

Поэтому Центральный Исполнительный Комитет и Совет народных комиссаров СССР издали сами 8 дек. 1933 г. соответствующий декрет следующего содержания:

«Несмотря на неуклонный рост продукции государственной промышленности и достигнутые успехи в овладении новой техникой, до сих пор не изжито преступно-небрежное отношение к качеству выпускаемой продукции со стороны руководителей отдельных предприятий и хозяйственных организаций. Выпуск недоброкачественных или неукomплектованных машин, а также выпуск недоброкачественных деталей и материалов со стороны смежных заводов наносит существенный ущерб государству. Особенно нетерпим и преступен выпуск недоброкачественных и некомплектных изделий предприятиями, работающими на нужды обороны страны.

«Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных комиссаров СССР, рассматривая выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, как тяжкое противогосударственное преступление и признавая необходимым усиление ответственности за выпуск недоброкачественной продукции, во изменение своего постановления от 23 ноября 1929 г., постановляет:

«1. Установить, что управление трестов, директора предприятий и лица административно-технического персонала, виновные в выпуске недоброкачественной или некомплектной продукции, привлекаются к уголовной ответственности с применением меры судебной репрессии — лишение свободы на срок не ниже 5 лет.

«2. Поручить прокуратуре Союза ССР обеспечить неуклонное проведение в жизнь настоящего постановления».

В исполнение этого постановления, в Уголовный

кодекс была включена в начале 1934 г. ст. 128 а следующего содержания:

«Выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции из промышленных предприятий вследствие преступно-небрежного отношения к порученному делу управляющих трестов, директоров предприятий и лиц административно-технического персонала — лишение свободы на срок не ниже пяти лет. Массовый или систематический выпуск из торговых предприятий недоброкачественной продукции — лишение свободы на срок до пяти лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года».

Издание этих декретов свидетельствовало о больших размерах производства недоброкачественных товаров и о бессилии советской власти справиться с ним оперативно-хозяйственными мерами, организацией технического контроля, бракеража, отказом от распределения товаров по карточкам, вообще, улучшением организации производства и распределения промышленной продукции. Уголовное наказание необходимо в борьбе с проявлением злой воли. Но там, где была лишь плохая организация хозяйственного дела, оно может быть только вредным.

Так как, несмотря на эти строгие статьи Уголовного кодекса, выпуск советской промышленностью брака продолжался, хотя и в значительно меньших размерах, чем в 1929-1934 гг., то 10.VII.1940 Президиум Верховного Совета СССР издал следующий закон:

«1) Установить, что выпуск недоброкачественной или некомплектной промышленной продукции и выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов является противогосударственным преступлением, равносильным вредительству.

«2) За выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за выпуск продукции с нару-

шением обязательных стандартов — директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля промышленных предприятий предавать суду и по приговору суда подвергать тюремному заключению сроком от 5 до 8 лет».

Из материалов, опубликованных советской печатью после издания этого декрета, видно, что технический контроль выпускаемой промышленными предприятиями продукции и бракераж товаров, принимаемых торговыми организациями для продажи населению, был поставлен из рук вон плохо. Технические контролеры и бракеры часто не имели самых элементарных технических знаний. Поэтому количество брака, выпускаемого советскими промышленными предприятиями на рынок, было очень велико.

Издание этого закона имело самые неожиданные результаты. После первых же приговоров директоров промышленных предприятий, их главных инженеров и начальников технического контроля к тюремному заключению на срок от 5 до 8 лет за выпуск брака и некомплектной продукции, администрацией промышленных предприятий овладела паника. Директора и инженеры знали, что продукция их предприятий является в какой-то части недоброкачественной; но они были бессильны переделать брак в доброкачественный продукт. Чтобы избежать тюрьмы, им оставалось одно: вовсе прекратить выпуск дефектной продукции на рынок. Уже в середине сентября, через два месяца после издания декрета, совершенно прекратилась поставка предприятиям фотопромышленности фотостекла, являющегося основным материалом для производства фотопластинок. Московской фотофабрике № 2, являющейся самой крупной в этой отрасли промышленности, в июне было отгружено 72,1 тыс. квадр. метров стекла, в июле только 15,4 тыс., в августе — 9,6 тыс., за первые десять дней сентября, когда ей

должны были отгрузить 58,1 тыс. кв. метров стекла, ей не было отгружено ни одного метра.

Уже в начале октября «Правда» писала: «Известно, что после опубликования указа Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции некоторые хозяйственники встали на вредный, порочный путь: не сумев обеспечить должное качество продукции, они резко снизили количество выпускаемых изделий»^{*)}). «Правда» стыдливо говорит в этой статье о «некоторых хозяйственниках». На самом же деле невыпуск продукции с промышленных предприятий стал массовым явлением. Вот, например, картина того, что творилось на одном машиностроительном заводе в Москве:

«Вся территория сборного цеха Московского завода им. Калинина Народного Комиссариата общего машиностроения сейчас плотно заставлена полусобранными насосами и турбинами. Горами навалены громоздкие части машин. В цехе, что называется, ни пройти, ни проехать. Кладовые забиты машинными деталями. Под их тяжестью гнутся стеллажи. В механическом цехе и даже на заводском дворе свободные площадки превращены в филиалы сборочного цеха. Чуть ли не вся трехмесячная продукция цехов сейчас осела внутри завода. План третьего квартала по выпуску валовой продукции завод им. Калинина выполнил на 81 процент, а задание по выпуску товарной, готовой продукции — только на 12 с половиной процентов. Семь восьмых всех изделий находятся в незавершенном виде. В чем причина такого положения? Почему завод почти не выпускает готовых машин? До указа от 10 июля на заводах жили припеваючи: «К насосу нет мотора? — Отправим и без

^{*)} «Правда», 1940, 6 октября.

него». — «Нехватает кое-каких деталей? — Сойдет и так!» «У машины есть дефекты? — Неважно, это пустяки». И отправляли некомплектную продукцию невысокого качества. Зато количественная программа выполнялась не плохо. Сейчас обстановка круто изменилась. Требуется полная комплектность продукции, высокое качество изделий. А на заводе этого не делают*)». Казалось бы, всем должно быть понятно, что брак нельзя включить в продукцию промышленности. При производстве брака не только труд рабочего не производит хозяйственной ценности, но непроизводительно снашиваются также машины и инструменты, расходуется топливо и уничтожаются сырые материалы, служащие для производства негодного изделия. Поэтому, производство брака составляет для народного хозяйства прямой убыток. Тем не менее советская статистика включает или весь, или значительную часть производственного брака в учитываемую ею валовую продукцию промышленности по отпускным ценам продуктов стандартного качества**).

Германское нашествие и война 1941-1945 гг. нанесли тяжкий удар русской промышленности***). Как

1940, средний месяц	11,5
1941, июнь	13,2
— ноябрь	6,3
1942, декабрь	9,4
— год	94,2 (приблизит.)
1943, год	110,2
1945, год	127,0

Н. Вознесенский, Военная Экономика СССР, 1947, стр. 15, 42, 46, 61, 151, 164.

*) «Правда», 20 октября 1940.

***) Вопросы советской торговли, 1939, I, стр. 31-32. Много интересных конкретных примеров производства брака приведены в «Правде» 1939 г. 21, 23, 24, 30 июня и 2, 6, 8 июля.

***) По данным Вознесеиского, в годы войны производительность советской промышленности эволюционировала след. образом (в миллиардах рублей 1926/7 года):

мы выше показали, население Союза ССР (в старых границах) сократилось с начала 1939 г. к началу 1946 г. с 170,5 м. человек до приблизительно 159,7 м. человек; с 1940 по 1945 г. сбор зерновых хлебов сократился с 119,0 мил. тонн до 67,0 мил. тонн; государственные заготовки хлеба, равнявшиеся в 1938/39 г. 270 мил. центнеров, в 1941-1944 гг. давали в среднем 175 мил. центнеров; количество рогатого скота с 64,6 мил. голов упало до 46,9 мил. голов. Война разрушила 31.850 промышленных предприятий с 4 мил. рабочих; на Урал и в Сибирь было эвакуировано 1300 промышленных предприятий. В Донецком и Подмосковном бассейнах было разрушено 1.135 каменноугольных копей, на которых работало 337.000 рабочих и добывалось 104,6 мил. тонн угля в год. Производство чугуна в 1945 г. упало до 9,0 мил. тонн*). Присоединение к Советскому Союзу значительных территорий по западной границе и германская оккупация с произведенными ею народнохозяйственными разрушениями привели к образованию в СССР трех зон, весьма значительно различающихся между собою в народнохозяйственном отношении:

- 1) территории Союза в старых границах, не бывшей под германской оккупацией;
- 2) территории Союза в старых границах, бывшей под германской оккупацией;
- 3) вновь присоединенной к Союзу территории, также бывшей в большей своей части под германской оккупацией.

Для познания современного состояния промышленности в СССР и перспектив ее развития в ближай-

*) И. Бардин, Черная металлургия в новой пятилетке. Москва 1947, стр. 15. В годы четвертой пятилетки проектируется рост производства чугуна в среднем в год на 2,1 мил. тонн, за пять лет 10,5 мил. тонн. Так как в 1950 г. проектируется производство 19, мил. тонн, то в 1945 г. произведено было 9 мил. тонн.

шие 5-10 лет было бы очень важно иметь о ней статистические данные по каждой из этих трех зон отдельно. К сожалению, те немногие данные, которыми мы располагаем о состоянии советской промышленности после войны, мы имеем лишь по двум территориям: бывшей свободной от германской оккупации и оккупированной германской армией. Развитие промышленности на этих двух территориях шло следующим образом (в миллиардах рублей 1926/7 года)*):

	свободная от оккупации	бывшая занятой германской армией	всего
1940	92,8	45,7	138,5
1942	94,8	—	94,8
1943	108,2	2,7	110,9
1944	114,3	8,3	122,6
1945	113,5	13,5	127,0
1946	88,2	17,3	105,5
1947	105,7	23,0	128,7
1948	131,0	32,4	163,4
1949	—	—	195,3
1950	—	—	240,2

Война 1941-1945 гг. породила в промышленном хозяйстве СССР значительные потери, которые могут быть возмещены только через много лет. Главными мы считаем: уменьшение населения и рабочих сил; замену в промышленных предприятиях рабочих 18-49 лет стариками и подростками, мужчин — женщинами, квалифицированных рабочих — новичками на работе; понижение трудоспособности рабочих вслед-

*) Н. Вознесенский, Военная Экономика СССР, 1947, стр. 15, 42, 46, 61, 157, 164; Большая Советская Энциклопедия, 1948, стр. 830, 834; трехмесячные обзоры Центрального Статистического Управления в «Известиях» 1946-1950 гг.

ствие ухудшения их питания и уменьшения количества скота в стране; ухудшение жилищных условий вследствие разрушения 1710 городов; уничтожение и износ технического оборудования фабрик, заводов и копей, мастерских; уменьшение народного дохода и понижение способности к национальному накоплению и инвестициям в промышленность. Средний рабочий после войны 1941-1945 гг. несомненно обладает и много лет еще будет обладать меньшей производительностью, чем до войны. Большое народнохозяйственное значение имеет также многомиллионное количество заключенных в тюрьмах и лагерях принудительных работ мужчин рабочего возраста, труд которых обладает значительно пониженной производительностью*).

Под влиянием этих народнохозяйственных последствий войны и германского нашествия, рост промышленности даже в той части СССР, которая оставалась свободной от германского занятия, шел замедленным темпом, а в 1946 и 1947 гг., когда шло сокращение и перестройка военной промышленности на мирные задачи, размеры валовой продукции промышленности даже сокращались. На оккупированной германцами части СССР, по мере ее освобождения, восстановление промышленности шло медленно, и в

*) Если не ошибаемся, комиссариат юстиции ввел употребление на хозяйственных работах (рубка леса, прокладка дорог и т. под.) осужденных к тюремному заключению или в лагеря принудительных работ в 1929-1930 гг. По свидетельству бывшего французского посла Р. Кулондра, количество политических ссыльных в лагерях принудительных работ зависит от размеров нужды советского государственного хозяйства в числе рабочих. Он говорит, что из очень хорошего источника он узнал о след. фразе, произнесенной заведывавшим политической полицией Ежовым: «Нужда в рабочих руках заставляет меня в этом году усилить политическую чистку». (R. Coulond re, De Staline à Hitler, 1950, p. 65).

1948 г. достигло лишь 70,9% довоенных размеров. В годы войны и по ее окончании изменилось также географическое размещение промышленности. Если в 1940 г. на территории, оккупированной в годы войны германскими армиями, помещалось 33% промышленности СССР, то по плану 1946-1950 гг. на ней должно было быть помещено лишь 25,7% советской промышленности, а исполнение плана, повидимому, понизит эту цифру до 21%.

Общее представление о развитии промышленности СССР, о ходе ее восстановления и дальнейшего развития дает следующая таблица размеров ее валовой продукции (в миллиардах рублей по ценам 1926/27 гг.):

	вся промыш- ленность	произв. средств производ- ства*)	машиностро- ение и обраб. металлов	прочие средства производства	предметы личного потребления
1913	16,2**)	5,4	1,1	4,3	10,8
1927/8	18,3	8,6	2,1	6,5	9,7
1932	43,3	23,1	9,4	13,7	20,2
1937	95,5	55,2	27,5	27,7	40,3
1942, план	184,0	114,5	63,0	51,5	69,5
1940	138,5	84,8	50,3	34,5	53,7
1945	127,0	95,4	—	—	31,6***)
1948	163,4	—	—	—	—
1950, план	205,0	135,9	100,6	35,3	69,1***)
1950, исп.	240,2	—	115,7	—	—

*) В производство средств производства включена также военная промышленность, производство орудий массового разрушения и истребления людей.

Как показывает эта таблица, в десятилетие 1929-1939 гг., когда в Западной Европе и Северной Америке промышленное производство или сокращалось, или росло в гомеопатических размерах, промышленность СССР успешно и упорно росла. Только в отличие от других аграрных стран, рост этот, при плановой системе хозяйства, происходил в Советской России с поразительной силой и скоростью. Таблица эта требует однако некоторых пояснений. Рост промышленности на 1950 г. запроектирован четвертым пятилетним планом, по сравнению с 1913 г., в 12,7 раза. Это вовсе не значит, что горная и обрабатывающая промышленность страны вырастут в этих размерах. Во-первых, в послереволюционные годы значительно расширился объем той отрасли народного хозяйства, которую мы называем промышленностью. Раньше к промышленности относилась только работа ремесленных мастерских, фабрик, заводов, шахт. Теперь в нее отнесены все промыслы: рыбная ловля, охота на пушного зверя и птицу, заготовка и сплав дико растущего леса, собирание воска и меда от диких пчел, грибов и ягод и т. д.; в промышленность отнесена и первичная обработка сельскохозяйственных продуктов, — размол зерна, обдирка круп, выжимка растительных масел, приготовление коровьего масла,

***) Включая рыболовство, звероловство и заготовку древесины.

***) Размеры производства предметов личного потребления в 1945 и 1950 гг. вычислены нами на основании указания четвертого 5-летнего плана, что объем розничного товарооборота в 1950 г. в сравнимых ценах будет превышать объем товарооборота 1940 г. на 28%, и сообщения председателя госуд. плановой комиссии Н. Вознесенского, что рост промышленной продукции предметов питания и предметов широкого потребления запроектирован на 1946-1950 гг. в размере 17% в год, следовательно, за пять лет в размере 119% (Большевик, Москва, 1946, VI, стр. 76).

трепанье льна и пеньки, очистка хлопка от семян, заготовка сухого чайного листа, приготовление виноградных вин, забой скота и птицы; в советской статистике все производство сельского хозяйства считается сырым материалом для промышленности, за исключением части овощей, фруктов и ягод, молока, яиц, птицы, потребляемых в их первичном виде, без обработки. Затем, с прогрессом денежного хозяйства многие производственные процессы, производившиеся в семейном быту, — печение хлеба, приготовление пива не могут дать точного учета динамики развития, производство тканей, одежды и обуви, — статистикой раньше не учитывавшиеся, в настоящее время обособились в самостоятельные производства и статистикой учитываются. Примерами могут служить булочные, столовые общественного питания, фабрики-кухни и производство льняного полотна и крестьянского сукна. Наконец, многие ремесленные и кустарные производства, прежде очень плохо учитывавшиеся, в настоящее время приобрели фабричный характер. При таком изменении структуры промышленности и учитываемых статистикой ее продуктов и изделий, статистические данные о валовой промышленности промышленности.

В советской промышленности главное место занимает производство средств производства. Советская промышленность начала свою интенсивную индустриализацию не с легкой промышленности, как другие аграрные страны, а с тяжелой. С. Ю. Витте уже в 1890-х гг. понимал необходимость для России иметь свою тяжелую промышленность и создал южно-русскую металлургическую промышленность. Этой особенности процесса промышленного развития СССР Сталин дал следующее объяснение в своей речи во время выборной кампании в Верховный Совет 9 февр. 1946 г.: «Советский метод индустриализации страны

коренным образом отличается от капиталистического метода индустриализации. В капиталистических странах индустриализация обычно начинается с легкой промышленности. Так как в легкой промышленности требуется меньше вложений и капитал оборачивается быстрее, причем получение прибыли является более легким делом, чем в тяжелой промышленности, то легкая промышленность становится там первым объектом индустриализации. Только по истечении длительного срока, в течение которого легкая промышленность накапливает прибыли и сосредоточивает их в банках, только после этого наступает очередь тяжелой промышленности и начинается постепенная перекачка накоплений в тяжелую индустрию для того, чтобы создать условия для ее развертывания. Но это — процесс длительный, требующий большого срока в несколько десятилетий, в течение которого приходится ждать развития легкой промышленности и прозябать без тяжелой промышленности. Понятно, что коммунистическая партия не могла стать на этот путь. Партия знала, что война надвигается, что оборонять страну без тяжелой индустрии невозможно, что нужно поскорее взяться за развитие тяжелой индустрии, что опоздать в этом деле — значит проиграть». Мы считаем это объяснение только наполовину верным. В других аграрных странах причиной начала индустриализации с легкой промышленности была не большая легкость получения от нее прибыли, а желание обслужить прежде всего нужды населения и увеличить свою экспортную торговлю. Изделия национальной промышленности должны были прежде всего заменить привозные предметы личного потребления. Затем экспортируемые сельскохозяйственные продукты должны были быть подвергнуты первичной обработке, чтобы сделать их более транспортабельными. Первой формой тяжелой промышленности в аграрных странах

является добыча минерального сырья на экспорт. Напротив, в Советской России путь развития промышленности определялся не нуждами населения и внешней торговли, а задачами обороны страны от грозящего ей нападения соседей с Запада.

По четвертому пятилетнему плану, производство средств производства в СССР за период 1913-1950 гг. увеличится в 24,5 раза, а производство предметов личного потребления в 6,8 раза, почти в четыре раза менее.

В натуральном выражении развитие ключевых отраслей тяжелой промышленности (электрической энергии — в миллиардах киловатт-часов, прочих отраслей — в миллионах тонн) шло следующим образом:

	каменный уголь	нефть	электр. энергия	чугун
1913	29,1	9,2	1,9	4,2
1920	8,5	3,8	0,5	0,1
1927/8	36,1	11,6	5,0	3,3
1932	64,3	22,3	13,5	6,2
1937	127,3	30,5	36,4	14,5
1942, план	243,0	54,0	75,0	22,0
1940	166,0	31,1	48,2	15,0
1945	149,6	19,4	44,8	9,0
1948	207,0	29,4	66,0	14,0
1950	261,6	38,5	95,1	19,9

В послевоенные 1946-1949 годы развитие всей промышленности (в миллиардах рублей) и главных ее отраслей (в миллионах тонн, метров и квадратных метров, миллиардах киловатт-часов) шло следующим образом*):

*) United Nations, Economic Survey of Europe in 1949, p. 14; трехмесячные отчеты Центрального Статистического Управления в «Известиях»; Сообщение Государственного планового Комитета, «Правда» 1951, 17 апреля.

	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Каменный уголь	166	149,6	164,6	184,3	207,0	234,0	261,6
Нефть	31,0	19,4	22,4	26,7	29,4	33,5	38,5
Электрическая энергия	48,2	44,8	49,3	56,9	66,0	78,0	95,1
Чугун	15,0	9,0	10,3	11,7	14,0	16,6	19,9
Хлопчатобум. ткани	3886	1623	1899	2526	3098	3532	3819
Кожаная обувь	205	60,6	77,6	108,7	135,0	165,0	200,9
Цемент	5,8	1,9	3,4	4,8	6,4	8,1	10,5
Вся промышленность	138,5	127,0	105,5	128,7	163,4	195,3	240,2

Так как Европейская равнина СССР бедна минеральными ископаемыми, то советская тяжелая промышленность развивается главным образом на Урале и за Уралом, в Сибири, Средней Азии и Закавказьи. Ее центром все более становится Алтай с Горной Шорией. Особенностью развития тяжелой промышленности в СССР является открытие богатых минеральных залежей и создание крупных промышленных предприятий в северных тундрах и среднеазиатских пустынях. Топливной основой советской промышленности является каменный уголь, как показывает следующая таблица топливного баланса страны (в процентах)*):

	1932	1937	1940	1950 план
Каменный уголь	59,4	69,5	71,9	75,6
Дрова	19,9	13,6	13,9	9,7
Торф	3,7	5,8	6,2	6,2
Нефтетопливо	17,0	11,0	7,9	6,3
Природный газ	—	—	—	1,4
Сланцы	—	0,1	0,1	0,8

В противоположность каменному углю, залежами которого СССР обладает в неограниченном количестве, нефть является в нем дефицитным продуктом. Этим объясняется настойчивое стремление советской власти получить доступ к иранским источникам нефти. Надежды на быстрый рост добычи нефти в так называемом «Втором Баку», по Волге и Каме, не оправдались. Поэтому, в четвертом пятилетнем плане запроектированы восстановление и рост каменноугольной промышленности, и только восстановление, с слабым приростом — нефтяной. По исчислениям советских геологов, запасы нефти на территории Союза в старых границах достигают 4679,3 мил. тонн

*) Плановое хозяйство, 1946, кн. II, стр. 101.

из всей суммы мировых запасов в 7965,1 мил. тонн, или 58,7%; из них намечено к добыче в 1950 г. 35,4 мил. тонн, или 0,76%. Но нефть и бензин в современном народном хозяйстве для моторов внутреннего сгорания нужны во всех отраслях его, — не только в авиации и автомобильном деле, но и в сельском хозяйстве, на железных дорогах, в морском и речном транспорте. Если, несмотря на всю нужду в нефти, советские техники не могут увеличить ее добычу, — значит, ее действительно нельзя добыть, и ее запасы являются не действительностью, а иллюзиями. Повидимому, иллюзией является и другая цифра советских геологов, запасы железных руд. Они учтены в 267.400 мил. тонн на территории СССР в старых границах, и на 1950 г. запроектирована добыча 40 мил. тонн железной руды, или 0,015% учтенных запасов. Много внимания советская власть уделила производству электрической энергии гидро-электрическими станциями; но на 1950 г. запланировано ею только 82 миллиарда киловатт-часов; следовательно, ее роль в народном хозяйстве СССР еще очень не велика. Приведенные поэтому выше статистические данные о развитии ключевых отраслей тяжелой промышленности совершенно не объясняют нам, как развитие в 1950 г. промышленности, производящей средства производства, могло быть запроектировано в 24,5 раз более, чем оно было в 1913 г.

Объяснение заключается в росте машиностроения. В приведенных нами данных о росте производства машиностроения и обработки металлов руководящая роль принадлежит производству машин. В 1937 г., из 27,5 миллиардов рублей валовой продукции этой отрасли промышленности, на производство машин приходилось 23,2 млрд. рублей, или 84,4%. Но до приступа к работе по первому 5-летнему плану развития народного хозяйства в 1928/9 г. производства машин в Рос-

сии и СССР не существовало. Учет стоимости их производства и цен на них, в 1926/7 г. в стране не производившихся, являлся неразрешимой задачей: как учесть их валовую продукцию по ценам 1926/7 г., когда в этом году эти машины на рынок не поступали и цены не имели?

Советские экономисты разрешили эту задачу следующим образом: всю продукцию новых производств они учитывают по отпускным ценам первого года выпуска этих продуктов на советский рынок. Цены эти, при высокой себестоимости продукции в первый год ее выпуска, неизбежно должны были быть ненормально высокими. Тем не менее, именно по этим раздутым ценам производился в последующие годы учет продукции всех производств, возникших после 1927 г*). Если цены и на продукты старых производств в 1926/7 г. были значительно выше цен западно-европейских и северо-американских, то цены на товары новых отраслей промышленности, возникших после 1927 г., стояли и продолжают стоять на уровне, совершенно несоответствующем уровню мировых цен. Поэтому, приводимые в советской экономической статистике данные о росте валовой продукции машиностроения являются в очень большой мере преувеличенными. Заслуживает внимания, что в то время как за 1913-1950 гг. по плану машиностроение должно увеличиться в 91,5 раза и на 285% превзойти производство всех остальных средств производства, рост этих последних был запроектирован только в 6,4 раза. Так как продукция машиностроения входит в состав валовой продукции всех средств производства и народного дохода от всей промышленности, то и эти статистические данные являются в соответствующей мере преувеличенными.

Как мы уже говорили, производство предметов

*) Плановое хозяйство 1939, кн. I, стр. 125-127.

личного потребления было пасынком советской промышленности. Везде и всюду эта промышленность работает, главным образом, на местные рынки; в ней большую роль играет ремесло и мелкие предприятия с числом рабочих менее 16. Тотальная национализация всей промышленности в первые годы после октябрьской революции 1917 г. централизовала все управление ею в руках Высшего Совета народного хозяйства и Государственной плановой комиссии. Ремесло и мелкая промышленность не только были забыты, они были уничтожены. Вместе с ними была уничтожена инициатива, предприимчивость, умение произвести товар, отвечающий вкусам потребителей. В результате население, личные потребности которого лишь в слабой степени обслуживались крупной промышленностью, оказалось лишенным самых необходимых предметов потребления и быта. До войны советская печать жаловалась на отсутствие в колхозах телег, саней, хомутов, сбруи, даже дуг и возжей; не было кузниц для подковывания лошади, направки топора, починки плуга; не было даже мельниц для размола зерна. Под Москвой не было крупорушек для обдирки гречихи и проса. В Архангельской области, за отсутствием водяных мельниц, развалившихся от ветхости, крестьяне начали молоть зерно на ручных жерновах. По свидетельству А. Андреева, в настоящее время в Советской России нет производства в местной промышленности конного инвентаря: телег, колес, хомутов, подков, гвоздей, в результате чего для чрезвычайно сократившегося после войны поголовья рабочего скота, которого просто не хватает для нужных работ, нет необходимого инвентаря и упряжи, и даже имеющееся недостаточное его поголовье не используется как следует*). Корреспондент

*) Известия 1947, 7 марта; также Известия 1947, 5.VI и 3.VII; Правда 1947, 23.VI; Труд 1947, 2.VII.

из Рязанской области жалуется, что наступила косовица, а в продаже нет кос, брусков, отбойных молотков. Как может Государственная плановая комиссия планировать обслуживание потребностей и быта всех национальностей, населяющих Россию, от Ледовитого океана до Черного моря и Ирана, от Петербурга до Владивостока и Камчатки, не парализуя местную инициативу и не убивая своими приказами сверху всякую активность местных людей в поисках местного сырья и в постановке местного производства, отвечающего быту местного населения? Поэтому, тоталитарное планирование привело к тому, что самые обычные предметы домашнего обихода, с успехом производившиеся в дореволюционной России при рыночной системе хозяйства, в Советской России превратились в неразрешимые проблемы: проблему топора, телеги и т. д.

На такое положение населения, лишенного самых элементарных промышленных предметов, советская власть обратила внимание лишь после начала в Европе серии войн 1939-1945 гг. Указ о реформе производства товаров широкого потребления из местного сырья был издан 7 января 1941 г., за несколько месяцев до начала войны с Германией; поэтому рост производства товаров широкого потребления остался на бумаге. Мотивы к этому указу дают откровенную и жестокую критику преступной политики советской власти в области этой промышленности: «Отсутствие необходимых прав у местных советских органов распоряжаться продукцией, вырабатываемой местной промышленностью и промысловой кооперацией, недостаточная финансовая заинтересованность, неправильная система планирования, при которой народные комиссариаты местной промышленности союзных республик, Всесоюзный кооперативный промышленный совет и народный комиссариат торговли СССР уста-

навливали план производства и использования всех товаров широкого потребления, вырабатываемых местной промышленностью и промысловой кооперацией, без учета местных интересов, — привели к тому, что местные органы власти и торгующие организации не были в должной мере заинтересованы в расширении производства товаров широкого потребления, стали на путь иждивенчества, ориентируясь на ввоз этих товаров из других республик, краев и областей». Нам нечего прибавлять к этой критике. Руководствуясь ею, правительство СССР постановило:

1) отменить существующую практику централизованного планирования производства и использования товаров широкого потребления и продовольствия;

2) передать планирование производства и использования местной промышленности в руки районных и областных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся и Советов народных комиссаров союзных и автономных республик, и

3) ликвидировать в январе 1941 г. Всесоюзные советы промысловой кооперации, лесохимической и деревообрабатывающей промысловой кооперации и Металлический союз промысловой кооперации.

Товары, производимые местной промышленностью из местного сырья и отходов крупной промышленности, поступают полностью, а из государственного недефицитного сырья — в размере 50% в распоряжение перечисленных выше органов местного управления. Предприятиям местной промышленности было также предоставлено право использования цветных металлов (олова, свинца и пр.), добываемых из отвалов и месторождений, не разрабатываемых союзной промышленностью. Цены на те товары местной промышленности, по которым нет единых отпускных и розничных цен, утвержденных правительством СССР,

устанавливаются областными исполнительными комитетами и Советами народных комиссаров союзных и автономных республик. Свое действие этот указ начал оказывать только по окончании войны. Повидимому, советской властью осознаны наконец неизбежные народно-хозяйственные следствия плохого обслуживания материальных нужд населения и четвертый пятилетний план на 1946-1950 гг. запроектировал, в противоположность трем первым планам, более высокий рост производства предметов потребления, чем средств производства. Среднегодовые темпы роста производства средств производства и предметов личного потребления дают в %% следующую табличку:

	I план	II план	III план	IV план
Производство средств				
производства	30,8	18,9	15,2	7,3
— предметов				
потребления	17,6	14,9	11,0	17,0

После войны советская промышленность в какой-то мере повернула в сторону обслуживания нужд населения. Совет народных комиссаров СССР постановил, что вырабатываемые местной промышленностью и промысловой кооперацией телеги, сани, мебель, веревки, шорные (кожаные) изделия, кирпич, черепица и проч. не подлежат централизованному распределению и полностью остаются в распоряжении местных организаций. Мы можем лишь выразить свое удивление, как можно было до 1945 г. распределять эти предметы из планирующего центра в Москве. По четвертому пятилетнему плану, в промышленность республиканского подчинения предположено инвестировать 29,5 миллиардов рублей и производство ее довести до следующих размеров (в миллиардах рублей):

	1940	1950
Все произв. предметов личн. потребления	54,0	69,5
В том числе: промышл. республиканского подчинения	44,0	56,3
„ „ „ местная промышленность	11,2	20,1

В крупной промышленности союзного подчинения в 1950 г. предполагается производство только 19% изделий и продуктов широкого потребления. При обсуждении четвертого пятилетнего плана в Верховном Совете указывалось, что в некоторых областях СССР еще плохо используются местные возможности производства товаров. Некоторые советские работники, вместо того, чтобы развернуть у себя в области производство тех или иных товаров для обслуживания нужд местного населения, настойчиво добиваются получения этих товаров из центра. Они утверждают, что на месте хороших товаров местные работники произвести не могут, и что такие товары нужно завозить из Москвы. Четвертый пятилетний план предписывает покончить с этими иждивенческими настроениями и развить местную инициативу по производству товаров, необходимых населению. Председатель Государственной плановой комиссии в своем докладе о четвертом 5-летнем плане признал, что «необходимо всемерное развитие хозяйственной инициативы союзных республик в восстановлении и развитии производительных сил СССР и организации товарооборотов между городом и деревней. Строительные материалы, топливо и предметы широкого потребления, производимые местной промышленностью и промышленной кооперацией, должны полностью находиться в распоряжении правительства союзной республики, которое по своему усмотрению может определить долю продукции, остающуюся на потребление внутри республики, и долю продукции, которая в порядке

товарооборота направляется в другие союзные республики при сохранении общегосударственного регулирования розничных цен»^{*)}).

Развитию местной инициативы в производстве предметов широкого потребления должно содействовать и постановление Совета Министров СССР от 9 ноября 1946 г. о развертывании кооперативной торговли и увеличении производства товаров широкого потребления кооперативными предприятиями. Этим постановлением кооперативные предприятия освобождаются от выполнения несвойственных им заказов крупной промышленности и переключаются на выпуск товаров широкого потребления для населения, — посуды, мебели, тканей, обуви, трикотажных и чулочно-носочных изделий, предметов домашнего обихода, галантереи; им разрешена также скупка поношенных предметов личного потребления и их перепродажа населению после реставрации. Производственные мастерские разрешено также иметь потребительской кооперации. Во всех кооперативных организациях восстанавливается выборность правлений и ревизионных комиссий и их отчетность перед избирателями. Для руководства и контроля за работой промысловой и потребительской кооперации при Совете министров СССР создано Главное управление по делам кооперации. До признания необходимости полного освобождения ремесла, мелкой промышленности и разных форм кооперативной организации от руководства и контроля советов, их исполнительных комитетов и органов, советское правительство еще не дошло.

Если первый пятилетний план ставил перед советской властью задачу «догнать и перегнать» все капиталистические страны в их экономическом развитии, то в настоящее время, после войны 1941-1945 гг., в

^{*)} Большевик, 1946, VI, стр. 86.

экономических планах советской власти заметно значительное отрезвление. В речи, произнесенной на собрании избирателей в Верховный Совет 9 февраля 1946 г., Сталин указал, до каких размеров он хотел бы довести развитие тяжелой промышленности в Союзе ССР в ближайшие три пятилетки, к 1960 г. Сопоставим указанные им плановые задания с достижениями Соед. Королевства и Соед. Штатов С. А. (в миллионах тонн):

	Союз ССР	Соединенное Королевство		С. А. Соед. Штаты	
		1960	1929	1945	1929
Каменный уголь	500	262,0	185,0	552,3	572,2
Нефть	60	—	—	138,1	231,5
Чугун	50	7,7	7,2	43,3	49,1

По этому плану, Союз ССР за ближайшие 15 лет обгонит Великобританию, но достигнет только современного уровня экономического развития Соед. Штатов С. А. Война так ослабила производительные силы Союза, что от прежних иллюзий советская власть должна была отказаться.